Революция и война
№21, 1923



Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

1923

Редакция журнала просит всех сотрудников при присылке статей соблюдать след. условия:

1. Четко писать фамилию и инициалы имени и отчества.

2. Указывать адрес, по которому должен быть выслан гонорар.

3. Статьи писать на одной стороне листа (оставляя оборот чистым), разборчиво, лучше—на машинке.

4. Ограничиваться строго необходимыми для пояснения текста чертежами и схемами. Исполнять их тушью или чернилами (не карандашом). На каждом чертеже (и схеме) проставлять его номер и указывать на полях текста, где этот чертеж желательно поместить.

Редакция журнала—Смоленск, Социалистическая, 10-а.

Содержание.

стр.

Военная политика Польши. *Т. Домбаль.* 5

Маневрирование классовых сил. *Н. Кузьмин.* 18

Необходимость создания воздушного флота в С.С.С.Р. *Е. Пятосин.* 30

Значение личности в истории. *П. Дыбенко.* 38

Иллюзии и их значение на войне. *В. Можайский.* . . . 49

Модные заблуждения. *М. Тухачевский.* 66

Стратегия и тактика.

Маневры на запфронте. *Н. Варфоломеев.* 77

Пехота и артиллерия. *С. Меженинов.* 105

Действия авиации совместно с показательной ротой против польской роты нового состава. *Е. Пятосин.* 109

Воздушная эскадра на поле боя дивизии. *Е. Пятосин.* . . 113

Методика начальной подготовки всадника. *В. Микулин.* . . 132

Военная техника.

Газовая война 1915—1919 г. г. *В. Фомин.* 153

Радио-маневр. *Н. Пуц.* 161

Из архива военной истории.

Бандитизм в Белоруссии и борьба с ним. *Е. Марьенков.* . . 166

Военно-научная хроника.

На Запфронте.

В военно-научном клубе *В-ич.*—181 ◆ Кружковые работы военно-научного клуба. *Ф. Огородников.*—182 ◆ Литкружек при военно-научном клубе. *Мих. Лузгин.*—182. ◆ Спорт в 4-ой стр. дивизии. *А. С-кий.*—184.

За Советской границей.

О потерях от удушливых газов. *Л. Б.*—185 ◆ Восстановление и возмещения Франции *А. Б.*—186 ◆ Новый способ обнаружения подводных лодок. *Г. Гр.*—187 ◆ Приспособление для бомбометания с самолетов. *Г. Григоросуло*—187 ◆ Количество подводных лодок в главных государствах—187.

Обзор заграничных военных новостей:

Англия, Австрия, Бельгия, Венгрия, Голландия, Греция, Дания, Италия, Испания, Латвия, Литва, Польша, Румыния. С.-А. Соединенные Штаты, Турция, Франция, Чехословакия, Эстония, Юго-Славия и Япония—188.

Тов. Л. Д. Троцкий—почетный авиамоторист—194.

Библиография.

„Военный Вестник" №№ 1—11. *Смоленский*—195 ✦ „Военная Мысль и Революция" № 1—197 ✦ „Армия и Революция" №№ 3—4. *Н. Кузьмин.*—198 ✦ „Военно-Инженерный Зарубежник"—200 ✦ „Война и Мир" № 5—201 ✦ „Бюллетень Окр. Об'единения Отделений ВНО—ПВО" № 1. *Ив. М.*—206 ✦ „Красная Рота" *Г. Григоросуло*—206 ✦ Б. Верховский „Пеший бой роты в современных условиях" *Н. Варфоломеев.*—207.

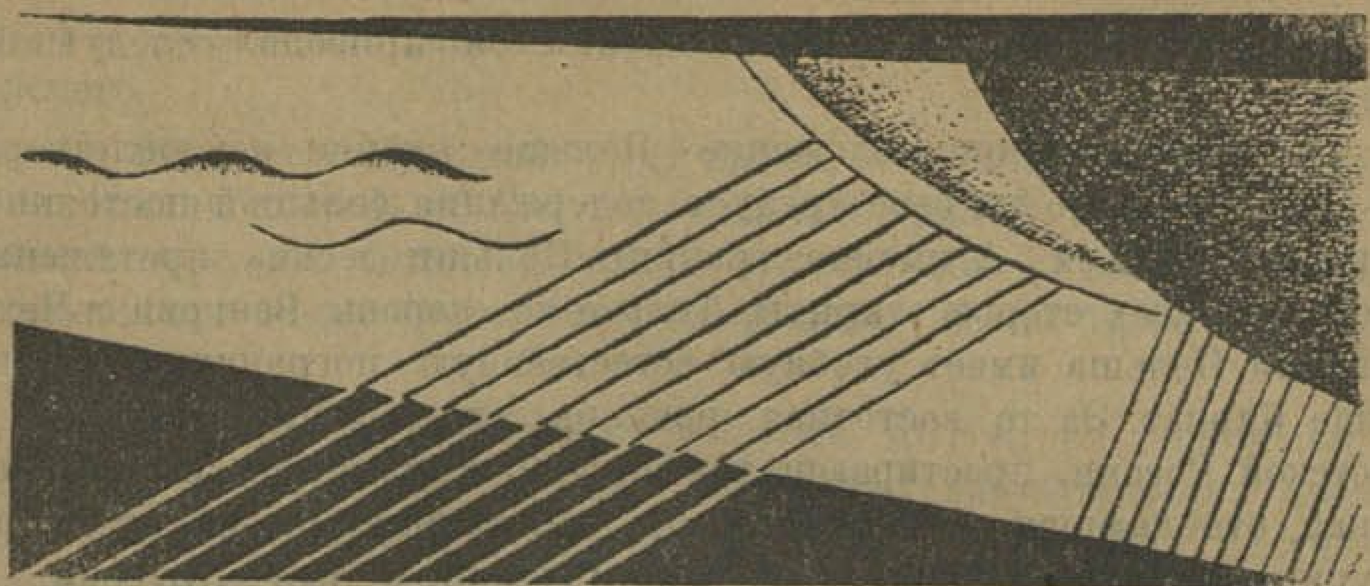
ПРИЛОЖЕНИЕ: „Военное дело в карикатурах".

Начиная с настоящего, 21-го номера, журнал выходит 1-го числа каждого месяца, об'емом в 12—15 печ. листов номер.

ОПЕЧАТКА:

Пред чтением следует исправить следующую *опечатку:* на стр. 25, строка 22-ая сверху, *напечатано:* 45.000 землевладельцев; *следует читать:* 400.500 землевладельцев.





Т. Домбаль.

Военная политика Польши.

Настоящую статью посвящаю, как доказательство нашей сердечной дружбы, дорогому товарищу МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ТУХАЧЕВСКОМУ.

До тех пор, пока будет существовать буржуазно-шляхетская Польша—она будет всегда грозным призраком войны. Раньше или позже, а борьба с ней должна разразиться, и я глубоко убежден, что тогда Красная Армия сметет эту преграду, которая задержала на время победоносный поход пролетарской революции. Поэтому, считаю необходимым, чтобы все военные сферы Советской России подробно ознакомились с этим вопросом. Необходимо по этому поводу провести целый ряд дискуссий в целях обстоятельной ориентировки в отношении сильных и слабых сторон противника, борьба с которым—неизбежна. Ведь так предопределено логикой исторических событий.

Я буду очень рад, если мой призыв найдет отзвук в широких кругах военных специалистов Красной Армии и, тем самым, положит начало более исчерпывающему и более компетентному освещению в литературе данного вопроса.

Прежде всего, необходимо ознакомиться с мнением руководящих военных сфер Польши. Генерал Сикорский б. нач. генерального штаба, а ныне премьер-министр, в прошлом году в секретном заседании военной комиссии Сейма, а затем на с'езде „Общества распространения военных знаний“, сделал очень интересный доклад, где со всей полнотой, со всей откровенностью выявилась позиция польского генерального штаба.

Генерал доказывал, что Польша ни в коем случае не может разоружиться и категорически отверг норму в 120 тысяч постоянной армии в Польше, как это проектировала Лига Наций.

В подтверждение своей точки зрения он приводил следующие доводы:

1) Географическое положение Польши крайне неудовлетворительно и уже само по себе требует содержания большой постоянной армии под ружьем. А именно: границы Польши весьма протяженны и почти со всех сторон открыты. Только со стороны Венгрии и Чехо-Словакии Польша имеет удобную естественную пограничную линию в виде Карпат. За то восточная граница, отделяющая Польшу от Советской России, простирающаяся на 1050 километров, и северо-западная, отделяющая от Германии, на 1350 километров, имеют каррикатурные формы особенно со стороны Германи и Вост. Пруссии.

Кроме того, не говоря уже о необходимости защиты литовской границы, также открытой, необходимо учитывать неизмеримые затруднения при защите так наз. „коридоров": Данцигскаго, отделяющего Германию от искони германской провинции Восточной Пруссии, и Латвийского, отделяющего от Литвы Сов. Россию и тем преграждающего ей единственное непосредственное удобное жел. дор. сообщение с Западом. К этому еще присоединяется затруднительность обороны угольного и нефтяного районов.

2) Германия, лишенная колоний, по необходимости стремится на восток, к непосредственному соединению с Россией, которая является для Германии сферой экономического влияния. Поэтому она желает уничтожить ту преграду для своих стремлений, каковая имеется в лице Польши.

3) Германия фактически не разоружена, так как, обладая хорошо сорганизованными военными кадрами и многочисленными военными организациями под названием гимнастических обществ и т. п., может в самый короткий срок выставить несколько-миллионную армию. Кроме того, Германия обладает громадной химической промышленностью, а известно, что в будущей войне газовая борьба сыграет решающую роль Затем, она обладает массой самолетов, временно занятых мирным воздушным сообщением, но которые, с момента об'явления войны, могут быть использованы для военных целей; имеющееся количество самолетов германские фабрики могут в течение кратчайшего времени удесятерить во много раз. Наконец, что самое главное, в германском народе всегда будет жить идея реванша.

4) Россия обладает полуторамиллионной армией (в настоящее время 600 тысяч), которую вышколивает и совершенствует.

5) Ковенская Литва вооружается и готовится к нападению.

6) Между Сов. Россией и Германией, кроме оффициального Рапальского договора, несомненно, имеется еще секретное военное соглашение. (*Эта выдумка, неумело сфабрикованная* разведчиками *польского генерального штаба*, была пущена в оборот с целью оправдания в глазах „демократии" Европы и Северо-Американских Штатов польского милитаризма).

7) Коммунизм—движение завоевательское и стремится силою русских штыков подчинить себе другие (*Тоже генеральская выдумка*).

Вот, собственно говоря, вкратце вся аргументация генерала Сикорского.

Из всего этого он делает тот вывод, что Польша для обороны своих границ должна обладать постоянной армией в количестве, по крайней мере, 375 тысяч человек; считаясь же с государственным бюджетом это число может быть уменьшено, но не более как до 250 тысяч.

Что касается плана военных действий, то генерал Сикорский заявил, что *в случае войны необходимо сократить протяженность границы путем занятия всей Восточ. Пруссии*, и путем такого рода „активной обороны" обеспечить себе Данцигский корридор и соединение с морем через Данциг, а тем самым, обеспечить свободную доставку морем из Франции оружия, пушек, амуниции и вспомогательных военных сил. Мне однако кажется, что этот план польского генерального штаба с точки зрения чисто военной, не выдерживает критики.

Об этом будет речь впереди, а пока я считаю нужным отметить то обстоятельство, что вопрос об обороне государства это—вопрос прежде всего политический, а уже затем военно-технический. Поэтому необходимо прежде всего расценить этот военно-технический план польского генерального штаба путем анализа тех социально-политических предпосылок, на которые базируется этот план.

В Польше имеется населения 27 миллионов, из коих 8—9 миллионов составляют национальные меньшинства: евреи, украинцы, немцы, белоруссы, русские, литовцы, венгры, чехи и словаки. Все эти народности очень слабо связаны с польской государственностью, в лучшем случае—нейтральны, а в громадном большинстве определенно враждебно настроены. Между тем, в Германии имеется населения 62 миллиона, в Чехо Словакии 14 миллионов, в Литве—5 миллионов и в Сов. России—135 миллионов. Таким образом, менее чем 20 миллионов поляков противостоит 220 миллионам других народов и пытается навязать им несуразные, нарушающие их интересы, недопустимые с точки зрения хозяйственной границы и условия существования. Такого положения не удастся сохранить даже при самой идеальной военной технике. Эту задачу уже заранее можно считать неразрешимой, и нет такого начальника генерального штаба, хотя бы он даже обладал военным гением Наполеона, который был бы в состоянии ее разрешить.

Относительно же „корридоров" вопрос обстоит следующим образом:

1) Корридор Данцигский отделяет от Германии искони германскую область—Восточную Пруссию. Хотя польские дипломаты любят рассуждать о том, что эта область в XVI веке была в зависимости от Польши, и прусские князья „били челом" польским королям, фактического положения это не меняет, и область эта—чисто немецкая. В конце „корридора" находится г. Данциг, относительно „вольный город"—город также чисто-немецкий. Польша получила этот „корридор", как необходимый по уверению ее правителей „выход к морю",

хотя такого выхода не имеет, например, Швейцария, Чехо-Словакия, и тем не менее чувствует себя не хуже Польши.

Для Германии такое положение невыносимо и несправедливо, даже с точки зрения буржуазного демократизма. Доступ к морю— это вопрос торговой политики и может быть обеспечен путем соответствующих мирных соглашений. По этому, нет ничего удивительного, что раньше или позже, а Германия решительно потребует восстановления своих прав. Она скорее откажется от естественных богатств Верхней Селезии, не смотря на то, что потеря этой промышленной области весьма чувствительна для Германии, чем примирится с Данцигским „корридором". Всякий польский реальный, даже буржуазный политик не может не признать прав Германии на этот „корридор", и тем более не может согласиться с исключительным правом на него Польши. Здесь сталкиваются такие интересы, которые сами собою определяют, кому, собственно, должна принадлежать эта полоска земли: а) интересы Германии—состоящие в необходимости свободного сообщения между всей Германией и Вост. Пруссией, являющейся неотделимой частью германского государства, и б) интересы Польши—доступ к морю.

Предоставление „корридора" исключительно одной заинтересованной стороне может удовлетворить только ее интересы. Необходимо об'ективно разобраться, за кем должен был быть признан „корридор", как если-б вопрос решался не силой, а в соответствии с экономическими потребностями и необходимостью. Затем, следует остановиться над вопросом, не представляется ли возможным примирить интересы обеих сторон, и каким образом.

Отличительной чертой государственного единства является то, что взаимоотношения между отдельными частями одного государства несравненно более тесны, разнообразны и разнородны, чем между двумя чужими государствами. В первом случае, тысячи граждан ежечасно переезжают туда и обратно без всяких препятствий, без всех тех формальностей, какие требуются при переезде из одного государства в другое, т. е. через территорию другого государства. Затем, ежедневно проходят миллионы писем, телеграмм, телефонных разговоров, и это совершается без всякого контроля; никто не перетряхивает жел. дор. вагонов и т. д. Но все это движение становится затруднительным, раз на его пути находится „корридор", разделяющий данное государство на две части и, к тому же, находящийся в руках враждебно настроенного государства. Это все равно, что попытка остановить кровообращение в организме. Такое положение крайне тяжело отражается на экономическом состоянии страны и бьет по самым жизненным интересам того государства, которое расщеплено подобным клином.

Все эти основания говорят за то, что полоса земли, составляющая „корридор", должна принадлежать Германии. Вместе с тем, при таком разрешении вопроса была бы полная возможность создать и для Польши доступ к морю, путем заключения соглашения, которое

гарантировало бы польским купцам удобства путешествия, хорошее жел. дор. сообщение, благоприятные тарифы, свободные склады в порту, право открывать свои отделения, учреждать коммерческие агентуры и т. п. Тем более, что во всем этом заинтересовано само немецкое купечество Данцига, и потому представляется полная возможность закрепить все вышеуказанное торговым договором, заключенным в мирной обстановке, не вызывая взаимной враждебности и национальной ненависти.

К тому же и в полосе „корридора“ и в Данциге % поляков очень незначительный, так что и с точки зрения национальной Польша не имеет никаких прав, кроме права насилия.

Я затронул этот вопрос не с целью давать советы польской буржуазии, как поступать, а исключительно, чтобы показать всю бессмысленность существования „корридора“ с точки зрения хозяйственной и трудности его обороны, тем более, что вопрос этот становится злободневным в связи с намерением Польши занять Данциг и расширить „корридор“ за счет Германии.

2) Латвийский „корридор“ отделяет Советскую Россию от Литвы. Если Польша, захватив Данцигский „корридор“, еще имеет возможность ссылаться на какие-то „экономические потребности“, то в отношении Латвийского „корридора“, установленного Рижским договором, у нее нет никаких мало-мальски убедительных оснований. Весь вопрос заключается здесь в том, чтобы лишить Советскую Россию единственной здесь удобной жел. дор. линии, имеющей громадное значение для Советской России не только в случае войны, но и в мирное время для торгового обмена с Литвой и Западом. Этот „корридор“ является ничем иным, как установлением контроля Польши над торговлей Совет. России с Литвой и даже с Западом. Польша имела возможность навязать подобную несуразность Сов. России в 1921 г., когда последняя, изнуренная борьбой с контр-революцией, жаждала мира, но долго такое положение не может сохраниться.

Конечно, Сов. Россия прежде всего попробует разрешить этот вопрос дипломатическим путем, чтобы не быть вынужденной искать других средств. Польше этот «корридор» совершенно не нужен, и он является ничем иным, как занозой, вбитой под ноготь Сов. России— занозой, которая по мере хозяйственного под‘ема Сов. России и усиления торговли с Западом, будет все больше и больше гноиться.

3) Оба эти „корридора“ особенно характерны, но все же ими не исчерпываются захватнические стремления буржуазно-шляхетской Польши. Польша уже захватила области, населенные белоруссами, литовцами, а также украинцами—часть Волыни и Вост. Галицию, эту кровавую польскую Ирландию. Необходимо выяснить, имеются ли какие-либо данные за то, чтобы эти области, где процент коренных поляков ничтожен,—в какой-либо мере тяготели к Польше.

По моему мнению—таких данных, определенно, нет.

Во первых, русская культура более демократична, чем польская, белорусский и украинский языки более близки к русскому, чем

польский, который считается языком „панов"; и во вторых, области эти отторгнуты от целостного хозяйственного организма Сов. России.

Между тем, для самой Польши, так назыв. „Окраины" являются ничем иным, как об'ектом завоеваний, колонизации и эксплоатации угнетенного местного населения, у которого отбираются земельные участки, и ими наделяются поляки. Во время войны здесь гуляла польская солдатчина, а ныне здесь польские черносотенцы отплясывают свой кровавый дикий танец террора. Белорусские и украинские школы польское правительство закрывает, преследуя малейшие проявления культурно-просветительной и общественной жизни. О размерах террора и преследований в Вост. Галиции наглядно свидетельствуют такие цифры, как 15.000 арестованных украинских рабочих и крестьян. Военно полевые суды действуют во всю, приговаривая белорусских и украинских общественных деятелей к расстрелам и каторге на многие годы. Параллельно с этим в народных массах белорусских и украинских растет смертельная ненависть к панской Польше. Характерным показателем в этом отношении является тот факт, что украинские крестьяне, в общем, темные и малосознательные, антисемитски настроенные, на выборах в Сейм голосовали за список нац. меньшинств, где большинство было евейских фамилий, между тем как польские списки на „Окраинах" с треском провалились. Раньше от Советской России отпугивал голод, но это уже прошло, и ныне, в случае появления здесь Красной Армии она встретит общее сочувствие народных масс, для польских же войск продвижение в стране, насыщенной ненавистью народной, будет затруднительно. Это имеет громадное значение для военных операций. По этому я подчеркиваю этот момент и обращаю на него особенное внимание работников Красной Армии.

4) Каковы будут взаимоотношения Сов. России и Польши с прибалтийскими государствами? Все эти малые государства, как Литва с 5 миллионами населения, Латвия—1¾ миллиона, Эстония 1¾, исключив Финляндию с 3½ мил., как более независимую, возникли, как результат гражданской войны, принявшей национальную окраску. Все же, несмотря ни на что, Россия останется для них „матушкой", с громадными богатствами и широкими возможностями, с которой поэтому необходимо мирное хозяйственное общение. Хотя они возникли, как проявление контр-революции, все же в своей продажности и лакействе перед международными финансовыми сферами они не могут так далеко идти, как это делает Польша; это их бы совсем разорило. Вполне очевидно, что Сов. Россия, даже если исключить вопрос о ликвидации силою этих государственных эфемерид, одним экономическим бойкотом могла бы их убить. Поэтому и все попытки Польши создать союз прибалтийских государств не имели до сих успеха.

5) Федералистические проекты Пилсудского в отношении многомиллионной России—имели целью раздробление Сов. России на целый ряд микроскопических „независимых" государств, в действи-

тельности же зависимых от Польши. Это одна из навязчивых исторических утопий и те политические течения в Польше, боевым лозунгом которых было: федерация „от Гельсинфорса до Тифлиса“, федерация республик, которые еще нужно создать, ныне провалились, как нереальные. „Освобождение“ Украины в 1918—1920 г. окончилось киевской катастрофой, и „федералисты“ Барлицкий и Домбский вынуждены были подписать Рижский договор, которым они перечеркнули всю свою федералистическую программу, присоединяя к Польше литовско-белорусские земли, украинскую Волынь и Холмщину и даже украинскую вост. Галицию,

Вывод из всего этого следующий: границы Польши и с точки зрения социальной, и с точки зрения военной не могут быть сохранены.

Польша возникла благодаря падению царизма и кайзеров, низвергнутых Великой Пролетарской Российской Революцией; созданная в течении одной ночи, она раздулась, как пузырь, благодаря Версальскому и и Рижскому договорам, и ей не выдержать серьезного испытания. Она не должна провоцировать войны, которая будет для нее могилой. Чтобы себя сохранить, ей необходимо изменить свою политику в отношении Сов. России, сократиться, приняться за работу, жить в мире со всеми соседями и отбросить всякие великодержавные и завоевательные мечтания. Но Польша—полуколония империалистической Франции, нечто в роде суррогата прежней России против Германии, а также плацдарм против Сов. России. Поэтому Польша лишена возможности проводить политику, соответствующую ее экономическим интересам и средствам. Проводя же империалистическую и агрессивную по всем направлениям политику, она раньше или позже должна пасть или под напором внешних сил, или под топором социальной революции, или, что вероятнее, под напором этих обоих факторов. Это единственный логический вывод из всего вышесказанного.

Уже близок час, когда вместо буржуазно-шляхетской Польши, опоры международной контр-революции, будет Сов. Польша—союзник Сов. России, которая станет базой дальнейшего развития Революции на Западе.

Теперь я перехожу к оценке обстановки с точки зрения спеца военного. Я, конечно, имею возможность только начертить общие контуры, так как у меня под рукой нет тех точных данных, какими располагает генер. штаб. При этом я буду излагать план не так, как он по моему должен быть составлен, а под углом зрения критики уже намеченного плана ген. Сикорским.

Вот некоторые предпосылки: Версальский договор сохраняет свою силу, Германия на половину разоружена; хозяйственное состояние Сов России настолько улучшилось, по сравнению с нынешним, что она может вести наступательную войну (для оборонительной войны нужно больше средств, хотя некоторым и кажется обратное). Ген. Сикорский говорит об „оборонительной войне“, *значит, по его пред-*

положению Советская Россия наступает. Румыния, согласно существующей военной конвенции, выступает на стороне Польши и Франции.

Все же она должна учитывать возможность интервенции со стороны Венгрии в Трансильвании и в Добрудже со стороны Болгарии. Обе эти интервенции имеют местный характер, но все же их достаточно, чтобы помощь Румынии, если не сделать сомнительной, то во всяком случае, лишить решающего в военном отношении значения.

Выступит ли Чехо-Словакия на стороне Франции против Венгрии? Этого нельзя сегодня предвидеть, но во всяком случае вряд ли это очень улыбается Чехо-Словакии: подобный риск может ей дорого обойтись. Она имела бы против себя, кроме Венгрии, еще Австрию и Германию; к тому же Словакия, где имеется сильное сепаратистское движение, могла бы в такой обстановке зло пошутить. Юго-Славия, вероятнее всего, будет на стороне Франции. Впрочем, исход борьбы в этом балканско-венгерском котле нас мало интересует: для нас достаточно, если это ослабит силу румынской армии на нашем фронте.

Таким образом, с точки зрения политики Сикорского, друг против друга окажутся: Франция, Польша, и Румыния, с одной стороны, и Германия и Россия—с другой. Россия и Германия потому, что даже в случае войны с одной только Советской Россией, Польша начнет кампанию захватом Восточной Пруссии. Таким образом для Польши война на два фронта будет следствием не Раппальского договора, а следствием франко-польского империализма.

Постоянные армии этих государств, готовые к военным действиям, без мобилизации составляют: во Франции—650 тысяч, Польше—250 т. и Румынии—150 т., всего около миллиона; в России—600 т., в Германии—250 т., а вместе со всякими „в оеhr'ами"—400 т., итого около 1 миллиона. Оба эти враждебные лагеря уравновешивали бы друг друга, если бы решающими были постоянные армии. Но положение резко меняется, если принять во внимание те вооруженные силы, которые эти государства могут выставить при помощи мобилизации. Максимальные цифры составляют: для Франции около 4 миллионов, Польши—2 миллионов, Румынии—1 миллион, итого около 7 миллионов; для Германии около 6 миллионов и России—9 миллионов, всего около 15 миллионов. Очевидно, что положение первой группы государств значительно ухудшается.

Теперь сравним достоинства солдата и технического оборудования. Я беру коэффициенты, приблизительно соответствующие действительности: для Франции 10, для Германии—8, для Польши 6, для России—5, для Румынии 5, Помножив эти коэффициенты на численный состав армий, мы увидим перевес на стороне России и Германии.

Впрочем, для Польши я взял очень высокий коэффициент, а что касается Сов. России, то на основе всего того, что я видел здесь, посещая военные школы в Москве и некоторые войсковые части, я должен признать, что подготовка войск не уступает таковой в Польше, а во многих отношениях она даже лучше.

На основе вышеуказанных предпосылок план войны приблизительно представляется следующим: Германия, втянутая Польшей в войну благодаря захвату Восточной Пруссии, в отношении Франции находится в состоянии обороны, препятствуя ее проникновению в глубь страны, если только она будет наступать. Главные свои силы Германия концентрирует на Востоке, при чем Вост. Пруссия является сплошным военным лагерем, где уже сегодня имеются сильные сконцентрированные кадры, и где мобилизация, благодаря густой жел.-дор. сети, успешно будет закончена в 4—7 дней.

Сов. Россия, в таком случае, может бить по линии наименьшего сопротивления, бросая главные свои силы через Смоленск, Минск на Лиду-Вильно и Гродно-Белосток для удара в тыл польским войскам, ведущим борьбу с германской армией, держа в то же время под наблюдением Румынию и южн. Польшу. Хотя мобилизация в Советской России протекает относительно очень медленно, однако, готовясь в предвидении войны, Сов. Россия успеет быстро призвать под ружье 1½—2 миллиона. Так как в район польской Белоруссии и виленской Литвы вторгнутся значительные силы, Польше не останется времени и не хватит сил, чтобы перейти в наступление против Вост. Пруссии. Германская армия не только будет обороняться на северо-восточной границе Польши, но, вероятнее всего, будет стараться пробиться в Верхн. Силезию и, наверное, бросится на Данцигский коридор для его ликвидации, перейдя в наступление на этом фронте в направлении Груджонжи—Торн.

Польша для отпора наступления Советской и германской армий вынуждена оставить здесь хотя бы немного сил. Допуская, что постоянная армия Польши составляет 375 т., все же более 150 тысяч она не в состоянии выделить против Вост. Пруссии. Германия, благодаря предварительной концентрации, располагает армией в 160—200 тысяч человек. Даже не учитывая того, что Литва в случае выйны постарается атаковать Польшу своей 60 т. армией и, независимо от этого, Германия будет располагать более чем достаточной силой, чтобы защитить мазурские озера, являющиеся прекрасной страгической границей против Польши. Польское наступление, даже концентрическое (из Торна и Грудзианна), не будет в силах и не успеет ликвидировать германскую и литовскую армию до прихода Красной Армии. Последняя, с одной стороны, прямо придет через Латвийский корридор на соединение с литовцами, а, с другой стороны, через Лиду—Гродно—Белосток войдет в непосредственный контакт с Германией. Таким образом, все расчеты на захват Вост. Пруссии падают, а тем самым уже все потеряно. Лавина Красной Армии, поддержанная с севера германцами и литовцами, раздавливает польскую армию.

В это время французы, предположим, продвинулись по линии реки Везер и ведут тяжелую борьбу в верхней Баварии; предположим даже, что они форсируют эту линию—все же для Польши они уже ничего сделать не могут. Остатки польской армии отступают в Чехию или концентрируются в Хшановском округе и в части Верхней Силе-

зии. Вот каков должен быть логический результат плана войны ген. Сикорского.

Дальнейший исход войны зависит от того:

а) будут ли французы в состоянии оккупировать всю Германию, что мало вероятно:

б) насколько быстро Германия сможет мобилизовать свои силы до вторжения французов;

в) будет ли в состоянии Кр. Армия сражаться вдали от своих баз, и, наконец,

г) в зависимости от социально-политических факторов.

Все же первым результатом будет то, что в новой Европейской войне территория Польши подвергнется разгрому, как это было в прошлой войне с Сербией.

Только заключив мир, Польша могла бы получить независимость, если, конечно, не учитывать того, что произойдет в Польше после ухода остатков белой польской армии, и даже, вероятнее всего, еще в период борьбы, а именно—образование Советской Польши.

Чтобы буржуазно-шляхетская Польша могла рассчитывать на помощь Франции, постоянная армия Польши должна бы составлять не 375 тысяч, но по крайней мере от 800 тысяч до 1 миллиона, т. е. Польша должна превратиться в военный лагерь еще в большей степени, чем в настоящее время.

Для сравнения приведу несколько цифр, а именно: до войны Германия, страна с 67 миллионным населением, имела постоянную армию численностью в 880 тыс. человек, т. е. на каждую 1000 жителей приходилось 13 солдат. В Польше при населении в 300 мил. при постоянной армии в 250 тысяч, на каждую тысячу жителей приходится 9,3 солдата, а при армии в 375 тысяч—приходится 14 солдат. Иными словами, Польша уже сейчас является более милитаристическим государством, чем Германия, которая в свое время считалась самым империалистическим и милитаристическим государством в мире.

Франция при 39 милл. населения располагает небольшим количеством мужчин, способных к военной службе.

Годовой прирост населения в Германии значительно превышает таковой во Франции. Количественное соотношение следующее:

Прирост в Германии около 450 тысяч, а во Франции максимальный—220 т., что в процентном отношении составляет: 20 5:100, хотя соотношение количеств населения 62—39 или 159:100. По этой причине уже во время империалистической войны буржуазия Франции, не исключая даже весьма разборчивых француженок, овациями встречала цветные колониальные войска.

Впрочем, вопрос вовсе не в том, чтобы доказать, что война Польши и Франции с Германией и Россией должна быть проигранной, а в том, чтобы показать, что постоянная армия Польши не в состоянии выполнить то задание, какое ей ставит ген. Сикорский.

Теория кадровых армий довоенного времени, как ее конструировали французский, германский, австрийский штабы, обанкротилась

окончательно, французскую теорию резко критиковал еще Жорес, павший в связи с этим от руки фанатика. При этом необходимо отметить, что Жорес вовсе не отказывался от защиты Франции от вторжения „варварской прусской солдатчины", но он настойчиво доказывал, что гораздо лучшим средством защиты является система небольшой армии при хорошей подготовке резервов

Свои расчеты Жорес строил на вооружении всего народа, а не на казарме.

Прежде Германия расчитывала, сейчас же после об'явления войны, разбить Францию одним ударом при помощи казарменного солдата, без запасных. Впрочем, позже сама Германия изменила своему принципу. Вместо того, чтобы бросить на Францию 19 из имеющихся 25 корпусов, она пополнила постоянную армию 6 призывами, сформировала 24 резервных корпуса и вторглась во Францию с 2-х миллионной армией.

Французский генеральный штаб доказывал, что для того, чтобы иметь возможность вести активную оборону, т. е. начать наступление и выиграть срок для мобилизации, необходимо иметь 750-ти тысячную постоянную армию. В действительности же оказалось, что французское наступление на Эльзас и Лотарингию только облегчило Германии вторжение во Францию вплоть до Мо и С. Мишель на спинах французских „казарменных". А спасло Францию лишь быстрое отступление вглубь страны и резервные корпуса на Марне и Луазе.

Благодаря вышеуказанной теории, примененной на практике французским ген. штабом, казарменная армия бесцельно была уничтожена, и Францию спасли запасные. То же самое произошло и в Австро-Венгрии. Последняя, будучи слабее России, но обладая хорошей жел.-дор. сетью, сделала попытку „активной обороны". Она вторгнулась в Люблинскую губ. до Замостья и Красника, но, здорово получив по рукам, вынуждена была оставить Львов, потеряла цвет молодежи, и резервам пришлось в течение продолжительного времени вести оборону; только весной 1915 г., когда силы противников были исчерпаны атаками в Карпатах, ей удалось перейти в наступление. В подтверждение своей точки зрения относительно постоянных армий я бы мог привести еще пример Италии и Сербии в прошлой войне и углубиться в подробности, но не делаю этого, не желая переобременять моей статьи излишними специально военными данными. Тем более, что я считаю, что приведенные примеры всецело подтверждают мою точку зрения.

В противоположность этому, польский ген. штаб считает, что, имея под рукой большую постоянную армию, он сможет молниеносно разбить немцев в Вост. Пруссии и, захватив ее, этим путем обеспечить свой тыл в борьбе с Россией.

Это должно дать в худшем случае возможность вести против Сов. России оборонительную войну, отступая вглубь, хотя бы и до линии Буга, а в это время будет возможным броситься на запад и помочь французской армии быстро и окончательно ликвидировать

Германию. Этим путем, прежде чем Красная Армия успела бы захватить Польшу, французы подали бы последней руку помощи, и Сов. Россия, потеряв союзника, встретила бы об'единенного врага, если не количественно, то во всяком случае технически превосходящего ее.

Как я уже выше указывал, план ликвидации Вост. Пруссии Польшей невозможен даже при наличии 375 тыс. постоянной армии, и вообще все это предприятие обречено заранее на провал. Эта операция только втянет Польшу в кровопролитное наступление, которое, когда придет время перейти в оборону под давлением прибывающих и атакующих масс Красной Армии, может превратиться в беспорядочное бегство и полнейший разгром. Во время составления настоящей статьи я узнал, что будто бы проф. Домбровский, автор интересной книжки под заглавием: „Борьба за польского новобранца во время оккупации", депутат Сейма, близкий знакомый ген. Галлера, высказал по этому вопросу свое мнение и написал 2 статьи. К сожалению, я до сих пор этих статей не имею и смогу по этому поводу поделиться своими мыслями несколько позднее.

Считаю нужным еще одно отметить, чтобы меня не поняли ошибочно, а именно, что если я говорю о совместной борьбе России с Германией против Польши, то это не значит еще, что между ними есть военный союз; я только следую за ходом мыслей ген. Сикорского о том, что будто бы в связи с Рапальским договором имеется военное соглашение. Условно принимая это, я доказываю, что план ген. Сикорского, за спиной которого скрывается сам Пилсудский, неосуществим с точки зрения чисто военной и приведет, в конце концов, к быстрой и неизбежной катастрофе буржуазно-шляхетской Польши.

2) Затем представим себе иную обстановку, а именно: Польша отказывается от подобной активной обороны.

Тогда зачем ей столь громадная постоянная армия, поглощающая 50 процентов государственного бюджета? Чтобы прикрыть мобилизацию? Но от кого? Ведь не от Советской России, где мобилизация длится дольше и где даже кадровые части армии расположены на расстоянии сотен и даже тысяч верст от собственно польских областей. Прежде чем она подойдет к Бугу, мобилизация в Польше вполне может быть законченной.

А может быть от Германии? Тоже нет, потому что Германия хотя и в состоянии блестяще защищать Вост. Пруссию, а также попытаться ликвидировать Данцигский коридор и вторгнуться в Верхн. Силезию, но все же у нее абсолютно нет сил, чтобы уже в первом периоде войны атаковать Польшу по всему фронту без проведения мобилизации. Ведь Германия, разоруженная Антантой, имеет ограниченную постоянную армию.

Поэтому, менее многочисленная армия для Польши является лучшей. Прежде всего, она дешевле, а это дало бы возможность более расходовать на техническое оборудование, на подготовку резервов, на военные школы, на постройку стратегических жел.-дор. линий, крепостей и т. п.

Может ли Польша расчитывать при такой системе пассивной обороны на сохранение своей территории до ожидаемого прихода французов? Конечно, да. Здесь больше шансов отстоять, правда, не всю свою территорию, а только юго-западную часть ее или даже только часть между германской границей и Вислой. Необходимо только возможно скорее выбраться из Данцигского корридора, который все равно долго нельзя защищать.

3) Впрочем, имеется еще одна возможность, а именно: война Польши с Сов. Россией при нейтралитете Германии и Франции. Это будет в том случае, если не будет осуществлен захватнический план ген. Сикорского. И в этом случае положение неблагоприятно для Польши. И здесь громадная постоянная армия будет ни к чему, потому что „активная оборона", имеющая своей целью, путем наступления на Киев или Смоленск, перенести театр военных действий на территорию противника, будет предприятием довольно рискованным. Опыт 1920 года сам по себе говорит достаточно. Конечный результат войны в этом случае вполне предопределен. Сов. Россия ныне располагает армией с современной подготовкой и вооружением, при чем дух этой армии на такой высоте, как ни в одной из буржуазных армий. К тому же, Советская Россия в настоящее время имеет возможность сконцентрировать все свои силы на западной границе не так, как это было в 1920 году. Поэтому второй „победы народа на Висле" уже не будет. Победа Красной Армии несомненна.

В этом моем разборе я не затрагивал имеющего столь громадное значение фактора, каким несомненно является социальный фактор— протест рабочего класса и крестьянства против новой бойни. Несомненно, что польский рабочий и крестьянин, разочарованные невыполненными обещаниями, вылечились уже благодаря притеснениям и эксплоатации от веры в „демократическую" буржуазно-шляхетскую родину; несомненно, что рабочие массы и крестьянская беднота, выковывающие ныне в подпольи идейное оружие борьбы, в момент войны выступят под знаменем революции и изнутри нанесут смертельный удар в спину буржуазно-шляхетской Польше. Так будет и в других странах. Возникновение новой войны в Европе будет сигналом для взрыва пролетарской революции на Западе.

Поэтому-то международная буржуазия стремится задушить Советскую Россию, этот очаг революции, и пытается создать против нее боевой фронт, основой которого и исходной точкой является буржуазно-дворянская Польша.

Повсюду идет подготовка к расправе оружием: Польша вооружается и готовит резервы.

Впрочем, по моему мнению, призыв под ружье нескольких годов еще не означает, чтобы нам угрожала война уже в настоящее время. Нет, в отличие от того, что писал т. Радек в одной из своих статей отмечаю, что приготовления эти не следует считать, как угрозу войны уже в настоящее время. Возможно, что эти приготовления находятся в связи с проэктируемым Польшей занятием Данцига и расширением,

путем вторжения в Вост. Пруссию, Данцигского коридора, в целях стратегического обеспечения связи Польши с Францией, а также в связи с намечаемым захватом остальной части Верхн. Силезии в соответствии с проводимой Францией репарационной политикой.

Однако, эти приготовления, прежде всего, являются показателем того, что международная буржуазия готовится к вооруженной борьбе с Сов. Россией, и раньше или позже, когда, не берусь точно пророчествовать, все это должно привести к вооруженному столкновению между миром труда и капиталом.

Польша будет театром этих предстоящих военных действий.

Поэтому необходимо, чтобы всякий был осведомлен о том, что думают военные круги буржуазно-шляхетской Польши.

Другими словами, необходимо ознакомиться и определить существо и проэкты наступательной военной политики Польши, дабы в недалеком будущем с меньшим напряжением и с минимальными жертвами добиться решительной победы.

Н. Кузьмин.

Маневрирование классовых сил.

Коммунизм и капитализм—две системы хозяйства, имеющие тенденцию мирового распространения и взаимно исключающие друг друга. Пролетариат и буржуазия—два класса, сторонники этих систем и два непримиримые врага, между которыми рано или поздно должна наступить борьба не на живот, а на смерть. Вот положение, которое теперь характеризует состояние человеческого общества.

Империалистическая война особенно остро поставила вопрос о наилучшей форме хозяйства, при которой человечество не будет нести тех жертв во имя наиболее организованного и наиболее обогащающего человечества подчинения сил природы. Вся суть истории человечества—это поиски той формы хозяйства, которая позволила бы с наименьшими жертвами и с наибольшей выгодой для широких трудовых масс эксплоатировать и подчинять силы природы.

Все доселе существовавшие системы хозяйства, на ряду с эксплоатацией сил природы, несли порабощение и угнетение широких масс трудящихся, требуя от них огромнейших жертв, давая им одни невзгоды и обогащая небольшие кучки собственников, захвативших орудия общественного производства. Особенно резко эту невыгоду для масс и расточительность проявила капиталистическая организация хозяйства. В мирной обстановке эта организация вырывала из рядов армии труда в одной только Америке огромные жертвы. Так в 1913 г. на фабриках и заводах было 25000 смертных случаев и 700000 ранений, там же в 1919 г. было 25000 смертных случаев и 3,000,000 ранений.

Чрезвычайно резкое увеличение жертв приносят войны, которые по существу в капиталистическом мире являются борьбой однородных систем производства. Не сокращая, а увеличивая число несчастных случаев в производстве, они требуют еще новых жертв, как у человеческого материала, так и самого производства. Франция, например, потеряла убитыми 1,700,000, калеками 500,000, больными, преимущественно туберкулезом 600,000, не считая огромного числа легко раненых, впоследствии выздоровевших. Кроме того сократилась посевная площадь на 25% и разрушено огромное количество различных хозяйств и зданий. По подсчетам немецких ученых к октябрю 1917 г. Россия потеряла 90,4% своего довоенного национального богатства, Франция около 60%, Англия около 50%, Германия 47%.

Вот выпуклые факты, показывающие неэкономность буржуазного способа производства. Особенно расточительность его проявляется, если прислушаться к языку самой буржуазии, которая все считает на деньги. Так немецкие ученые считали, что мужчина в возрасте от 18 до 45 лет равносилен капиталу в 500000 золотых марок, положенному в банк и приносящему 4% годовых. Для Франции таким образом растрачено один триллион четыреста миллиардов золотых марок или почти семьсот миллиардов золотых рублей. Невыгодность для человечества капиталистических методов хозяйства сказывается еще резче на другом примере: оплодотворение безводной и трудно проходимой пустыни в Австралии путем постановки плотины и пробития бреши в горах для изменения русла реки, потребовавшее долголетних работ, обошлось столько же, сколько один день ведения войны всеми воюющими государствами в 1915 г. При чем здесь надо считать только траты продовольствия, вооружения и снаряжения не считая гибели людей.

Такова расточительность буржуазного способа производства или системы организации человечества для подчинения сил природы. Но буржуазия продолжает упорствовать, считать его единственно правильным и целесообразным и напрягает все силы, чтобы не только словами, но и силой оружия убедить всех в его совершенстве и пригодности.

С появлением на свет РСФСР, а теперь СССР, из под власти буржуазии ускользнула $^1/_6$ часть света. Теперь уже буржуазия не является монополистом, теперь новый метод хозяйства, пока еще в форме первоначального социалистического накопления, стал фактом, а не только теорией, проповедываемой социалистами. А так как эта система хозяйства имеет тоже тенденцию мирового распространения, то столкновение пролетариата с буржуазией неизбежно. Первая стычка, имевшая место в период 1918—1921 г., носила ожесточенный разрушительный характер. Она окончилась в пользу пролетариата и сейчас противники имеют передышку. Длительность этой передышки зависит от степени и быстроты подготовки тыла, нахождения прочных и верных союзников и создания единства воли и управления в двух борющихся станах.

Подготовка тыла—это организация хозяйства на территориях, которыми владеют два врага. Пока буржуазия в своих 5/6 частях света, на первый взгляд, как будто бы довольно сносно справляется с этой задачей. Лучше всего дело обстоит в Америке, где в 1922 г. национальный доход равнялся шестидесяти миллиардам долларов (120 миллиардов золот. рублей), из которых 10 миллиардов попали в карманы исключительно буржуазии, как прибыль. Вот разгадка, почему так любит буржуазия капиталистический способ производства. Почти во всех странах увеличивается производство тяжелой индустрии и добыча угля, но все эти благоприятные моменты имеют оборотную сторону, доказывающую, что, по крайней мере, в Европе к довоенной базе промышленности вернуться трудно.

Во первых, безработица, которая в Англии охватывает 13% состоящих в профсоюзах, в Германии 16,5 %, в Польше 114 тысяч человек к февралю 1923 года. Во вторых—бешеная скачка валюты.

Страны.	Паритет.	6/X—1922 г.	6/I—23 г.	6/IV—23 г.
Германия	20,43 за 1 ф. ст.	9550	39500	98000
Франция	25,22 „	58	67	71
Италия	25,22 „	103	92	94
Австрия	24,02 „	315000	320000	330000
Венгрия	24,02 „	10500	11500	20000
Чехо-Словакия . .	24,02 „	130	161	157
Польша	20,43 „	40000	83000	200000
Румыния	25,22 „	725	840	1000
Болгария	25,22 „	750	665	600
Юго-Славия	25,22 „	275	425	455
Греция	25,22 „	155	390	400

Если к этому прибавить скачку цен на продукты питания и предметы промышленности, то болезнь буржуазного миропорядка является прочной и упорной.

В стане пролетариата, которому в период 1918—1921 г. буржуазия постаралась разрушить и хозяйство, и орудия производства, и пути сообщения, не смотря ни на что, замечается медленный рост. Конечно, есть аномалии, выражающиеся в понижении цен на сельскохозяйственные продукты и росте их на продукты индустрии, но это от неопытности и недостаточной слаженности нового строя и принимаются все меры к устранению этих недостатков. Новые классы неопытны в руководстве государством, учатся, не имея примеров в прошлом, но на опыте уже доказали свою способность к руководству, постигнув многое за короткий срок в полтора года.

Подготовка тыла в общем в странах первоначального социалистического накопления идет ровнее и успешнее. Если принять во внимание, что основные продукты, как хлеб, железо, уголь и нефть, из за обладания которыми идет борьба во всем мире, в СССР имеются в достаточном количестве и требуют только разработки, то положение борющегося коммунизма выгоднее в будущем. Особенно, если принять во внимание последнее открытие в районе Курской аномалии. Коли-

чество железной руды, по предположению, равняется 2 триллионам 500 миллиардов пудов, что вдвое превышает подпочвенный резерв железа во всем остальном мире.

Положение буржуазного миропорядка сейчас выгоднее, потому что там больше средств и при разработке их пользуются самыми усовершенствованными методами, в то время как в СССР мало средств и у руководящих классов мало культурных навыков.

Но зато в первом случае идет борьба и нет единства в обладании основными продуктами, во втором—борьбы между союзными национальностями нет, и потому сегодняшняя промышленная немощь, благодаря отсутствию межнациональных трений, завтра станет силой, в то время, как сегодняшняя буржуазная сила уже и сегодня, а завтра еще резче, благодаря национальной конкуренции и стремлению одной группы буржуазии к господству над другой, выявится как слабость и будет помехой к успешному ведению боевой операции и не даст возможности бросить разом все могучие средства на борьбу Не даром Лорд Керзон 9-го ноября 1922 г. сказал: „все державы обессилены и разбиты войной, мы обременены тяжелой налоговой системой, от которой страдает наша промышленность. Во всех отраслях последней имеются бесчисленные множества безработных. Что касается Франции, то эта страна впала в неслыханную задолженность, не будучи в то же время в состоянии добиться уплаты репарационных платежей. Германия находится в состоянии политической неустойчивости, а ее хозяйственная жизнь парализована ужасным валютным кризисом. Россия все еще находится вне семьи европейских народов. Она все еще стоит под знаменем коммунизма и продолжает вести коммунистическую пропаганду во всех частях света. Италия переживает целый ряд потрясений. внутренних и правительственных кризисов. На ближнем востоке царствует полный хаос. Положение ужасное.

Союзником, дружбы и поддержки которого ищут оба врага, является крестьянство. Крестьянство после войны выступило активно и подчас решающей силой на политической арене. Тов. Иорданский в № 7 „Коммунистической революции“ пишет: „деревня пробудилась, как сказочный великан и повсюду потребовала удовлетворения своих нужд и признания своих прав. После военная экономика, когда разоренный и обескровленный город казалось, уступил деревне первенствующее место в обладании хозяйственными ценностями, подвела прочный фундамент под политическое движение деревни“. Но это движение разрознено, сам класс крестьянства не однороден и „единственно, что выделялось с полной отчетливостью в хаосе крестьянского потока—это требование земли и, в качестве необходимого условия земельной реформы, требование усиления политической роли крестьянства в буржуазном государстве. Крупная буржуазия учла крестьянскую тягу к земле, Волна аграрного законодательства в пользу крестьян прошла по всей Европе. Даже английский парламент вотировал ассигновки на вспомоществование фермерам, что бы по выражению Ллойд-Джорджа укрепить наиболее устойчивый и благо-

надежный класс современного общества. Этот социальный компромисс дал возможность крупной буржуазии ослабить натиск крестьянского моря и направить его по иному руслу против „разрушителей“ буржуазного благополучия, против рабочего класса“.

Пока только в СССР крестьянство окончательно порвало не только с дворянством, но и с буржуазией и строит совместно с пролетариатом, как политическую и экономическую жизнь, так и свою общую вооруженную силу—Красную армию. В других странах буржуазия сумела в виде фашистских организаций создать союз с крестьянско-кулацкими элементами деревни. Буржуазия уже не верит армиям обще-гражданского набора. Она их боится после опыта с Россией. Восстание французских моряков в Одессе, нежелание драться американцев и англичан на севере России, выдача чехо-словаками Колчака—все это факты, которые показывают буржуазии, что в будущей решительной схватке на армию обще-гражданского набора надежды слабы. В ней довольно большой процент пролетариата, и такая армия, как показал опыт императорской русской армии и отчасти германской армии, может явиться неожиданно для буржуазии своеобразной школой и удобной формой для создания союза между рабочим классом и крестьянством, могущим повернуть штыки не только против королевских и республиканских правительств, но и против самой буржуазии.

Поэтому буржуазия занята сейчас перестройкой вооруженных сил. Фашизм—это метод построения и политического, и экономического и военного союза буржуазии с крестьянством. Пока он только удался в 3-ем своем естестве. Алазор пишет: „Фашисты стали против коммунистов. По примеру последних буржуа решили сформироваться в отряды и проучить тех, кто нарушил их мирное существование“. Горголини говорит: „Фашизм—синоним антиколлективизма и антидиктатуры пролетариата“. Де-Фалько об'являет: „Фашизм—милиция класса“ (Иорданский „Судьбы фашизма“).

Финляндия, на ряду с обще-гражданской армией в 15 тысяч, имеет 100 тысяч шюцкоров—охранной гвардии, состоящей из буржуазной молодежи и офицерства, опирающейся на крестьян собственников. В Латвии при армии в 28 тысяч штыков, имеется „самооборона“, состоящая главным образом из земельных собственников, как крупных, так и мелких и, согласно оффициальных данных, насчитывающая 70 тысяч вооруженных членов. Девиз „самообороны“: „Если хочешь сохранить свою землю и свое состояние, то участвуй в их защите с оружием в руках“. В Венгрии, в Эстонии, Баварии, Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии, во Франции, Испании, Швейцарии фашизм питается также крестьянско-кулацкими соками. Даже американский фашизм гнездится на фермах и в мелких городках (Иорданский—„Судьбы фашизма“).

Германия, имея по Версальскому договору для армии и флота 115 тысяч, сумела организовать под общим руководством „Оргеш'а“ свыше 500 тысяч из офицеров, унтер-офицеров, студенчества, кулац-

ких элементов. Эти отряды имéют скрытые склады и вооружение и в нужный момент помогают буржуазии смирить рабочих и залить кровью ту или иную область Германии.

В Италии армия фашизма насчитывает около 500 тысяч при 200 тысячной армии обще-гражданского набора. Социальный состав фашистских организаций очень характерен:

Городские занятия (капиталисты, рабочие, интеллигенты, учащиеся)	40 %
Смешанные занятия (служащие и торговцы)	25%
Сельские занятия (землевладельцы, сельско-хоз. рабочие)	35 %

Только за последние два года Коминтерн, под влиянием Российской коммунистической партии, своими постановлениями притягивает внимание коммунистических партий к работе среди крестьянства и к союзу с ним. Помехой для серьезного обращения внимания на союз крестьянства и рабочего класса служит то, что в таких странах, как Германия и Англия, рабочий класс составляет почти половину населения. И поэтому руководителям коммунистического рабочего движения заграницей кажется, что рабочий класс может справиться один, без союза с крестьянством.

Над сознанием руководителей рабочего движения заграницей тяготеют слова Маркса из „Новой Рейнской Газеты“ (29 июля 1848 г.), где крестьяне были названы „самыми естественными союзниками буржуазии, которые представляют из себя плоть от ее плоти“. Кóрень успеха большевиков заключается в том, что они сумели оторвать этих „естественных союзников“ от буржуазии и сделать их не менее естественными союзниками пролетариата.

Все революции, где пролетариат был одинок, как это было в 1848 и 1871 г. г. и у нас в России в 1905 г., были разбиты потому, что пролетариату не удавалось оторвать крестьянство от буржуазии. Парментаризм в Европе уже достаточно всем надоел и суть европейских революций, которые должны наступить, перефразируя известное место из брошюры тов. Ленина „Две тактики в демократической революции“, вышедшей в июле 1905 года, заключается в следующем: „Пролетариат должен довести до конца, т. е. до установления советской системы, демократический переворот, присоединяя к себе массы крестьянства, чтобы силой раздавить сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость мелко-буржуазной демократии, а затем, опираясь на массу полупролетарских элементов населения, смирить буржуазию и парализовать неустойчивость крестьянства“.

Буржуазия занялась и политической организацией крестьянства, в первую голову, его кулацких элементов. Года полтора тому назад в Чехо-Словакии был созван с‘езд крестьянских партий под знаком не „кровавого“ коммунистического знамени, а, как трубили тогда заграничные газеты, под сенью „зеленого знамени клевера четырехлистника“. Не так давно промелькнуло известие, что в конце весны или в начале лета в Париже будет созван „Зеленый Интерна-

ционал“, т. е. с‘езд крестьянских партий, находящихся под влиянием буржуазии.

Коммунистическим партиям необходимо обратить серьезное вни- на работу среди крестьянства, на убеждение пролетариата, чтобы он скорее шел к союзу с крестьянством, ибо пока крестьянство Запада будет „естественным союзником буржуазии“, до тех пор успех пролетарской революции стоит под знаком вопроса. Русский пролетариат, который по последним данным насчитывает в своих рядах, организованных в профсоюзы, 3.432.000 фабрично-заводских рабочих, благодаря своей пятисот-тысячной коммунистической партии руководит 120 миллионной массой крестьянства. Он сумел провести величайшую в мире революцию и отстоять одну шестую часть света от натиска всего мирового капитала.

Все это потому, что русская революция разрешила для крестьянства весьма важный вопрос. В Европейской России до революции надельных земель на 80 миллионов крестьянского населения приходилось 139 миллионов десятин земли и в то же время на 750 тыс. крупных, мелких и средних землевладельцев приходилось 102 миллиона десятин земли, причем:

33 проц.	собственников	имея не свыше 10 дес.	влад.	2 проц.	земли.
36 „	„	„ от 10 до 20 „	„	4 „	„
14 „	„	„ от 20 до 50 „	„	4 „	„
10 „	„	„ от 50 до 200 „	„	11 „	„
5 „	„	„ от 200 до 1000 „	„	27 „	„
2 „	„	„ свыше 1000 „	„	52 „	„

Революция решила этот вопрос так, что для совхозов оставила 2.079.000 дес. и для коллективных хозяйств 1.233.000 дес., остальное перешло в пользование крестьянства. Таким образом, „естественный союзник“ буржуазии оторвался от нее и стал не менее естественным союзником пролетариата. Получилось единство воли пролетариата и крестьянства, удержать которое в дальнейшем зависит от такта и разумной политики самого пролетариата и особенно его партии.

Надо только не забывать принципов научного социализма, о котором еще когда-то давно писал Каутский, а именно: „социал-демократы не предполагают экспроприировать мелкой крестьянской собственности; ремесло и мелкое хозяйство будут существовать и много лет спустя, после того как на фабриках и заводах будет введено социалистическое производство“. Энгельс указывал: „Мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-либо вмешательством с нашей стороны. Наша задача по отношению к крестьянам, прежде всего, состоит в том, чтобы их частное производство и их частную собственность превратить в товарищества, но не насильственным путем, а примером и предложением общественной помощи для этой цели“. Наконец, тов. Ленин на 8-м С‘езде говорил: „По отношению к помещикам и капиталистам наша задача—полная экспроприация, но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем, даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой реши-

тельностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянина и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства—подавление его контр-революционных поползновений. Это не есть полная экспроприация“.

Все эти мысли легли в основу постановлений и резолюций по аграрному вопросу, особенно второго Конгресса Коммунистичего Интернационала, но работа среди крестьянства, привлечение его на свою сторону, уничтожение влияния на него буржуазии—все еще проводится слабо коммунистическими партиями Запада. Роль крестьянства, как союзника, учитывается плохо, а без него пролетариату будет трудно бороться с буржуазией и еще труднее будет победить ее.

Но скажут, что демократические революции на Западе проведены и такого вопиющего неравенства, как в России, нигде нет. На деле же, если взять данные о распределении земельной собственности, относящиеся ко времени 1912—1914 г. г. и которые за время войны мало изменились, то картина мало чем отличается от Российской. Демократические европейские революции были более или менее радикальны в политическом отношении, в области промышленной диктатуры буржуазии, но в области землевладения они совершенно не завершены.

Возьмем Бельгию. Там 45000 землевладельцев владеют 2,4 проц всей пахотной земли, а 27 землевладельцев, имеющих более 2000 гектаров, владеют 3,07 проц. всей пахотной земли, т. е. в полтора раза больше. Если взять крупных и средних помещиков, имеющих начиная от 50 гектаров, то число их будет 7192 и владеют они половиной всей земли (50,43 проц.), а на остальной половине теснится 712.797 собственников. Причем картина будет еще резче, если мы возьмем владеющих не более одного гектара,—их будет 494.100 чел. и владеют они 4,7 проц. пахотной земли (гектар равняется 0,9 дес.).

Возьмем Францию. Крестьян землевладельцев с семьями около 18 миллионов человек. (почти половина населения). Число землевладений немного более 5 миллионов. Вся земледельческая площадь с лесом и пастбищем равна 45 миллионам десятин. Картина будет такова:

2.200 000	хочяйств	(38 проц)	имея	до 1 дес.	} По обеим категор. 35 проц.
2.600.000	„	(46 проц.)	„	от 1 до 9 дес.	}
700.000	„	(14 проц.)	„	от 9 до 36 дес.	владеют 30 проц. зем. площ.
100.000	„	(2 проц.)	„	более 36 дес.	„ 45 проц. „ „

Англия без Шотландии и Ирландии имеет 17 миллионов десятин земледельческой площади. Число владельцев, имеющих не более 5 дес. на один участок, составляет 85 проц. всех собственников и имеют все вместе 310.000 дес. т. е. менее 2 проц. всей земледельческой площади. В то же время крупными участками от 480 дес. и выше владеют—менее 1 проц. землевладельцев, а у них 58 проц. всей площади.

Наконец, в Пруссии 23 проц. земельной площади принадлежит казне, церкви, городам и общинам, остальные 77 проц. распределены по частным владениям таким образом:

до 1 десятины	52 проц. собственников	владеют	2 проц. зем. площади.
от 1 до 6 дес.	29 проц. „	„	9 „ „ „
от 6 „ 67 „	18 „ „	„	38 „ „ „
более 67 „	1 „ „	„	51 „ „ „

Все эти данные указывают, что остатки крепостничества, несмотря на ряд революций, несмотря на крики о демократизме и прелестях парламентаризма, остались в полной силе и мало чем отличаются, разве только способом эксплоатации не столь грубым, от дореволюционных российских. Незавершенность демократических революций на Западе мало осмыслена и поэтому то не привлекает крестьян к союзу с пролетариатом, а между тем условия, благоприятные для привлечения его, на лицо.

Можно смело сказать, что только мы в России довели демократическую революцию до конца, мы только покончили с дворянством и феодальными крепостническими отношениями, в Европе же они остались в силе, замаскированные более культурными способами эксплоатации. Мощная организация католической и протестантской церквей, а также буржуазная школа и буржуазная печать мешают рабочему классу, держат крестьянство в цепях буржуазной идеологии и не допускают союза его с пролетариатом.

Но вряд ли долго сможет буржуазия удержать под своим влиянием крестьянство.По мере укрепления СССР, по мере его хозяйственных успехов, ставка ее будет бита и „естественный союзник“ буржуазии обратится во врага, особенно из за вопросов политики и экономики. Тем более что отдельные буржуазные писатели слишком тянут под власть дворянства крестьянские массы. Так Шпенглер в своем „Закате Европы“ называет на стр. 32 „провинциальное дворянство высшей формой крестьянства“, что вряд ли понравится крестьянству. Про город он говорит (стр. 33): „в мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против культуры, против знати, церкви, привиллегий, династий, преданий в искустве, границ познаваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острота и холодная рассудочность, ее натурализм совершенно нового склада, идущий гораздо дальше назад, чем Руссо и Сократ, и непосредственно соприкосающийся в половых и социальных вопросах с первобытными человеческими инстинктами и условиями жизни, ее требование „хлеба и зрелищ“, которое в наши дни оживает под личиной борьбы за заработную плату и спортивных состязаний" несет гибель Европейской культуре. Буржуазия уже боится пролетариата и видит гибель своего господства и влияния на крестьянство. Как ни как, а для идейной борьбы с ней и для привлечения к союзу с рабочим классом крестьянства уже организовались 52 коммунистических партии, об'единяемые и руководимые Коминтерном. Вопрос времени, но уже и сейчас благоприятное для бур-

жуазии сегодня, повернется завтра против нее, особенно когда придут в движение насчитывающие больше полумиллиарда человек Китай и Индия, и когда раскачаются африканские племена. Их уже и сейчас трудно двинуть против Советской Россси. Они скоро легко пойдут против буржуазии.

Теперь остается рассмотреть вопрос о подготовке единства воли и управления. Для коммунизма оно прежде всего определяется наличием Коминтерна, руководящим 52 партиями, разбросанными по всему миру, в самом сердце враждебного нам стана. Следовательно, в момент решительной схватки буржуазия будет иметь против себя и об'единенную силу СССР и, внутри каждой страны, национальные отряды пролетариата.

Перед буржуазией стоит в этой области труднейшая задача. Ей надо смирить национальные отряды пролетариата, уничтожить все возрастающее влияние коммунистических партий и, кроме того, об'единиться в мировом масштабе или, по крайней мере, обще-европейском. Даже достигнув успеха в первых двух направлениях, она споткнется на последнем. Взаимная конкуренция национальных отрядов буржуазии, борьба за рынки, за нефть, железо и уголь, жажда наживы и обогащения требуют сначала подчинения путем банковских операций какому либо одному наиболее мощному отряду буржуазии всех других национальных отрядов, а потом уже закрепление этого подчинения вооруженной рукой. Сначала финансовые и дипломатические подвохи, потом вооруженная борьба для создания в буржуазном лагере единста воли и управления—таков путь об'единения буржуазного мира для борьбы с коммунизмом, для того чтобы начать с ним решительную схватку. Путь сложный, вызывающий протест, отход и даже вооруженную борьбу против буржуазии тех слоев и классов, без которых она не может пойти на решительную схватку с ними.

Убедительным доказательством этого положения служит теперешняя картина мира пяти шестых света, находящихся под властью буржуазии.

В лагере коммунизма это единство налицо. Создание СССР мирно и по братски разрешает вопрос этого единства. Управление хозяйством, связью (телеграф и пути сообщения), военным делом, внешними сношениями (торговля и дипломатия) едины на всем пространстве одной шестой части света. СССР являет миру пример братского и полюбовного сожительства разных наций и племен и обеспечивает их единодушное выступление в случае борьбы. Сейчас мы в нашей слабости сильнее наших врагов своим единством. Враждебный мир, при всей своей силе и могуществе, значительно превосходя нас во всех отношениях, слаб благодаря своей разрозненности и невозможности мирным путем изжить эту разрозненность.

Против них то, чем они больше всего гордятся—успехи техники и науки. Боязнь пролетариата, неуверенность в крестьянстве заставляет буржуазию успехи науки и техники в большой довольно части обращать вместо организации и увеличения сил человечества для

борьбы с природой в орудия истребления трудящихся масс этого человечества, ибо иначе обеспечить свое господство и захват прибыли в пользу крупной и крупнейшей буржуазии не добиться. Этого противоречия не изжить буржуазии, его изживет человечество только при помощи пролетариата.

Наше время есть борьба за влияние на крестьянство, за то, с кем оно будет в союзе и в то же время есть состязание между пролетариатом, организовавшим государство, протянувшееся на одну шестую часть света и буржуазией, раздробленной на национальные отряды, ведущей между собою борьбу, состязание, в том, при каком методе хозяйства человечество лучше всего сможет использовать в своих интересах силы природы. Одновременно это же есть подготовка тыла, заключение союза и постройка рядов для будущей решительной схватки.

Темп нами уже выигран. Умелое ведение хозяйства, укрепление союза с крестьянством внутри СССР и правильное руководство Коминтерном в смысле создания единого рабочего фронта и привлечения крестьянства к союзу с рабочим классом за пределами СССР передадут, когда придут сроки, в наши руки инициативу боевых действий.

Не исключены возможности, что буржуазия попытается, видя и понимая, что мы усиливаемся, нажать и вступить в бой и теперь. По крайней мере майские события этого года рисуют картину такого желания со стороны наиболее реакционных кругов. Английский ультиматум, посылка судов, поездки Фоша и Мак-Кавана в Польшу, поездки французских и английских военных миссий по Румынии, все это нетерпеливые жесты со стороны империалистической части буржуазии, провоцирующие войну.

Стратегический план стар: окружение. Вся шумиха и требовательность английской дипломатии имеет целью ослабить наш престиж, уничтожить обаяние нашей непобедимости в глазах Китая, Индии. Персии, Турции, чтобы сделать народы этих стран менее строптивыми,

Сейчас задача, которая до ее осуществления об'единяет наиболее сильные капиталистические страны, состоит в том, чтобы путем военной интервенции поработить Китай, овладеть им и сделать его плацдармом для наступления на нас с Востока. Наша Сибирь мало населена да, вдобавок, воинственно настроена против иностранного вмешательства. Индия в руках англичан. В южной Персии и Мессопотамии английские войска уже имеются. Против Турции в Европе имеются греки. В Малой Азии, в Мессопотамии—английские войска, в Сирии собираются французские военные силы.

С Запада можно пустить Польшу, Румынию и других мелких пенсионеров империализма, но мешает клокочущий котел в Германии. Так что красивый план окружения и концентрического наступления разбивается пока на целый ряд сложных операций, требующих длительного воплощения в жизнь.

Наиболее вероятное положение будет выявляться так: силами Польши совместно с французскими войсками и германским „оргешем" усмирить рабочий класс Германии, а затем расправиться и угомонить рабочий класс Бельгии и Франции, который непрерывно бастует и делает тыл непрочным.

Одновременно с этим овладеть Китаем, куда стягиваются уже американские войска и для которого уже намечена такая программа: роспуск китайской армии и отдача под военный контроль железных дорог.

Замирение Индии, овладение Персией и укрощение Турции являются тоже задачей для мирового империализма, чтобы иметь подступы к нам с суши для одновременного наступления. Для этой же цели проводится, после инспекторских поездок английской и французской военных миссий, реорганизация румынской армии. Там сокращают общегражданскую армию, ибо ее крестьянский и рабочий состав делает ее малонадежной, о чем уже давно писами в русских белогвардейских газетах, предлагая врангелевскую армию перевезти в Румынию и распустить румынскую. Теперь это хорошо поняли инспектора Антанты, но только, сокращая армию общегражданского набора, на место распускаемых строят войска „фашистского" типа.

План в общем красив, но трудно исполним и потребует много времени. И красиво сплетенные петли замысла рвутся то и дело потому, что то тут, то там вспыхивают новые очаги, требующие скорейшего тушения.

Китай велик и обладает населением в 400 слишком миллионов и может оказаться таким осиным гнездом, каким не была даже Россия. Да кроме того, если бы удалось им овладеть и смирить население, то сами оккупанты могут передраться из за обладания тем или иным лакомым куском его территории.

Самое главное Европа, но тут то больше всего неожиданностей будет со стороны рабочего класса. Картина резко может измениться в пользу буржуазии, если С. С. С. Р. поддастся на провокацию, в виде ультиматумов и посылок крейсеров в ее территориальные воды. Нетерпению сейчас нет места. Отскоки и отходы, как средство маневра, хороши и в политике. Мы их делаем в области экономики также успешно, как и в войне. Важно сохранение инициативы, а инициативу не всегда держит тот, кто нападает. Иногда его толкает к нападению и безнадежность положения и заставляет форсировать нападение, т. к. „сегодняшнее" благоприятное положение „завтра" станет совсем неблагоприятным.

Кроме того, ведь война есть продолжение политики, а в решении ее вопросов массы сейчас играют большую роль, и уступчивость наша перетягивает их симпатии на нашу сторону. Помимо масс трудящихся уступчивость действует и на благоразумную часть буржуазии, ее пацифисткие элементы и таким образом ослабляет позиции империалистической части буржуазии.

Все это заставляет прибегать к сложному и „обидному для самолюбия“ маневрированию, чтобы оттянуть завязку боев и принять их тогда, когда обстановка будет вполне благоприятна. Пусть завязнут в Китае, в Малой Азии. Пусть еще больше запутаются в Руре. Это их дело. Мы же должны уклоняться, ибо время работает на нас.

Самое главное—подготовка тыла, т. е. укрепление хозяйства и промышленности, и распространение военных знаний и навыков путем милиционной системы, внедряя их вширь—и вглубь.

Пока же, в предвидении будущей неизбежной схватки, тщательное, серьезное, воодушевленное изучение военного искусства, спортивная тренировка нашей молодежи, стремление добиться того, чтобы искусство владеть оружием и всей современной техникой стало одной из самых сильных сторон пролетарской деятельности. Тогда, если буржуазия подымает против нас оружие, мы сможем отразить все ее попытки и, опираясь на поддержку крестьянства во всем мире, уничтожить ее.

Три основных класса, буржуазия, крестьянство, пролетариат. Только победив оружием буржуазию, пролетариат добьется союза с крестьянсвом на всей территории земного шара и тогда мирно, как это делается сейчас в СССР, введет коммунистический метод хозяйства, который даст человечеству человеческое существование и обеспечит его господство над природой.

Е. Пятосин.

Необходимость создания воздушного флота в СССР.

Вопрос об авиации—вопрос давнишний, требующий самого точного уяснения и радикальнейшего лечения всех наболевших нужд и потребностей авиации—он не терпит отлагательств и дальнейших промедлений.

Если В. Ц. И. К. и его печатные органы подняли сильнейшую агитацию за могущественный воздушный флот, то, вероятно, на это есть очень серьезные веские причины.

А причины эти следующие:

Едва зародилась авиация, на нее прежде всего обратили серьезнейшее внимание военные ведомства всех стран и сразу учли ее будущее военное значение, забронировав все важнейшее в этой области за собой.

На первых же порах начали открываться *военные* авиационные школы и авиация фактически во всех странах приняла военный облик.

Это означало, что все государства инстинктом чувствовали громадное ее военное значение и не обманулись.

Всего несколько лет спустя после зарождения, авиация доказала всю свою специфическую жизненность и необходимость на военном поприще. Вспыхнувшая мировая война в 1914 г. сразу выяснила, что авиация—новый, совершенно особенный род войск с присущими ему и только ему особенностями. Быстрое уяснение исключительных свойств авиации способствовало и быстрейшему ее развитию. В то время, как другие роды оружия культивировались веками, создавались целыми эпохами—авиация сразу выросла во весь свой рост и обнаружила исключительные боевые качества.

Военная авиация с первых же дней войны внесла полное расстройство в существовавшие до тех пор тактические и стратегические приемы ведения войны. Она углубила фронты и довела прифронтовую полосу до 200 верст. Короче говоря, она уничтожила тылы. Способность проникать в глубь враждебной страны и держать ее под страхом налетов с бомбометаниями, кроме материального ущерба, нервирует население, отодвигает еще далее в тыл наиболее необходимые и жизненные органы, нарушая тем самым нормальную тыловую работу—явно говорит за колоссальное значение авиации.

Фронтовая работа авиации заключалась в разведках, регулярность и точность сведений коих о расположении и количестве войск порою совершенно уничтожала возможность дневных передвижений, заставляла противника принимать исключительные меры к маскировке и обрекала войска днем на полное бездействие. Вездесущность авиации в тылу у враждебных сил и непрерывность ее наблюдения устраняла возможность внезапных скоплений войск и тем вносила систему в боевую работу и сравнительную безопасность. Все замеченные предвижения противника она своевременно обнаруживала, доносила и давала время на принятие своевременных мер к парированию готовящегося удара.

Как наглядные примеры могут служить следующие факты:

1) В сентябре 1914 г. германскими летчиками было своевременно замечено движение французской армии в охват правого фланга армии генерала Клука на Марне, что помогло немцам избегнуть катастрофы и сравнительно благополучно вывести войска из-под удара.

2) Разведки русских летчиков в дни Свенцянского прорыва осенью 1915 г. дали возможность ликвидировать прорыв (и прочее).

Авиация служила верной и надежной связью между войсками, когда все виды связи были нарушены и не было совершенно возможности их восстановить, так:

1) 22 августа 1914 года была восстановлена связь между 2 и 3 германскими армиями, чего не смогла сделать даже конница.

2) Осажденный *Перемышль* в 1915 году поддерживал связь с австрийской армией.

Авиация громадную пользу приносила бомбометанием и обстрелом живых целей:

Примеры: 1) В июле 1916 г. германские летчики взорвали французский склад снарядов: все постройки, под'ездные пути и штабели снарядов были совершенно уничтожены на площади 642000 квадратных метров.

2) В апреле 1918 г. французские летчики уничтожили поезд со снарядами для 360 м/м орудий.

3) Германские летчики в 1916 г. взорвали склад снарядов и огнеприпасов на станции *Луцк*, уничтожив весь запас таковых особой армии.

4) В 1918 г. с 22 по 26 марта английские летчики сбросили в глубоком тылу в Германии 9000 пудов взрывчатых веществ; 3 июня—3800 пудов.

5) За 2 ночи 19 и 22 июля того же года германскими летчиками сброшено в тылу у противника 10.000 пудов бомб.

6) 24 немецких самолета в сентябре 1918 г. на переправах под *Камбре* разбили английскую дивизию.

7) 30 мая 1918 г. 50 английских самолетов рассеяли германскую колонну в 5 верст длиною.

Общее количество бомб, сброшеных за войну только германскими летчиками, составило 10.073.000 штук—общим весом 1.700.000 пудов. Максимальный вес бомб в 1918 году доходил до 61 пуд., последних немцы сбросили только 710 штук.

Громадную роль на войне авиация сыграла в корректировании артиллерийской стрельбы и связанном с ней фотографировании позиций. Заснятые боевые участки противника по отпечатании их немедленно расшифровывались и все замеченное: батареи, скопления войск, обозы, при помощи самолета, снабженного радиотелеграфом, уничтожалось с первых же выстрелов орудий.

Замеченные самолетом в тылу у противника живые цели: передвижения войск, артиллерии, обозов, немедленно, по требованию летчика (при помощи радио) обстреливались и уничтожались или рассеивались.

Выяснившаяся несомненная польза на войне самолетов заставила все воюющие государства обратить на развитие военной авиации исключительное внимание и авиастроительство приняло лихорадочный характер.

Так в 1914 г. *Германия* имела 250 действующих самолетов, *Россия*—200, *Англия*—170, *Франция* около—300. За 4 года войны (1914—1918 г.) *Германия* построила 47.000, *Англия*—55.000, *Франция*—51.000, *Россия*—3.000 и *Америка* за срок менее года (с 1917—1918 г.) построила 13.600 самолетов. Нежелание воюющих стран позволить враждебной авиации проникнуть в свой тыл и тем раскрыть все производившиеся там передвижения войск, их расположение и силу, а также с целью обезопасить себя от бомбометаний, привело к массовому выпуску на фронт самолетов и летчиков. В результате сотни тысяч воздушных боев, десятки тысяч сбитых самолетов. Эти

жертвы ясно говорят за то, что авиация—грозный род оружия и с ним считаются в высшей степени.

Кроме этого авиация дала еще возможность производить в глубоком тылу у противника высадку шпионов, подрывников, получать сведения о противнике и доставлять в свои штабы.

Это было так в старую войну, когда самолеты были максимум двух-трех-местные, с одним, двумя, самое большое тремя пулеметами, не обладавшие достаточной скоростью и с ограниченным радиусом действий.

Прошло несколько лет и заграничная авиация, главным образом военная, при исключительном внимании к ней лучших технических сил, сделала громадный скачок вперед.

1) Высота военных самолетов доходит до 8000—12000 метров, что дает возможность проникать в тыл к противнику, не только не боясь его артиллерийского огня, но и быть совершенно незамеченным.

2) Продолжительность полета доходит до 26 часов, в каковой срок можно пролететь без посадки 3000 и свыше километров.

3) Скорость самолетов доходит до 400 верст в час.

4) Грузопод'емность до 600—800 пудов.

5) Имеются бронированные самолеты с 30 пулеметами, выпускающими 45000 пуль в минуту, совершенно неуязвимые от пуль и вооруженные специально для борьбы с живыми целями: главным образом с пехотой, артиллерией, обозами.

6) Испытаны и дали блестящие результаты 120 пудовые авиационные бомбы, уничтожающие с одного попадания любое морское судно.

7) Изобретен самолет, вооруженный орудием.

8) Строятся самолеты, могущие поднимать и перебрасывать от 50 до 100 человек пехоты.

9) Изобретен газ, убивающий все живое в районе его действий и действующий в продолжении 10 суток и на громадном расстоянии; бомбы с таким газом уже изготовляются.

10) Спроэктирован самолет, который с грузом будет весить 60000 пудов.

Все государства главное внимание обратили на развитие военной авиации; процентное отношение количества авиационных войск по отношению к армиям быстро увеличивается и доходит уже в некоторых государствах до 10°/o; кредиты также увеличиваются даже в ущерб другим родам оружия.

Рекорд побила *Франция*, имеющая в настоящее время в авиационных войсках 40000 человек (8°/o всей армии),—220 авиационных отрядов. Прочие государства ведут усиленную агитацию за равнение по Франции, особенно *Англия*, взбудораженная опасным ростом французской авиации, требует от правительства развития мощи авиации, ни в коем случае не ниже французской, иначе ей грозит величайшая опасность и уничтожение выгодности изолированного островного положения. В частности, *Польша* имеет около 600 самоле-

тов и стремится удвоить это количество. Даже *Литва* и *Эстония* обладают свыше 100 самолетами каждая. В *Финляндии* свыше 200 и т. д. и т. д.

Великое значение и блестящая будущность авиации одинаково осознаны всеми государствами и неудивительно ее лихорадочное развитие.

Развитие так называемой мирной авиации идет тем же усиленным темпом.

Горизонты ее с каждым днем расширяются и все чаще и чаще приносят нам новые успехи ее применения

Прежде всего ее использовали для пассажирского передвижения, перевозки почты и грузов.

Заграницей существует уже около 70 воздушных линий, по коим сообщение происходит регулярно по расписанию. Стоимость передвижения по воздуху постепенно понижается и в настоящее время только в два раза выше железнодорожных тарифов, но зато большой выигрыш в скорости (до 200 верст в час). Непрерывное усовершенствование самолетов в смысле комфорта, быстроты передвижения и безопасности постепенно увеличивают количество перевозимых пассажиров и грузов. Мощные самолеты способны поднимать десятки, сотни пудов груза и совершать перелеты без посадки до 1000 верст и более Сеть почтовых и пассажирских линий заграницей достигла уже сотен тысяч верст.

Безопасность быстро увеличивается, напр., на линии Париж—Лондон за год—только одна смертельная катастрофа; на германских линиях за год перевезено 5500 пассажиров и пройдено по воздуху 1,000,000 верст без единой смертельной катастрофы. Регулярность движения доходит до 90—98%. Количество перевезенных писем исчисляется десятками миллионов и непрерывно увеличивается.

Велико значение авиации для остальных стран с их бездорожьем; она оживляет и культивирует их, может быть использована для пропаганды и агитации.

Спрос на авиацию большой—во всех отраслях мирной жизни.

Немаловажную роль воздушный флот будет играть в с'емках земельных участков.

Точность, простота, наглядность, а также скорость и дешевизна работы авиации в деле фотографирования подкупающе действуют и заставляют тяготеть к авиации, которая мало-по малу выполняет кропотливую и трудную работу картографа.

На одном фотографическом снимке с самолета получается изображение площади земли в 100—200 десятин со всеми подробностями. За один полет легко можно сделать 80—100 снимков и таким образом получить готовый материал для составления плана или карты местности в 10—20 тысяч десятин.

Воздушная с'емка за последние годы была применена за границей в широких размерах; у нас в России также положен почин этому

делу и произведены с полным успехом с'емки Москвы, Петрограда, берегов реки Ангары, Свирского строительства и т. д.

Великое дело крестьянского землеустройства, требующее громадной землемерной работы, крайне нуждается в помощи воздушной с'емки, дающей быстрый и верный результат.

В Америке, обладающей колоссальными лесными богатствами, авиация призвана к борьбе с лесными пожарами. Отряд, обслуживающий леса в Калифорнии, за июль—август 1919 г. обнаружил своевременно 56 пожаров и только благодаря этому удалось подавить пожары в зародыше и сберечь лесные материалы на многие миллионы рублей.

В 1920 г. в одном только округе Сакраменто обнаружено авиацией 120 пожаров, причем сообщения о таковых передавались летчиками по беспроволочному телеграфу.

Изобретены бомбы-огнетушители, сбрасываемые с самолетов в охваченные огнем пункты; эти бомбы быстро локализуют огонь и приносят громадную пользу.

В Америке авиация обслуживает и рыбные промыслы; следят за ходом рыбных стай в море дежурные самолеты и немедленно оповещают моряков по радиотелеграфу. через дежурное судно, точно указывая место хода рыбы. С момента обнаружения стай рыбы до сообщения этого рыбным промыслам проходит всего 5 минут. Таким образом приносится громадная польза—во первых, немедленное обнаружение рыбы и сообщение на промыслы, во вторых,—избавляет рыбаков от постоянного блуждания в море в поисках рыбы—утомительного и не всегда удачного. То же начинают практиковать и другие страны.

В России производится опыт борьбы с саранчей при помощи самолетов, с коих происходит опрыскивание зараженных этим бичем полей.

Авиация—мощное орудие агитации и пропаганды, связи и сообщения.

Авиация завоевывает себе почетное место во всех областях мирного строительства. Недалеко то время, когда каждое предприятие, каждый предприниматель будет считать не только своим правом, но и своей непременной обязанностью иметь собственные воздушные средства для обслуживания своих нужд.

Самолет будет играть ту же роль, какую теперь играет автомобиль. Удешевление стоимости, упрощение системы и полная безопасность будущего самолета произведет безусловно переворот во всей жизни народов, и самолет уподобится простой воздушной мотоциклетке (я разумею упрощенные мелкие спортивные самолеты).

Что же такое из себя представляет военная авиация и мирная, и какая между ними разница.

Дело в том, что дороговизна самолетов не дает возможности узко специализировать и ту и другую.

Из практики выяснено, что любой военный самолет может выполнять работу мирного времени и, наоборот, из самолета для мирных целей всегда можно сделать боевой самолет, ибо современная техника одинаково совершенствует как тот, так и другой. Все новинки техники неизбежно применяются к ним обоим.

Когда вспыхнула империалистическая война, все самолеты враждующих армий сделались военными. Правда, цели мирной и военной авиации, а, следовательно, и типы самолетов, постепенно начинают разниться, но зато увеличивается неизмеримо и потребность в большом количестве самолетов на надобности войны, увеличиваются и задачи.

Кроме непосредственной боевой работы потребуется и обслуживание тылов армии авиационными средствами и здесь то пригодятся вполне самолеты мирного времени, по той или иной причине не попавшие в число активной фронтовой силы. А задач тыловых много: связь, перевозка почты, грузов, курьеров, начальствующих лиц, больных, раненых, оружия, патронов и пр. пр.

Следовательно, увеличивая мощь мирной или военной авиации мы тем самым увеличиваем неизбежно и ту и другую.

Теперь обратимся к состоянию нашей авиации.

Положение ее первого дня, ее рождение было весьма тяжелым, в таком положении она находится и доныне, в силу чего мирной авиации у нас не существует и до сих пор. Военная же перебивается, как говорят, с хлеба на квас. Наше отечественное самолето и моторо-строение всегда едва влачило свое существование и не могло даже хоть мало-мальски сносно затыкать те многочисленные дыры, которые все время и неизбежно обнаруживались. Бедность технических средств и средств вообще не давала нам возможности развернуться в требуемом масштабе, и мы вынуждены были идти на поклон за-границу и за наши кровные деньги получать то, что нам заблагорассудят дать. А давали нам даже в то время, когда мы еще проливали кровь за прекрасные глаза Франции и Англии,—то, что им было не нужно, т. е. всякий брак, хлам и тому подобные прелести. Крайний недостаток даже в этом заставлял экономить средства на самолеты и моторы, поэтому обучение в школах всегда носило поспешный характер, и летчики выходили подчас без малейшего права быть таковыми. В результате экономия получила весьма сомнительный характер, ибо нетренированные летчики только ломали самолеты, а зачастую и сами гибли. Дальнейшая экономия заставляла чинить без конца ломаные самолеты и моторы, а исправные по наружному виду гонять в воздухе до тех пор, пока они, прогнившие, изношенные и давно выслужившие свой срок, не ломались в воздухе и не погребали под собой очередного мученика воздуха.

Недалеко мы ушли и в настоящее время в этом отношении.

Немаловажную роль в этом играло и играет состояние наших аэродромов. Малые размеры, неровность местности и прочие дефекты. Многие из них, порою совершенно негодные в их настоящем состо-

янии, используемые авиацией только потому, что других нет, а ремонт не производится из-за постоянной, часто бесполезной, войны из-за кредитов.

Аэродромы не имеют ангар—непременных сооружений каждого аэродрома, и самолеты гниют в палатках, в сараях на дворе; имеющиеся же ангары только называются таковыми—без дверей, без крыш и в них самолеты подвержены всяким случайностям и по истине там „их моют дожди (а также и снег), засыпает их пыль“. Ангары- тот же сарай, и зимой самолеты в них зябнут, мерзнут и деформируются, в 2—3 раза ускоряется их изнашиваемость.

На аэродромах нет ни водопроводов, ни освещения, ни отопления, ни помещений.

Все это вместе взятое значительно обессиливает наш флот, расточает наши скудные средства, а зачастую и влечет безвременные жертвы,—жертвы нашей нищеты и беспорядочности.

Во всем этом горько сознаваться, но в высшей степени необходимо. Необходимо всем открыть глаза на настоящее положение авиации.

Еще при царском режиме, когда на заре авиации ей не хватало средств, был организован ряд добровольных сборов на усиление флота. Публика широко откликнулась, и размер добровольных пожертвований был настолько обилен, что дал возможность содержать несколько лет лучшую в то время Севастопольскую школу.

Это было тогда.

Тем более теперь, сплотившись, как один, дружными усилиями, мы выведем нашу авиацию из того состояния, в котором она находится.

Могучий воздушный флот нужен нам, как воздух, как жизнь, иначе мы рискуем попасть в лапы наших западных „соседей“. А они уже зашевелились, они уже пронюхали о той кампании, которую поднял центр, за усиление авиации до приличествующих нашей Великой Республике размеров, до тех размеров, которые гарантируют нам спокойное мирное существование и культурное развитие.

Они уже запели на все голоса о необходимости спешно увеличивать и свои авиационные силы. Они не дремлют, тем энергичнее и настойчивее мы должны провести кампанию за воздушный флот.

Нам нужны самолеты и моторы, и мы должны развить свое авиа-строительство до нужных размеров.

Мы должны построить аэродромы, ангары и проч.

Мы должны развить наши школы и поставить их в нормальные условия.

Мы все это должны сделать. Мы должны во что бы то ни стало найти необходимые средства и силы, и мы их найдем!

П. Дыбенко.

Значение личности в истории.

(*Личность, как полководец*).

(Опыт исследования).

Одним из основных положений марксизма или исторического материализма является то, что не герои делают историю, а история создает героев. „Бытие определяет сознание", другими словами, окружающая обстановка и в первую очередь производительные силы и состояние хозяйства создают определенный образ мышления и влияют на нравы и обычаи. На заре рабочего движения в России в 80—90 годах между народниками во главе с Михайловским и основателями социализма во главе с Плехановым шел спор о том: кто двигает историю, сознательная ли воля человека, или слепые силы экономики. Теперь этот вопрос уже не вызывает споров, так как изучение истории, особенно опыт последних бурных лет империалистической, а затем гражданских войн и революции, определенно и на деле подтвердили, что правы были марксисты, а не народники. Не герои делают историю, историю двигают хозяйственные силы и развитие производства. Как бы ни сильна была личность, как ю бы крупную фигуру не представлял герой, он вынужден действовать и проявлять себя в определенных исторических рамках и на все его понятия и поступки накладывает печать эпоха и классовая принадлежность. Великие люди, герои языческой древности, проявляют себя иначе, чем великие люди средних веков или эпохи развитого капитализма. Если бы Юлий Цезарь, Петр Великий или Наполеон родились и жили в другую эпоху они сами были бы иными, направление их ума и воли получило бы иное содержание. Марксисты не отрицают того, что гениальные мыслители способствуют открытиям и толкают мысль вперед, но для гениальных открытий надо, чтобы на лицо был уже накопленный общественный опыт, который позволил бы сделать соответствующее заключение. Если бы Ньютону пришлось жить не в 18 веке а в средневековье, то при всей его гениальности он не смог бы открыть закона всемирного тяготения. Тоже можно сказать о всех великих людях на разных поприщах. Стенька Разин, например, не был бы бунтарем, разбойником, а был бы вероятно крупным вождем революционеров, если бы ему пришлось жить в 1917 году, а не в те времена, когда феодализм еще только начал расшатываться. Если бы Наполеону пришлось действовать во Франции во время самодержавия Людовика XIV, ведшего кабинетские войны, Наполеон может быть сделался бы хорошим полководцем, но имя его не было бы занесено на страницах истории и даже весьма сомнительно удалось ли бы Наполеону, при всех его качествах и военной доблести, сделать карьеру в армии, где командование находилось в руках избранной знати. Наоборот, в момент революции всегда выдвигаются герои и великие люди. Это вызы-

вается тем, что в эпоху перелома хозяйства и перехода общества на новые рельсы, всегда открывается больше простора, чем в обычное время для проявления воли, творчества и инициативы. Сами же великие люди являются только выразителями тех задач, которые уже созрели в обществе. Но было бы большой ошибкой упрощать марксизм, как говорится, „вульгаризировать“ его и утверждать, что личности не оказывали никакого влияния на ход исторических событий. Если личность и находится в зависимости от исторической обстановки, в которой она действует, то, с другой стороны, вождь, герой, великий человек, в известных рамках влияет на разрешение событий в ту или другую сторону. Но это влияние ограничено. Давление хозяйственных и социальных сил могущественнее самых сильных и крупных людей. Герой истории до тех пор велик, пока он выражает назревшую волю, чаяния и стремления своей социальной группы, а, следовательно, когда он правильно учитывает, куда идет развитие общества. Когда же герой начинает уклоняться в сторону от воли истории и коллектива, обаяние великого человека падает, хотя при нем остаются все его личные качества. Он теряет опору в массах, а значит, перестает быть героем. В настоящий переходный период от буржуазного общества к коммунизму, когда предстоит еще длительная борьба и неизбежные затяжные гражданские войны, вожди и герои будут играть не малую роль в ходе событий. Особенно в армии, где личные качества и свойства полководца имеют еще большее значение, чем личность государственного деятеля. Военное дело есть искусство, где во многих случаях полководцу приходится действовать не на основании строгого научного и математического подсчета, а по интуиции, а потому в области военного дела, особенно при революционных войнах, остается большой простор для проявления личности. Чтобы правильно оценивать роль личности в современный революционный период, надо убедиться на исторических примерах в правильности положения, что основным двигателем истории являются экономические силы, личность же им подчинена. Возьмем для примера четыре крупнейших фигуры истории, которые совмещали гений полководца и власть правителя: Александра Македонского, Юлия Цезаря, Петра Великого и Наполеона. Несмотря на то, что эти крупные исторические фигуры не похожи друг на друга, есть одно общее, что их соединяет, все они жили и действовали на переломе исторических эпох. Главная сила этих личностей заключалась в том, что своими действиями они выявляли то, что требовал класс, боровшийся за свое государство и что диктовали развивавшиеся производительные силы.

Александр Македонский считается крупнейшим полководцем в истории, но он мог стать таким только благодаря тому, что эпоха, в которую он жил, ставила перед Грецией и Македонией дилемму— либо завоевания новых рынков и плательщиков дани, либо гибель развитого ремесленного хозяйства Греческого полуострова. Александр Македонский явился носителем идеи античного империализма. Он действовал в момент, когда завоевание Востока стало насущной необ-

ходимостью для дальнейшего процветания Греции и Македонии. Историки описывают Александра Македонского, как человека необыкновенного ума, пылкой и увлекающейся души, железной воли, получившего при том, под руководством философа Аристотеля, самое совершенное для того времени образование. Но, несмотря на все его качества и таланты, неоспоримо, что, если бы Александр Македонский жил не в четвертом веке до Р. Х., а двумя, тремя столетиями раньше, не было бы ни знаменитого его похода на Индию, ни классических сражений при Гранике (первый поход в Малой Азии) и при Гидаспе (девятый поход в Индию).

В предшествующую эпоху Греция еще не нуждалась в расширении своих владений для дальнейшего хозяйственного развития. Но по мере роста соперничества между персами и греками, последние видели один исход для себя: нанести удар персидскому владычеству в Азии, покорив Греции богатейшие страны и народы Востока и таким образом распространить свое могущество до пределов мира (по мнению древних). Историки буржуазного толка любят доказывать, что поход Александра на Восток был вызван его пылким воображением, чтением подвигов древних греков и неизмеримым честолюбием. По всей вероятности все эти личные побуждения Александра Македонского имелись на лицо, но не они продиктовали необходимость похода. Побуждением к походу служило не личное честолюбие Александра Македонского, а голос торговопромышленных кругов Греции, управлявших греческими республиками. Войны с Азией требовала не пылкая фантазия Александра Македонского, а хозяйственный расчет и выгоды Греции. Греки правильно учитывали, что настал решительный момент нанести удар персидскому владычеству. Персидское государство в то время было обширнейшим и богатейшим в мире. Оно обладало берегами четырех морей и охватывало самые богатые страны Азии и Африки, обладало портами, где процветала бойкая торговля, и городами, полными неисчислимых богатств и сокровищ.

Одной пехоты персидское государство насчитывало 50.000, что для того времени было крупнейшей армией. Но при этом оно представляло собой бессвязное соединение под единой властью разнородных стран и народов. Против персидского владычества шли непрерывные восстания и целые народы и страны, особенно мало-азиатские греки, только и ждали случая, чтобы отложиться и вырваться из под власти персидских царей. Народы эти были готовы с радостью встретить каждого завоевателя и покорителя. В военном отношении персы во времена Александра Македонского отстали от греков. Лучшей воинской частью считалась греческая наемная пехота. Наоборот, греки обладали не только лучшими войсками того времени, первым по силе и численности флотом, но и являлись самым просвещенным народом того времени. Задача же покорения Азии об'единяла все греческие республики и укрепляла связь с Македонией. Александру Македонскому, назначенному греками верховным руководителем-полководцем об'единенной греко-македонской армии, оставалось лишь

выполнить волю греческого народа. Но так как воля эта совпадала с его личными желаниями и честолюбивыми мечтами, то успех похода этим зарание определялся.

Но если исторический материализм учит тому, что факт великих походов Александра Македонского был вызван не личной волей героя, а сочетанием политических и экономических моментов, то марксизм все же позволяет учесть, что уже в момент самих походов и сражений, личная воля и личные качества полководца играют решающую роль. Эти личные качества Александра Македонского решили участь битвы при Гранике. Переправившись через Гелеспонт и высадившись на берегу Малой Азии, Александр с 40.000 войска направился к Гранике, с тем, чтобы вступить с персидскими войсками в решительный бой. Когда войска Александра Македонского подошли (22 мая 334 г. до Р. Х.) к реке Гранике, Александр обнаружил всю персидскую конницу на краю правого обрывистого берега, а за ней на отлогих высотах наемную греческую пехоту. Советчики уговаривали Александра Македонского отложить переправу через Гранику, ссылаясь на невыгодность переправы через глубокую и быструю реку на виду у противника. Но тут решительность в характере и сила воли Александра сделали свое дело—он заявил, что стыдно останавливаться перед ручьем после того, что войска перешагнули через Гелеспонт, и двинул войска к переправе. Александр сам пошел во главе правого крыла своих войск, где начался упорнейший бой. Благодаря упорству Александра, греки одержали историческую победу при Гранике. Личные качества Александра сыграли опять таки решающую роль во время второго похода на Персию, когда оказалось, что вследствие ухода Александра с войсками из города Иссы и занятия обходными путями Иссы персидским царем Дарием, персидское войско оказалось расположенным тылом к Греции, войско Александра тылом к Персии. Услышав о том, что войска Дария отрезали его от Греции, он сначала удивился, а затем проявил радость и твердую уверенность в победе, исходя из учета стратегически невыгодного положения персов. Этой уверенностью в победе он воспламенил всех окружающих и свои войска, что способствовало победе Александра над Дарием. В той или иной мере личные свойства великого полководца, совмещавшего еще и власть царя Македонского, отражались на исходе всех других битв и походов Александра (на Египет, на Сирию, Вавилонию и Ассирию). Там, где не помогала отвага и решимость, Александр действовал расчетом и изобретательностью. Эти ценные свойства для полководца Александр применил полностью с индусским царем Пором при Гидаспе (9-й поход в Индию).

Просматривая роль великих людей и великих полководцев в частности, нельзя не обратить внимания на следующее явление: как ни популярен бывает великий полководец и как не предано ему войско, есть предел, когда воля всесильного полководца и неограниченного властелина натыкается на сопротивление воли солдатских масс и тогда полководцу остается уступить, так как в противном

случае он утратит популярность. Очутившись в сердце Индии и намереваясь покорить плодородные страны Ганга, Александр после ряда побед вдруг наткнулся на сопротивление своего войска. В войсках начался ропот. Тщетно прибегал Александр к своему влиянию, разворачивал планы покорения всей Азии. Войска требовали возвращения на родину.

После трехдневного раздумья Александру ничего не оставалось как уступить воле своих солдат. Цель войны перестала быть осязательной для ее участников и, как ни сильна была воля великого полководца, воля массы исполнителей оказалась решающей. Роль личности, следовательно, подчинена не только законам хозяйственного развития. но и силам социального характера.

Еще более яркое подтверждение этой мысли дает жизнь и деятельность другого великого полководца Юлия Цезаря.

Буржуазные историки рисуют Цезаря не только великим полководцем, но и необычайным по силе и качествам человеком. Правда, Цезарь обладал целым рядом ценных для полководца качеств: постоянная выдержка, необычайное хладнокровие и умение сохранять спокойствие даже в гневе, правильным расчетом и умением предвидеть; но рядом с этим историки признают, что Юлий Цезарь был не только честолюбив, но и мелочно-тщеславен, что он не останавливался перед происками, лестью и подкупами, лишь бы ему добиться популярности, в общем, в нем было не мало свойств, присущих мелким людям. Великим Юлий Цезарь стал не тем, что он стоял головой выше современников, а тем, что ему пришлось действовать в эпоху политического и хозяйственного перелома римской истории. Республиканский Рим изживал себя. Развитая промышленность и торговля требовали рынков.

Шла борьба между римскими патрициями (дворянством) и плебеями, т. е. свободными гражданами Рима, торгово-промышленным (по нашему буржуазным) классом. Республиканский Рим раздирала гражданская война и смута, и ему уже грозила неизбежная диктатура лица—переход к империи. Отдельные лица уже захватывали власть, и консулы превращались в диктаторов. Одновременно подрывались хозяйственные основы римского государства повторными восстаниями рабов. Особенно крупные восстания разразились в 72, 73 годах до Р. Х. (Юлию Цезарю было тогда 27 лет) под предводительством раба Спартака, выдающиеся способности которого, как полководца, отмечаются всеми историками военного искусства. У Спартака было гораздо больше данных и качеств стать великим человеком и полководцем, но он стоял во главе слабой социальной группы рабов, а потому, несмотря на многие одержанные им победы, восстание рабов под предводительством Спартака кончилось неудачей. Юлий Цезарь, наоборот, воплощал в себе стремления торгово-промышленного класса Рима, осуществляя его требования расширения римских владений, этим в значительной мере предрешался успех его военных предприятий. Особенно настоятельно мечтала

римская буржуазия завладеть Галлией и другими богатыми странами Европы, лежавшими на севере от Рима. Все 14 походов Юлия Цезаря на Галлию, Германию и Британию, также и позднейшие походы его на Египет и Малую Азию, продиктованы потребностями народно-плебейской партии Рима и осуществляли стремление торгово-промышленного капитала. Цезарь опирался на войска, которые заинтересованы сами были в целях войны, что, опять-таки, помогало его успехам. Сама личность Юлия Цезаря как нельзя больше подходила к возложенной на него историей задаче. Цезарь являлся живым олицетворением и отражением римской буржуазии: сухой, расчетливый, он рассматривал людей, лишь как орудие для своих целей. Цезарь, как никто, умел пользоваться римской политикой, пуская в дело то дипломатию, то подкупы, то угрозу, то пропаганду, как дополнительные средства к войне. Но равнодушный к людям, Цезарь, не проявлявший никаких личных симпатий в частной жизни, умел своим отношением к войскам приобрести их необычайное расположение. Он славился заботой о солдатах, умея в то же время внушить им почтение к званию воина. При возмущении одного легиона перестал звать солдат товарищами-воинами и назвал гражданами. Худшим наказанием в армии Цезаря считалась не смертная казнь, а изгнание из армии. Походы Цезаря носили ярко выраженный завоевательный характер, но он умел облекать их в форму войны оборонительной, вынужденной, а потому „справедливой". Но главная сила Цезаря заключалась в том, что он умел внушить войскам доверие к своим силам, веру в победу. В Галлии противник постоянно превосходил войска Цезаря численностью, но Цезарь одерживал победы благодаря превосходной выучке солдат и великолепной организации войска того времени, умению обеспечить пути сообщения, сохранить связь с тылом и постоянным проведением наступательных боев. Бои оборонительные для Цезаря были редкостью. Плюс ко всему этому армия Цезаря обладала громадной рабочей способностью. „С такой армией можно повернуть само небо",—говорит Цезарь. Основной чертой Цезаря было честолюбие. Но пока честолюбивые цели Цезаря совпадали с интересами торгово-промышленного капитала Рима, Цезарю прощали его непомерное стремление к славе и власти. Однако, когда Цезарь после 12 летних походов намеревался закрепить плоды своих честолюбивых мечтаний и стать римским самодержцем, республиканский Рим, годами боготворивший своего героя, всадил в него кинжал. Как ни почитаем был Цезарь и каким великим человеком он не был, однако условия в Риме были еще таковы, что даже популярнейший вождь не смог надеть на себя царской короны. Между тем меньше чем через 20 лет значительно более мелкая личность—Август,—стал самодержавным императором Рима. Это показывает еще раз бессилие личности, какими бы качествами и достоинствами она ни обладала, повернуть колесо истории по своему произволу. Последнее слово принадлежит социально-экономическому фактору.

Подтверждение этой мысли дает третий великий полководец и государственный деятель—Петр Великий.

Буржуазные историки изображают дело так, будто Петр по своей воле „прорубил окно в Европу“ и заставил Россию пойти по пути капитализма. Исторический же материализм учит, что, наоборот, реформы Петра Великого сводились лишь к тому, чтоб привести в соответствие хозяйственные силы страны с новыми реформами политики, быта и нравов. Другими словами, отменить все устаревшие отношения, которые мешали свободному развитию зарождавшегося в России капитализма. Поскольку воля Петра отражала уже назревшие хозяйственные задачи, все его смелые реформы увенчались успехом. Но когда Петр забегал вперед и пробовал в еще промышленно слабо развитой России сразу наладить крупные заводы и фабрики— попытки его оказывались бесплодными. Фабрики и заводы влачили жалкое существование и по смерти его совсем закрылись *).

Воля даже сильных реформаторов всегда имеет известные пределы и силы истории сильнее воли самых величайших людей. Точно так же продиктованы были походы Петра Великого не его стремлениями раздвинуть границы России, а интересами торгового капитала, искавшего гавани и свободного выхода в море. Петр лишь бессознательно выполнял волю крепнувшего в России торгово-промышленного капитала. Но если в своей политике Петр являлся только проводником назревших задач, то в области чисто военного дела личные качества Петра и его творчество, разумеется, сыграли большую роль. Классическим примером является битва под Полтавой. Материальная подготовка к бою выражалась в уменьи Петра, сохраняя свою армию с начала войны, все время ослаблять силы противника к моменту решительного боя. Петр, имея перед собою армию, превосходившую его войска, умеющую маневрировать на поле сражения, заставил противника расстроиться на атаке укрепленных передовых позиций раньше, чем двинул свои войска в решительное наступление. Кроме того, Петр с'умел превосходно подготовить поле сражения в инженерном отношении и этим свел к нулю неожиданный удар со стороны шведов, начавших наступление на два дня раньше, чем расчитывал Петр. Что касается приписывания Петру со стороны военспецов царской школы многих новшеств, введенных в стратегию, то, если ближе присмотреться к этим новшествам, окажется, что ему из „нужды приходилось делать добродетель“. Так военные стратеги отмечают, что Петр ввел, как новшество, вдобавок к магазинной системе, довольствие армии местными средствами. Совершенно верно— но это было вызвано тем, что при отвратительных средствах сообщения, неорганизованности транспорта в России Петру ничего другого не оставалось, как пополнять свои запасы продовольствия и фуража за счет местных средств. Дальше отмечают, что в то время как противник разбрасывал силы, Петр сосредоточивал свои силы, не придавая значения оборонительной линии. Сосредоточение сил вызвано главным образом тем, что молодые войска Петра еще сравнительно

*) См. Русская история—Ключевского.

мало были подготовлены, не имели спайки, а также неумение маневрировать войсками на поле сражения, все это, конечно, вызывало сосредоточенное положение таких войск, чем облегчалось руководство ими. Военные историки приводят также пример, что Петр ввел в употребление массовую кавалерию, род оружия, который только через 100 лет при Наполеоне был признан в Европе. Но и этот факт об'ясняется тем, что в России действовало казачество и что Россия, изобиловавшаяся степными пространствами, богата была лошадьми.

В тактическом отношении Петру Великому приписывалось установление взгляда на преобладающее значение штыка, в то время, как в Европе штык считался оружием обороны. Наличие незначительного количества артиллерии заставляет Петра маневрировать ею на полях сражения, что дало в дальнейшем, однако, толчок к развитию полевой артиллерии. Но неоспоримо Петру принадлежит заслуга в умении использовать все рессурсы в свою пользу и даже внешние недочеты превратить в оружие, способствующие победе. В этом сказалась сила личности. Другим неот'емлемым качеством Петра, как полководца, являлось его умение подойти к солдату, его личная отвага, о чем свидетельствуют простреленные седло и шляпа Петра при Полтавской битве, что воодушевляло массу. О его умении подойти к солдатам говорит его знаменитый приказ, прочитанный утром перед войсками в день Полтавской битвы, где Петр говорил: „Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное“ и кончил историческими словами: „О Петре же ведайте, что ему жизнь не дорога, была бы Россия во славе и благоденствии для благосостояния вашего“. (См. Михневич „Основы русского военного искусства“).

Признавая Петра крупной фигурой в области военного дела и государственного управления, марксисты, однако, отрицают, что „колесо истории“ повернуто было по воле одного лица. Петр стал Великим именно тем, что, живя на рубеже двух хозяйственных эпох, правильно учел и стал проводить в жизнь назревшие задачи хозяйства и политики.

Остается еще рассмотреть роль Наполеона, одного из величайших героев 19 века. Если рассматривать Наполеона, как полководца, то, разумеется, никто не станет отрицать его гениальности в военном искусстве—деле. В этой области Наполеон смог, благодаря благоприятному стечению условий, полностью проявить и даже развить свои природные способности к военному делу. Но если оценивать роль Наполеона в ходе исторических событий, пользуясь марксистским методом исследования, то станет ясно, что Наполеон более, чем многие другие герои и великие люди являлся только проводником назревших задач момента. Наполеона—великого полководца и великого человека создала Французская революция. Основная причина непобедимости французской революционной армии заключалась в том, что задача, которую преследовали революционные войска Франции, и сама цель

войны были понятны не только солдатам, но и совпадала с их интересами. Войска новой Франции и народные массы составляли одно.

Буржуазные историки любят изображать Наполеона, как человека, одержимого страстью завоевания, чем и об‘ясняют длительные и повторные Наполеоновские войны. На самом деле все почти войны Наполеона носили по существу не завоевательный, а оборонительный характер, так как вызывались необходимостью развалить феодализм в странах Европы, железным кольцом обступавших Францию и служивших революции постоянной угрозой. Франция не была бы в силах удержать своих революционных завоеваний без ряда активно-оборонительных и наступательных военных действий.

Революционной Франции, где у власти очутился буржуазный класс, важно было в интересах развития торгового и промышленного капитала сломить могущество монархии и утвердить свое господство на мировом рынке, где в то время царствовала Англия. Пока Наполеон, являвшийся прекрасным предводителем активной обороны республики, осуществлял лишь задачи, которые диктовались экономическими интересами республики, счастье неизменно ему сопутствовало. Но поскольку Армия превращена была в орудие реакции и служения интересам имперской короны, победоносное шествие Наполеона сменилось цепью неудач. Буржуазная наука приписывает эти неудачи тому, что Наполеон и его фельдмаршалы с годами „отяжелели“ и будто армия, также „отяжелевшая“, утратила способность маневрировать. На самом же деле произошло другое: с победой реакции и утверждением господства крупной буржуазии во Франции, в армии Наполеона погасла вера в светлое будущее, за которое революционные войска Франции шли умирать. Цель войны перестала быть близкой армии. Поражения великого полководца начались с того момента, когда реакция окончательно утвердилась во Франции и войско утратило веру в идеалы, за которые боролось в годы революции. С точки зрения марксизма вполне об‘яснимо, что высшую гениальность, т. е. расчет и изобретательность Наполеон проявил во время своего командования армией в Италии (поход 75—76 годов). Уже менее удачным был его поход на Египет в 1798 году, хотя этим путем Франция и расчитывала подорвать экономическую базу Англии и таким образом сломить ее могущество. Но, помимо внешних трудностей ведения войны в Египте, войскам Наполеона цель похода на колонии была недостаточно вразумительна. Новых успехов Наполеон достигает уже тогда, когда в 1806—1807 г. ведет борьбу с коалицией монархов, ненавистных каждому рядовому французской армии. Наоборот, поход на Россию, не продиктованный настоятельной хозяйственной задачей, был обречен заранее на неудачу.

Большой ошибкой Наполеона явилось, что он недооценивал влияния крепкой спайки и зависимости тыла и армии, народа и войска. При Наполеоне эта спайка слабеет. Наполеон стремится изолировать солдат от населения; вернуть его в казармы и там воспитать послушное и преданное себе лично войско, что он проводил

усиленно перед походом на Россию (между 1807—1812 годом). Но в этом и заключалась ошибочность его расчета; даже при самом гениальном полководце и самых вышколенных солдатах армия не окажется победоносной, если цель войны чужда солдатским массам. Если тактика Наполеона в ряде революционных войн дала столь блестящие результаты, то, главным образом, тем, что проводилась она отборным материалом войск, воодушевленных целями войны. Несмотря на то, что все последние годы своего царствования Наполеон особенно много заботился об укреплении армии, несмотря на поклонение, каким был окружен великий полководец, армия Наполеона начинает разлагаться еще до похода на Россию. В 1812 году во Франции насчитывалось 150000 дезертиров и 10% армии, с которой шел Наполеон на Россию, состояла из штрафных частей. На примере Наполеона, как полководца, особенно ярко видна граница подчинения даже гения влиянию социальных сил. Характерными чертами Наполеона являлись: беззаветная храбрость, решительность и замкнутость характера, при неизменной вере в самого себя. Эта вера порождала убежденность в победе, что передавалось и войску. Храбрость Наполеона толкала его еще в юности на безрассудные и смелые подвиги, вроде попытки атаковать цитадель Аячио на Корсике, занятую французскими войсками. Но за то при взятии Тулона храбрость помогла Наполеону взять первые форты, когда он сам со стрелками пролезал на форт через пушечную амбразуру и этим обеспечил победу. Главное качество Наполеона как полководца было то, что он умел даже неблагоприятные условия обратить и использовать для победы, благодаря своему умению быстро оценивать обстановку. Там, где другой полководец потерял бы хладнокровие и вследствие этого наделал бы ошибок, Наполеон только учитывал свои шансы на успех и не смущался никакими осложняющимися обстоятельствами. Так было, например, в бою при *Риволи* в 1797 году, когда Наполеон бросает все, что есть под рукой, до собственного конвоя включительно, против развертывающихся частей австрийцев, отбрасывая их в теснину, и не смущается тем, что колона генерала *Лузиана* зашла ему в тыл. Он оставляет ее без внимания, считая ее своей добычей, которая достанется ему после выигранного сражения. Этот маневр он повторяет и позднее под Аустерлицем в 1807 году.

Излюбленными приемами военного искусства Наполеона и основным его маневром являлся выход на коммуникационную линию противника и захват его путей сообщения. Так поступал Наполеон под *Маренго* в 1800 году и в сражении под *Ульмом* в 1805 году, но характерно для выяснения роли личности в истории, что в то время, когда в итальянский поход и в последующие затем походы на коалиционных монархов Наполеон, пользуясь своими излюбленными тактическими приемами, одерживает победу, приемы эти ведут к неуспехам, когда война перестает быть необходимостью для нации, и Наполеону приходится изменять свою тактику. Так, уже в битве при *Ваграме* в 1809 году, сильно ухудшившийся состав французской

армии заставляет Наполеона отказаться от повторения маневра под *Аустерлицем* (позволить неприятелю зайти ему в тыл) и строить свою тактику на массировании войск по родам оружия и нанесении тяжеловесных ударов—сплошными колоннами. Тактика же эта была вызвана тем, что во французской армии постепенно утрачивалось превосходство одиночного бойца, которым великолепно умел пользоваться Наполеон в первые свои походы. С ухудшением состава французского войска и, главное с тем, что цель войны перестает одушевлять каждого отдельного бойца, Наполеон принужден переходить к новым тактическим приемам. Буржуазные историки долго изображали Наполеона, как захватчика власти, и уверяли, что если бы не честолюбие Наполеона и его любовь к власти,—Франция осталась бы Республикой. Такое ошибочное и ненаучное толкование истории давно отвергнуто марксистами. Переворот во Франции—неизбежное средство укрепления буржуазии против демократии. Наполеон являлся лишь ширмой для буржуазии, захватившей власть и победившей якобинцев. Самое низвержение Наполеона еще раз подтверждает, что не личности двигают историей, а история создает героев. Когда владычество буржуазного класса окрепло во Франции и производство стало на рельсы крупного капитализма, тогда Наполеон стал излишним, и буржуазия Франции могла от него отказаться, без опасения за свою дальнейшую судьбу. Гениальность Наполеона осталась при нем, но буржуазная Франция в этом гении полководце—завоевателе больше не нуждалась. Ей нужно было, наоборот, упрочить мир с соседями, чтобы под ширмой безличного монарха—реставрированного короля—развернуть во всю ширь свое крупное капиталистическое производство. Там, где буржуазные историки видят причину воли и действия личности, там марксисты усматривают следствие совокупности причин, из которых основная—экономическая.

Какого бы героя или великого человека ни взять, его влияние на ход событий остается ограниченным рамками данных исторических условий. Что-же касается влияния личности на военное дело, то, поскольку военное дело является искусством, личность полководца и его личные качества играют *значительную роль в процессе самого исполнения.*

С этим фактом должна будет считаться и Красная армия, перед которой стоит задача совместить политическую и боевую подготовку масс красноармейцев с развитыми военными качествами, доблестями и талантами в военном деле революционного красного комсостава.

В. Можайский.

Иллюзии и их значение на войне.

I.

Иллюзия—восприятие предмета, не соответствующее действительности.

Это простое определение говорит о том, что иллюзия есть частный случай восприятия—весьма сложного психофизиологического явления.

Если это так, то, чтобы понять сущность и уяснить условия возникновения иллюзий, необходимо знать, что такое восприятие, как психофизиологическое явление.

Восприятие, как сказано, представляет весьма сложный психофизиологический акт. Материалом для него являются ощущения, непосредственно получаемые нами от предмета через наши органы чувств. Но этих ощущений далеко недостаточно для образования восприятия. Последнее образуется лишь тогда, когда к непосредственно возникающим ощущениям от вещи присоединяются данные нашего прошлого опыта касательно этой вещи.

Это положение станет для нас ясным, если мы проанализируем с одной стороны состав восприятия, с другой—те психические процессы, которые имеют место в возникновении восприятия, насколько возможен такой анализ при современном состоянии психофизиологии.

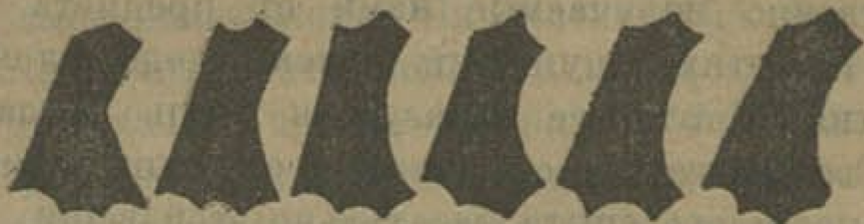
В восприятии мы должны различать две стороны: ощущения (впечатления) от данного предмета и то, что дают воспоминания об этом предмете, иначе говоря, наш прошлый опыт этого предмета. Например, я смотрю на некий предмет, лежащий на другом столе, и получаю восприятие электрической лампочки. Непосредственные зрительные ощущения от этого предмета дают мне собственно очень немного: прозрачное образование своеобразной шаровидной формы с ободком желтого цвета на одной стороне. То, что она сделана из хрупкого, легко бьющегося стекла (осязательно—слуховые ощущения), что на ободке есть винтообразные вдавления, предназначенные для ввинчивания лампочки в патрон (сложное зрительное впечатление и сознание отношений), что внутри стеклянного шара имеется своеобразное приспособление в виде тонкой металлической проволочки, которая при включении электрического тока известного напряжения накаливается и дает свет,—все это в моем восприятии дается моим прошлым опытом. Иногда данные из прошлого опыта не сознаются нами в восприятии (но все же в нем имеются), иногда они сознаются, при чем степени сознательности могут быть различны. В одних восприятиях продукты прошлого опыта могут быть познавательного характера, в других—они представляют настроения, чувствования и действия. Эти два составные фактора восприятия—ощущения и воспоминания—тесно органически слиты друг с другом, и расчленить их можно только путем специального психологического

эксперимента, при чем провести грань между ними, установить, где кончается одно и начинается другое, в настоящее время не представляется возможным.

Не менее существенно в восприятии так называемое сознание отношений. Получая два впечатления А и В, мы сознаем не только те ощущения, которые даются А и В в отдельности, но еще и некое третье—отношение А к В. Это психическое явление дает возможность познавать в комбинациях ощущений их сходство и различие, пространственные и временные отношения, единство и множественность. Это явление не дано в самих ощущениях, а является продуктом нашей мозговой (психической) деятельности, и раздражителем в этом случае является именно *комбинация* ощущений. Поясним примером, который приводится у Маха.

Рассмотрим какое нибудь пятно любой формы (рис. 1).


Рис. 1


Рис. 2

Поставим теперь в ряд, в одинаковом положении два или несколько таких пятен, это обусловит некоторое новое особое впечатление (рис. 2). Мы с первого же взгляда, без всякого затруднения скажем, что здесь все фигуры одинаковы. Но сходство это уже более не познается без некоторого умственного посредничества, если мы несколько повернем одно пятно по отношению другого (рис. 3). Сходство очертаний опять бросается в глаза, если к одному пятну приставить другое симметрично по отношению к средней плоскости

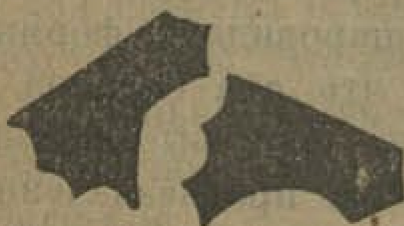
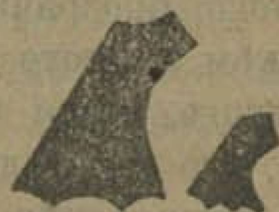

Рис. 3


Рис. 4


Рис. 5

наблюдателя (рис. 4). Сходство явно сохраняется и в том случае, если мы уменьшим все измерения одного пятна, но поставим его тоже симметрично (рис. 5), или когда даны две одинаковых фигуры, хотя фазы—одна черная на белом фоне, а другая белая на черном (рис. 6).


Рис. 6

Эти отношения чувствуются нами непосредственно, и однако же они не даны нам в ощущениях, взятых в отдельности, а вызываются комбинацией этих ощущений, которая таким образом является как бы самостоятельным своеобразным раздражителем.

Уяснению природы восприятий много способствует изучение процессов, путем которых восприятие возникает в нашем сознании.

Из хаотического множества и разнообразия ощущений (впечатлений), которыми в таком изобилии снабжает нас окружающее, при помощи процесса *постепенного расчленения или выделения* схватывается единичное переживание, отдельный комплекс впечатлений, ощущений. Для этого в организме существуют приспособления в виде рефлекторных движений головы, глаз, мышечных сокращений, которые свойственны как человеку, так и животным. Наблюдая, например, лошадь, стоящую на дворе, где кипит своеобразная пестрая жизнь, можно заметить, как она среди разнообразия звуков выделяет голос своего хозяина и поворачивает сначала уши, а потом и голову в ту сторону, откуда слышится этот голос. Движение это приспособлено к тому, чтобы установить слуховой аппарат в положении наибольшей чувствительности, одновременно в ту же сторону поворачивается и зрительный аппарат, чтобы явление, привлекшее внимание, оказалось в поле ясного зрения,—в результате выделение, изоляция и восприятие из большого разнообразия только одного явления. Эти рефлекторные приспособления, путем которых органы наших чувств устанавливаются в положении наилучшего их функционирования, служат к усилению, выделению впечатления, и, благодаря им, производится тот инстинктивный отбор впечатлений, который определяется, с одной стороны, особенностями организма (индивидуальностью), с другой—его настроением и переживаниями в данный момент.

Наряду с процессом различения идет процесс *ассимиляции* сходных содержаний. Этот процесс сравнивают с фотографированием на одной и той же пластинке разных портретов последовательно друг на друга, причем сходные черты взаимно усиливаются, несходные интерферируются, давая смутный расплывчатый фон. В восприятиях ассимилируются не только об'ективные свойства предметов, но и настроения, чувствования. Мы узнаем предмет не только по его об'ективно-познаваемым свойствам (например, цвет, форма и т. д.), но и по тем чувствам, которые он в нас вызывает (удовольствие, неудовольствие, любовь, ненависть, страх и т. д.). Эти последние переживания определяют и наше волевое отношение к ним, производят в нашем сознании известную установку по отношению к ним.

Кроме того в новейшей психологии отмечается еще процесс *сплава ощущений*, как существенный фактор восприятия, а так же *предметная значимость* восприятия или об'ективация в восприятии ощущения во вне.

Ряд ощущений в восприятии синтезируется и получается в результате новое содержание, совершенно особенное, не-свойственное ощущениям, взятым в отдельности. Например, в человеческом голосе тон воспринимается вместе с добавочными тонами (обертонами), как тембр голоса. Ряд последовательных зрительных впечатлений дает восприятие видимого движения (кинематограф), слияние последова-

тельных впечатлений дает восприятие мелодии и ритма. В этом проявляется процесс сплава ощущений.

Предметная значимость ощущений в восприятиях, или что то же, об'ективация впечатлений определяется, во первых, тем, что в прошлом опыте устанавливаются связи между многими свойствами предмета, и когда получается впечатление от одного из этих свойств, то как бы возникает ожидание и других свойств, имевших место в прошлом, но отсутствующих в данном опыте. Во вторых, предметная значимость (об'ективация) вытекает из эмоциональной окраски наших восприятий и их волюнтарного характера: воспринимаемый предмет является об'ектом наших чувствований (эмоций—радости, печали, ожидания, любви, ненависти, страха и т. д.), наших желаний и действий (волюнтарный характер). Предмет, вызывающий чувство страха, есть нечто отличающееся и стоящее вне переживания страха, которое находится внутри нас, возникает в нас и определяет нашу соответствующую двигательную реакцию.

В восприятии, далее,—имеется процесс, благодаря которому воспринимаемые предметы относятся нами к определенному классу или типу, как бы регистрируются под известной рубрикой, установленной в предыдущем опыте, выделением сходных черт и свойств, которыми определяется типичность. Общее и сходное выступает на передний план и замечается, а все индивидуальные отличия отступают на задний план, не замечаются и отбрасываются. Таким образом, реальный предмет с его особенностями замещается в нашем восприятии типовым, классовым. Отсюда постепенный переход к общим терминам—словам, которыми совершенно покрывается содержание воспринимаемого предмета.

Далее, необходимо отметить, что внимание является существенным фактором, от которого зависит полнота и точность восприятия Чем концентрация внимания больше, тем больше данных для полноты. и точности восприятия, и наоборот. В свою очередь концентрация внимания зависит от представления цели наблюдения, а также и, пожалуй, в большей степени от эмоционального состояния: крайняя степень последнего—сильные эмоции, с одной стороны, и полное равнодушие, с другой—не благоприятствуют концентрации внимания, а с тем вместе—полноте и точности восприятия, а, значит, и совершенству наблюдения. Среднее напряжение эмоционального состояния является оптимальным условием для восприятия.

Сложность восприятия, как психофизиологического процесса, который, имея содержанием своим данные наличного и предшествующего опыта, определяется процессами различения, ассимиляции и сплава ощущений, сознанием отношений и об'ективной предметной значимости,—естественно заставляет думать, что однообразным во всех случаях оно не может быть.

Как повседневное наблюдение, так и экспериментальные психологические исследования показывают, что у разных лиц восприятие далеко неодинаково в качественном отношении, в смысле его полноты и точности. С другой стороны, и у одного и того же лица качество восприятия не является постоянным. Оно измеряется под влиянием его психофизического состояния: настроения, степени утомления, здоровья и т. д. Следовательно, совершенство сложных процессов восприятия, их гибкость, быстрота, подвержены разнообразным колебаниям как у отдельных индивидов, так и у одного и того же в зависимости от его состояния. Отсюда индивидуальное отличие восприятий у разных лиц, отсюда разница в восприятиях и у одного и того же лица в зависимости от состояния и настроения в данный момент. Отсюда возможность ошибочных восприятий или иллюзий, которые в своем происхождении обусловлены формально теми же процессами, что и правильные восприятия, только процессы эти оперируют не с надлежащим материалом. Происходит как бы некоторый подмен материала.

II.

Иллюзия, как и правильное восприятие, обусловлено в своем происхождении теми процессами, которые только что описаны. Механизм иллюзии, как известного феномена сознания, тот же, что и в восприятии, и работа этого механизма формально одинакова в обоих случаях, но материал, которым оперирует этот механизм, различный. Если искусственно расчленить работу этого механизма на два периода, из которых к первому отнесем впечатление, непосредственно получаемое от реального об'екта, ко второму же—переработку этого впечатления вместе с данными нашего прошлого опыта, то в восприятии как в первом, так и во втором периоде содержание будет соответствовать действительности. В процессе переработки впечатление свяжется с тем материалом нашего прошлого опыта, который как раз соответствует реальному воспринимаемому предмету. Не так обстоит дело при иллюзии: первый период в работе разбираемого механизма здесь будет вполне соответствовать действительности—впечатление всегда верно отображает то, что вызывает его, во втором же периоде впечатление реального предмета связывается с такими данными предыдущего опыта, которые не соответствуют действительности. Иными словами, в иллюзии ошибочно не первичное впечатление, а суждение, которому подвергается это впечатление.

Естественно возникает вопрос, почему в одном случае бывает верное восприятие, в другом иллюзия? Нельзя ли уловить здесь какой нибудь законосообразности? Нет ли каких нибудь специфических причин к возникновению иллюзии?

При экспериментально-психологических наблюдениях обнаруживается, что в некоторых случаях возникновение иллюзий представляет самое обычное явление.

Так, при тахистоскопических исследованиях *) по методу „Единого процесса“ профессора А. П. Нечаева большинство испытуемых подвергается иллюзии, если перед их глазами выставляются предметы в течении очень короткого времени. При этом у одних эти иллюзии становятся устойчивыми, у других после известного предела иллюзии разрушаются и переходят в правильные восприятия. Наибольшая склонность к иллюзиям наблюдается у детей. Так в возрасте от 7 до 14 лет устойчивые, упорные иллюзии наблюдаются в среднем в 32%, у взрослых от 20 до 40 лет в 14,5%. Неустойчивые—в возрасте от 7 до 14 лет в 67%, от 20 до 40 лет 56,5%. Далее, в исследованиях по этому методу обнаруживается, что наиболее склонны к иллюзии лица т. н. эмоционального типа. Лицам этого типа свойственна некоторая узость и неустойчивость внимания, склонность делать слишком поспешные выводы и обобщения, способность к критике у них понижена.

Когда наше сознание получает от реального предмета какое нибудь впечатление, то это последнее, как описано выше, как бы вытягивает из прошлого опыта на поверхность сознания соответствующий образ, который уподобляется, ассимилируется полученному впечатлению, сливается с ним, и в результате этого процесса получается готовое восприятие. Правильность или ошибочность восприятия будет зависеть от того, по каким путям пойдет процесс ассимиляции. Если связи данного впечатления с вызываемым им образом прочны и тесны, или если впечатление охватывает несколько характерных свойств объекта, то восприятие будет правильно, оно соответствует действительности. Если впечатление дано таким свойством предмета, которое входит составной частью в два или более разнородных образа (предмета), из которых один соответствует, другой не соответствует действительности, то здесь будут даны две возможности установления связей. В одном случае всплывет образ верный, в другом неверный. Одно только происходит с неизменным постоянством: в сознании в известный момент может быть только один образ, следовательно, возможно чередование двух разных образов, или возникновение одного, но никогда не будет одновременного возбуждения по проторенным связям двух разных образов. Значит, в описываемом случае к воспринимаемому впечатлению должен присоединиться в виде разного рода привходящих моментов какой то толчек, которым и определяется выбор того, а не этого образа, а с тем вместе и правильность восприятия, или иллюзия. Наглядно это

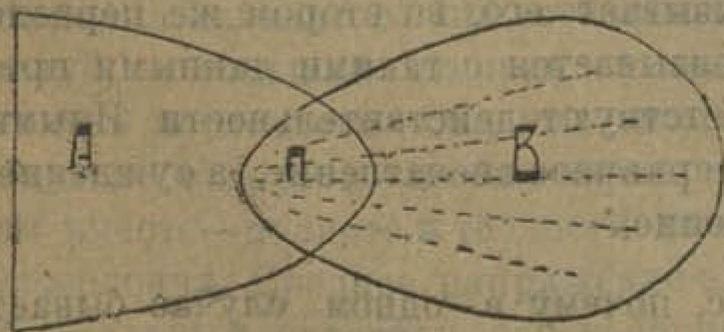


Рис. 7

*) Тахистоскопическое исследование—исследование при помощи тахистоскопа. Тахистоскоп—прибор, посредством которого испытуемому выставляется на более или менее короткое точно учитываемое время какой-нибудь зрительный об'ект. При этом, благодаря возможности варьировать, время экспозиции, а также сложность экспонируемого об'екта, естественный процесс восприятия, протекающий слитно, разлагается на ряд коротких простых моментов, что дает возможность анализировать и изучать этот процесс.

можно представить на следующей схеме: пусть (рис. 7) А и В различные реальные предметы (а вместе и соответствующие им в сознании образы), n—общее им обоим свойство. Пусть предмет А дает впечатление посредством n, но n входит составной частью и в В, поэтому на основании одного только впечатления от n, одинаково возможно возникновение образа как А, так и В. В первом случае будет верное восприятие, во втором—неверное. В самом впечатлении от n никаких побудительных моментов к возникновению А или В нет, и достаточно ничтожного толчка, откуда бы он ни шел, для того чтобы возникло В—иллюзия. Бывает и так, что сначала возникает А, а потом В и тогда у суб'екта возникает своебразное ощущение сомнения в верности восприятия. Это особенно отчетливо приходится наблюдать при тахистоскопических исследованиях. Но если привходящий толчок обладает достаточной энергией, то восприятие В вместо А становится устойчивым, и суб'ект тогда уверенно констатирует правильность восприятия, хотя на самом деле это иллюзия.

Случаи, подобные описанной схеме, и бывают тогда, когда возникает иллюзия. Происходит это от разных причин.

Время, в течение которого реальный об'ект действует на органы чувств, может быть слишком кратким. Такой случай часто имеет место и при естественных условиях, но особенно наглядно это выступает при эксперименте с тахистоскопом. Вследствие краткости времени в сознание не может вступить впечатление достаточной для правильного восприятия полноты, сознание не успевает схватить от реального об'екта столько свойств, сколько нужно для установления связи с соответственным образом из прошлого опыта; в сознание успевает проникнуть впечатление только от такого свойства, которое является общим для двух или нескольких различных предметов, и если при этом имеется какой нибудь привходящий момент, определяющий возбуждение связи в сторону определенного, не соответствующего действительности предмета,—иллюзия готова. Однако при прочих равных условиях, не у всех одинаково возникают иллюзии. Индивидуальности здесь имеют первостепенное значение. Люди, у которых внимание не достаточно гибко, мало подвижно, не имеет широты об'ема,—более расположены к иллюзиям, чем имеющие противоположные качества внимания. Они обыкновенно схватывают один, много два признака, и на нем строится их восприятие, которое часто стоит весьма далеко от действительности.

Такое же значение, как краткость времени, имеет дальность расстояния или недостаточное освещение. Здесь так же на лицо условия, мешающие впечатлению быть достаточно полным, и от того для правильного восприятия не хватает признаков.

Еще большее значение имеет определенная установка сознания в момент восприятия. Этот фактор имеет решающее значение при двух предыдущих условиях, является тем направляющим толчком, о котором упоминалось выше. Здесь мы подразумеваем настроение, чувство ожидания, господствующую в данный момент в сознании идею, кото-

рыми определяется содержание иллюзии. Значение этого фактора иногда настолько велико, что он приводит к иллюзии даже в том случае, если об'ективно условия не благоприятствуют к ее возникновению (время достаточно продолжительно, освещение надлежащей силы). При тахистоскопических исследованиях иллюзия часто упорно держится и пышно развивается даже тогда, когда выдержка при экспозиции становится достаточно длинной. Образ первоначально возникшей при краткой выдержке иллюзии настолько овладевает сознанием испытуемого, что оказывает свое внушающее влияние и в дальнейшем, когда и выдержка и освещение, казалось бы, позволяют вполне рассмотреть экспонируемый предмет.

Внушение, при возникновении иллюзии, играет огромную роль. В наиболее чистой форме значение внушения для возникновения иллюзии выявляется в гипнозе. Гипноз можно определить, как искусственно вызванное сноподобное состояние, в котором внушение достигает наибольшей силы. Например, если приведенному в такое состояние суб'екту дать сырой картофель и привить ему представление (внушение), что он ест яблоко, то он станет есть картофель так, как он ел бы настоящее яблоко, и наблюдатель со стороны убедится в этом по выражению его лица. Такой же силой внушения в естественных условиях обладают предвзятые представления, окрашенные эмоцией, сопровождаемые сильным напряженным ожиданием, страхом и пр. Многие могут припомнить из своей жизни случаи, когда им, под влиянием ожидания или другой эмоции, приходилось видеть в каком нибудь предмете не то, чем он был.

Вот несколько примеров иллюзий, приведенных у Джемса.

„Когда в квартире нашей повреждена труба для стока нечистот, мы призываем водопроводчика, чтобы починкой трубы прекратить распространившееся в квартире зловоние. Нерадивый водопроводчик делает вид, что починил трубу, получает деньги и уходит, мы же на некоторое время успокаиваемся, воображая, что дурной запах уменьшился. Определяя температуру комнаты и чистоту воздуха в квартире, мы так же принимаем нередко то, что, по нашему мнению, должно быть, вместо того, что есть. Вообразив, что вентилятор закрыт, мы начинаем жаловаться на духоту. Когда же оказывается, что на самом деле он открыт, впечатление духоты пропадает.

Всякому случалось наблюдать, как, благодаря осязательной иллюзии, чувственные свойства данного предмета кажутся одними и затем вдруг по исчезновении иллюзии оказываются совершенно иными: например, когда, прикоснувшись рукой в темноте к чему нибудь мокрому или волосатому, мы испытываем на мгновение чувство отвращения или страха, пока не признаем в осязаемом предмете хорошо знакомую нам вещь.

Однажды, поздно ночью, я сидел и читал; вдруг из верхней части дома раздался страшный шум, прекратился и затем через минуту снова возобновился. Я вышел в зал, чтобы прислушаться к шуму, но он там не повторялся. Как только я успел вернуться к себе в комнату

и сесть за книгу, снова поднялся тревожный, сильный шум, точно перед началом бури или наводнения. Он доносился отовсюду. Крайне встревоженный, я снова вышел в зал, и снова шум прекратился. Вернувшись во второй раз к себе в комнату, я вдруг открыл, что шум производила своим храпом маленькая собачка, шотландская такса, спавшая на полу. При этом достойно внимания то, что, раз обнаружив истинную причину шума, я уже не мог, несмотря на все усилия, возобновить прежнюю иллюзию.

Я лежал на койке парохода, прислушиваясь к тому, что делали матросы наверху, на палубе, как вдруг, повернув глаз к окну, я совершенно отчетливо увидел главного пароходного машиниста; он вошел в мою каюту, стал у окна и смотрит через него на часовых. Удивленный его внезапным появлением у меня в каюте, я стал наблюдать за ним и удивился тому, как долго он остается неподвижным в одном и том же положении. Наконец, я заговорил с ним и, не получив никакого ответа, приподнялся на койке, тогда только я заметил, что принимал за машиниста мою шапку и сюртук, повешенные на гвоздь около окна. Иллюзия была совершенно полная: машинист парохода имел своеобразную внешность, и эта внешность сохранилась для меня и в иллюзии; но когда иллюзия была обнаружена мною, то восстановить ее оказалось почти совершенно невозможным" *).

Особенно велика роль внушения в массовых иллюзиях. Первоначально такая иллюзия возникает индивидуально и путем внушения передается массе. Конечно и здесь предрасполагает к возникновению иллюзии соответствующее настроение массы степень утомления массы.

Утомление весьма благоприятствует возникновению иллюзии, так как оно ослабляет внимание человека, который в этом случае делается склонным к поверхностному схватыванию впечатлений и ошибочным суждениям. Поэтому иллюзии наичаще бывают в конце дня и ночью. В это время повышается и эмоциональная возбудимость, что, как можно видеть из предыдущего, в большой мере способствует возникновению иллюзии.

III.

В военной жизни, особенно в боевой обстановке, иллюзии имеют колоссальное значение. Конечно, здесь их роль глубоко отрицательная. Часто, если не во всех случаях, в них надо искать причину паники, неверной оценки положения, неправильного боевого решения.

В нашей статье мы не будем касаться этого явления с специально военной точки зрения. Эта задача прекрасно разрешена в работе М. Н. Волчанецкого „Иллюзии и паника в бою". Нас интересует здесь психологическая сторона некоторых событий в боевой обстановке, и на ней мы остановим внимание читателя.

Приводим факты, описанные непосредственными их участниками в различных военных журналах.

---

*) Психология Джемса.

Первый факт имел место в 1915 году недалеко от г. Люблина. „Одна из батарей получила приказание сняться с позиции и перейти на новое место. Положение было непрочно, стоявшие слева пехотные части отошли... Опасались обхода. Когда начали подавать передки, расположенная по соседству батарея сочла их за австрийскую кавалерию, потребовала передки к себе и протелефонировала об этом командиру дивизиона и на снимавшуюся уже батарею. Передки последней в это время благополучно достигли позиций, и к сообщению соседа там отнеслись недоверчиво. Но в это время появились передки второй батареи, спешившие на выручку ее от мнимой опасности; окруженные облаком пыли и мчавшиеся быстрым аллюром, они были приняты за мадьярскую конницу, и обе батареи вскоре выскакали на шоссе, уходя в тыл. Паника начала быстро распространяться и захватила управление дивизиона и шедший по шоссе баталион: все „сами видели австрийцев". *)

Из этого краткого, имеющего характер протокола, описания однако ясно видно, что все участники этого события были охвачены напряженным ожиданием появления противника. Опасность была налицо, так как слева пехотные части отошли, и сознание этой опасности несомненно было живое. Таким образом возникло живое предвзятое представление противника. Оно и явилось тем образом, с которым моментально связалось зрительное впечатление от первых запряжек, двигавшихся с передками на батарею. Получилось ошибочное восприятие кавалерии противника. Несомненно, что это ошибочное восприятие (иллюзия) первично было индивидуальным, а затем посредством слов быстро распространилось в массе и в результате „все сами видели австрийцев". К сожалению, автор не указал, в какое время дня имела место эта иллюзия.

Другой случай относится к 1920 году. „Около полудня прибежал в окоп подчасок и, волнуясь, закричал: „Паны пускают танку"!, Тотчас все переполошились; кто спал—вскочил, кто варил картошку—бросил свой котелок.... Кто бросился за винтовкой, а некоторые, собравшись кучками, стали галдеть и говорить, что надо уходить, пока танк всех не перебил. Кто-то закричал: „Ротного"! и все подхватили этот крик: „Ротного"! „Ротного командира"! „Товарищ ротный"! Прибежал на шум ротный, его окружило несколько человек и стало кричать: „Танк, паны пустили танк"! Ротный командир подозвал подчаска, и тот показал ему неприятельскую машину в версте от окопа на шоссе.... Все ясно видели неприятельскую машину, а некоторые красноармейцы, знакомые с танками по прежним боям, показывали нам его части—движущую гусеницу, броневые башни и т. д. Некоторые даже прислушивались и говорили, что слышат шум какой то, свист и треск.

Ротный командир разместил всех по местам и приказал приготовиться, а подчаска послал к батальонному доложить о случив-

*) Описан в упомянутой статье М. Н. Волчанецкого „Иллюзии и паника в бою".

шемся. Прошло всего 2—3 минуты, как мы узнали о приближении танка, а уже все было готово для его отражения.

Батальонный командир находился неподалеку в господском дворе, на высоте, откуда открывался великолепный кругозор на позицию. Рядом с ним, на опушке сада был артиллерийский наблюдательный пункт. Подчасок доложил командиру баталиона, что „паны пускают танку" и что вторая рота изготовилась к его встрече... Командир баталиона велел встать в ружье резервной роте, потом приказал донести обо всем в штаб полка, а сам отправился на батарейный наблюдательный пункт, чтобы просить помощи в отражении атаки.

Пока батарея приготовлялась к бою, присутствовавшие рассмотрели в стерео-трубу устройство танка: переднее ведущее колесо гусеницы по бокам, вращающуюся башню и броневой щит наверху... Вскоре батарея открыла огонь на прицеле 80. После нескольких выстрелов на пункт случайно пришел командир дивизиона и, узнав о причине стрельбы, захотел взглянуть на танк. Едва приложив глаза к окулярам трубки, он приказал остановить стрельбу, удивленные командиры баталиона и батареи спросили, в чем дело.

— „В том, что это вовсе не танк, а паровой шоссейный каток При отступлении я проходил мимо него". Впечатление от этих, сказанных с оттенком возмущения, слов было подобно грому. Все наперерыв бросились к стерео-трубе и, отталкивая друг друга, смеясь и ругаясь, стали смотреть на наделавший столько волнений и шума мнимый танк. У всех точно пелена с глаз спала. Тут только разглядели и трамбующее переднее колесо, которого у танка нет, и крышу, которую мы приняли за верхний щит, и дымовую трубу, выросшую в наших глазах в пулеметную башню. Внезапно командир батареи заметил, что каток неподвижен, тогда как танк не стал бы стоять на месте. Стали искать виновника суматохи—подчаска.... Тот стоял сконфуженный, опустив глаза, и на насмешки телефонистов мог только сказать: Кто же его знает, я танку не видел, а что вы то сами глядели"? Когда известие о сделанном командиром дивизиона открытии дошло до второй роты, там ему не сразу поверили. Но вот один из разведчиков вспомнил, что эта машина стоит тут с самого начала, несколько человек подтвердили, что они так же видели ее раньше.... Ротный командир опросил их, почему они молчали в момент общего волнения; ответ был общий „запамятовали".

Это прямо художественное описание так и просится на страницы специального учебника психологии, как образец зарождения и пышного развития массовой иллюзии. Зародилась здесь иллюзия индивидуально, в виде смутного неопределенного восприятия у подчаска, который вероятно перед тем и не видел никогда танка. Почему он принял каток за танк? У всех, кто был в боевой обстановке в только что минувшей гражданской войне, еще живы впечатления этой войны, и все прекрасно помнят, как волновала тогда одна возможность появления неприятельских танков. Об этих танках много писали, еще больше говорили. Естественно, что фантастический образ

танка невольно волновал и занимал воображение и подчаска, который оказался виновником иллюзии. Возможно, что и паровой каток был для него мало знакомым предметом, да и находился он далеко, так что разглядеть его простым глазом трудно было. Длительная напряженная бдительность на посту, ожидание какой либо козни со стороны противника, которую надо во время усмотреть и своевременно доложить. Все это—условия, создавшие в своей совокупности ту предвзятость, с которой вместо парового катка был ошибочно воспринят неприятельский танк. Но интересно, что происходит дальше: красноармейская масса принимает сообщение на веру, которая моментально переходит в убеждение. Массовое убеждение передается и появляющемуся комсоставу, при чем здесь уже несомненно имеет место случай чистого внушения, под влиянием которого даже в зрительную трубу паровой каток воспринимается как танк, и отдельные части первого, столь мало похожие на вспомогательные приспособления у танка, принимаются за последние. И это, несмотря на то, что и времени достаточно, чтобы рассмотреть, и дальность расстояния компенсируется стерео-трубой. Массовое внушение настолько с'узило внимание и парализовало память, что даже те, кто видели раньше этот каток и проходили при отступлении мимо него, совершенно позабыли об этом. Характерно и то, что, насколько легко эта внушенная иллюзия охватила всех, настолько легко она и рассеялась под влиянием одного трезвого замечания, возбудившего в сознании подлинный образ предмета. Но несомненно, что выжидательное тревожное настроение масс было благоприятной почвой для восприятия этой внушенной иллюзии.

А вот еще случай из империалистической войны, описанный Н. Какуриным в статье „Военная психология масс", помещенной в журнале „Военная наука и революция" за 1921 г., кн. 2.

„К вечеру 12/25 августа 1914 года штаб дивизии вместе с одним из пехотных полков, батареей и сотней казаков расположился в с. Тростянец, вблизи г. Золочева. Авангард закончил расстановку сторожевого охранения; находившаяся впереди армейская конница успешно преследовала поспешно отходившие небольшие австрийские части, прикрывавшие линию железной дороги. С. Тростянец лежит в небольшой котловине, среди лесистых холмов. Вечерело, и поздно пришедший полк только что заканчивал свое размещение по деревне. Внезапно раздалось 2—3 ружейных выстрела, и вслед затем поднялась адская и беспорядочная ружейная трескотня по всей деревне. Выскочив из дома священника, где расположился штаб, я заметил перепуганных людей штабной команды и писарей, лихорадочно разряжавших винтовки в воздух и по всем направлениям; в воздухе свистали пули; по улице беспорядочно мчались сорвавшиеся с коновязи лошади; вдали на улице слышался грохот куда то мчавшегося обоза; почти против штаба на окраине села горела хата. Раздавались крики: „Австрийцы, австрийцы стреляют с гор." Как теперь ясно помню, выскочивший вслед за мною ад'ютант по инспекторской части,

указывая мне на мчавшихся, сорвавшихся с привязи лошадей, уверял, что это скачет австрийский раз'езд—и все попытки разуверить его в противном не привели к цели. В довершение, с площади, где расположилась батарея, вдруг одиноко прогремел пушечный выстрел.

Однако только казачья сотня, побывшая уже в нескольких перестрелках еще в период нашего предварительного стояния в районе сосредоточения, сохранила спокойствие и была в руках своего командира.

Эта сотня и послужила тем оздоравливающим ферментом, который прекратил панику; от нее пошли раз'езды по селу, а ее трубачи затрубили сигнал „отбой“ и „сбор начальников“; сигналы эти были минут через 10 приняты горнистами пехотного полка, и стрельба так же внезапно прекратилась как и поднялась. Наши потери выразились в одном смертельно раненом солдате и тяжело покалеченном переехавшею его повозкою ротном командире.

Продолжительность паники была не более 10—15 минут; время, протекшее от первых раздавшихся выстрелов до начала общей стрельбы, измеряется буквально минутами, если не секундами.

Меня заинтересовали причины, коими можно было об'яснить ее возникновение. Причина была очень оригинальная. Оказалось, что несколько зашедших в одну из окраинных хат солдат расположились там пить молоко; во время этого занятия одному из них показалось, как после он сам показывал, что из погреба хаты кто-то лезет; он с товарищами подумал, что это лезут притаившиеся там австрийцы; они не нашли ничего лучшего, как поджечь хату, выскочить поспешно из нее и, отбежав на соседний, поросший леском, пригорок, открыть огонь по зажженной ими хате. Это и были те выстрелы, сначала одиночные, которые я первоначально слышал. Далее, не так просто установить причины возникновения общей паники уже всего полка; лично я об'ясняю это так, что эти одиночные выстрелы, раздавшиеся под вечер с лесистого холма, явились хорошим возбудителем для психики какого-нибудь наиболее подходящего по настроению индивидиума, который создал в своем воображении новый вариант навязчивой идеи—на этот раз австрийцев, стреляющих с горы по расположению полка, и эта идея и заразила собой весь полк“

В этом описании имеют место две иллюзии. Одна, зародившаяся у солдата, пившего в хате молоко и принявшего за австрийцев кого то выбежавшего из погреба хаты. Эта иллюзия заставляет его поджечь хату и отбежать на соседний пригорок, откуда он открывает стрельбу по хате и мнимым австрийцам. Это его действие является предметом для второй иллюзии, которая заражает весь полк—солдат и командный состав. Где же почва для возникновения этих иллюзий? Мне помнится это время, то настроение и те слухи, которые именно в августе господствовали в войсках того района (я был в составе дивизии, оперировавшей от Владимира Волынского). Тогда особенно волновали слухи будто по уходе австрийцев в деревнях остаются переодетые

неприятельские солдаты, которые открывают огонь из винтовок и пулеметов в спину проходящим нашим войскам. Таких выступлений напряженно ждали, скрытых австрийцев усиленно искали. Немудрено, если солдату, бывшему в состоянии такого напряжения, кто то, вылезающий из погреба, представился австрийцем. Где же мог прятаться австриец, как не в погребе? Вот мысль, быстро охватившая его, без критики принятая, так как она гармонировала с ходячими слухами о прячущихся австрийцах и определившая содержание иллюзии. Та же предвзятая мысль определила содержание иллюзии и того, кто первый стал стрелять, увидя в стрелявшем со стороны опушки леса австрийца. У остальной массы то же настроение, то же напряженное ожидание под влиянием ходящих слухов об австрийцах, следовательно, тоже благоприятная почва для возникновения иллюзии. Впрочем здесь иллюзии в тесном смысле у массы может быть и не было, из описанного видно только то, что масса охвачена была паническим настроением; но под влиянием этого настроения возникают и определенные иллюзии, как, например, у ад'ютанта по инспекторской части. Надо отметить здесь и то, что этот случай иллюзии и последовавшей за ним паники имел место в конце дня „к вечеру", после перехода. Было, несомненно, значительное утомление, которое ослабило внимание, повысило возбудимость чувств и этим усилило предрасположение к ошибкам восприятия.

IV.

Как явствует из изложенных случаев, иллюзия первоначально возникает индивидуально и затем с большей или меньшей быстротой передается путем внушения массе. Иллюзия захватывает не только рядовых бойцов—солдат, красноармейцев, но и командный состав, который в таких случаях теряет свою руководящую роль и становится частицей толпы, совершенно утрачивающей свою индивидуальность, самостоятельность, способность к критике и верной оценке положения. А если бы командный состав, хотя бы даже небольшая часть его, имеющаяся на лицо в момент иллюзии, не поддалась этой последней, можно ли расчитывать на то, что иллюзия не развилась бы и не привела к тем тяжелым последствиям, к которым она в большинстве случаев приводит? Полагаем, что можно. Это утверждение вытекает из самых фактов иллюзии, так как иллюзия в конце концов разрушается с той же легкостью, с какой она возникает, а разрушение ее происходит только оттого, что кто-то, трезвый и хладнокровный, правильно воспринимает предмет или явление и об этом громко заявляет. Здесь мы приходим к решению встающего перед нами практического вопроса,—что нужно делать, чтобы успешно бороться с возможностью возникновения иллюзии—этого опасного явления—во время боя.

М. Н. Волчанецкий в своей статье „Иллюзия и паника в бою" выставляет следующие меры борьбы с иллюзией и паникой:

„Так как обстоятельствами, благоприятствующими возникновению иллюзий, являются утомление, нервное напряжение, сужение поля

активного внимания, неожиданность, страх и т. п., то необходимо бороться с первым, стремясь, насколько возможно, сохранить свежесть войск; необходимо давать периодический отдых отдельным утомленным бойцам".

Меры по борьбе с паникой автор рекомендует проводить в трех направлениях: „1) Создавая организацию, наиболее стойкую и гарантирующую войска от разложения—строи, удерживающую солдат в руках, систему подчинения, допускающую быструю замену начальников в случае убыли; 2) Проводя обучение, натаскивающее войска на хладнокровие, привычку к неожиданностям и повиновению, вырабатывающее приемы, которые способствуют восстановлению дезорганизованной воинской части, ставшей толпой,—привычку к тишине в строю, прекращению огня по сигналу, к сбору за начальником или у знамени (Ней в испанской войне) и следованию за ними, к составлению временных соединений под командой ближайших начальников и вырабатывая инициативный и обученный командный состав и 3) принимая соответствующие тактические меры устраняя в бою все, что понижает дисциплину, стремясь сохранить нормальный строй и тактические соединения, избегая перемешивания частей, отвлекая внимание от опасности (Даву производил учение своим войскам под огнем), уменьшая элемент неожиданности мерами разведки и охранения и неизвестности, раз'яснением (например римляне, известные своей стойкостью, испугались слонов Пирра, германцы, отличные пехотинцы, на Сомме в панике бежали от танков, только потому, что этот вид опасности был им неизвестен), поддерживая воодушевление, но помня, что оно требует большой затраты нравственной энергии, а потому быстро падает и должно быть возбуждено во время—„порыв не терпит перерыва", поддерживая уверенность в своей силе и оружии, наконец сохраняя физические силы войск, оберегая их от голода, недосыпания, утомления и т. п.".

Возражать против указанных мер не приходится, но, по нашему мнению, их недостаточно, к тому же то, что касается обучения и тренировки войск, едва ли возможно провести в полной мере при условиях боевой обстановки, когда личный состав любой части отличается быстрой текучестью, а времени на обучение крайне мало.

Меры, рекомендуемые Н. Какуриным в его статье „Военная психология масс" сводятся к следующему:

Инстинкт самосохранения, являющийся главным фактором возникновения иллюзорных представлений и паники, нужно поставить в определенные рамки, путем воспитания бойца и развития в нем внимательности, способности к рассуждению, предприимчивости, чувства солидарности, настойчивости и воли, а так же интеллекта. Последнее дает возможность бойцу управлять своими инстинктами и достигнуть „внутренней дисциплины". Важное значение автор придает внедрению в сознание каждого индивида, входящего в состав массы, инстинктив-

ного убеждения в превосходстве и мощи своей организации и тактики, веры, что они исключают всякую возможность даже предположения каких либо неожиданностей со стороны противника. В новых уставах Красной Армии, которые должны соответствовать структуре, организации и духу новой Красной Армии, должна быть серьезно затронута и разработана область боевого воспитания и обучения войск, установлены практические приемы и методы того и другого.

С своей стороны мы полагаем, что центр тяжести воспитания и обучения должен лежать в военных школах, где готовится и выковывается кадр военных начальников. Указываемые Н. Какуриным свойства характера, столь необходимые и важные для бойца, должны быть выкованы в первую очередь у командира, который, с своей стороны, в дальнейшем будет воспитывать массу бойцов, а в критические моменты боя сохранять хладнокровие, „внутреннюю дисциплину“, самостоятельность сознания, при которой он сохранит возможность управления массой и не станет игрушкой ее настроений. Если бы так был воспитан ад'ютант по инспекторской части в случае Какурина, едва ли он принял бы сорвавшихся с привязи и мчавшихся лошадей за австрийский раз'езд.

Однако, как бы блестяще не было поставлено воспитание, всегда оно находит известный предел своего влияния в природных способностях и силах человека.

Повседневный опыт учит нас, что один в обучении является более способным, другой менее, у одних, при всех прочих равных условиях, характер более спокойный и уравновешенный, у других более эмоциональности, поверхностности в суждениях, склонность к поспешным выводам и заключениям; одни—прирожденные математики, художники, торговцы, другие лишены от природы этих качеств. Путем воспитания и упражнения можно отшлифовать личность, привить ей те или иные взгляды, повлиять на постройку миросозерцания, развить физически, но в конечном счете ядро личности складывается из тех комбинаций психофизического организма, который дан от рождения, плюс воспитание. От рождения дана как бы определенная емкость наших мозговых центров, наших способностей, и эта емкость заполняется путем воспитания и упражнения. Тренировка укрепляет и закаляет только крепкие организмы, слабые же ее не выносят и еще более слабеют. Боевая обстановка быстро выводит из строя одних, ослабляя их нервную систему и делая их неспособными к боевой жизни, других она закаляет, делает более выносливыми. Война как бы производит в своей передовой линии естественный отбор, отметающий все негодное и слабое. Но пока этот отбор произойдет, это негодное и слабое успеет проявить свое отрицательное влияние в частях, заражая паническим настроением здоровые элементы, ослабляя стойкость части и дезорганизуя своей неспособностью быть на своем месте и выполнять поставленную перед ними задачу. Сколько таких слабых психоневротиков было в передовой линии в минувшую империалистическую войну. Без пользы, даже во вред делу, толклись они

там, не имея возможности эвакуироваться в силу драконовских циркуляров, так как неврастения и др. неврозы были исключены из числа недугов, дающих право на эвакуацию, и самое большее, что для них делалось, это отправка в обоз второго разряда на несколько дней для отдыха.

Было бы совершенно иное положение, если бы этот отбор и устранение негодных элементов произведен был заранее, еще в мирное время, во время подготовки армии, когда происходит обучение и воспитание ее кадра. До сих пор, помимо классовой принадлежности, политических убеждений и определенного уровня развития, от поступающего в военную школу требуется известная степень физического здоровья и только. Оценки психофизического организма в целом, с точки зрения его пригодности к военной службе и в связи с этим указания определенных условий и требований, не было и нет,—оттого далеко не все, прошедшие военную школу, оказываются на своем месте в боевой обстановке.

В настоящее время, когда психология начинает выходить из рамок теории на арену практической жизни, когда из недр ее вырастает прикладная наука в виде психотехники, открывается возможность не только мечтать, но и широко осуществлять заранее искусственный отбор тех сильных и устойчивых в психофизическом отношении людей, из которых воспитание и обучение выковало бы стальных бойцов, способных найтись при всяком случае и твердо вести массу к нужной цели. При таком отборе отметутся люди, которые и сами склонны к иллюзиям и легко податливы к внушениям разного рода.

Как произвести такой отбор, что такое психотехника—ответ на эти вопросы может стать предметом другой статьи, здесь же мы их касаться не будем.

Итак, все изложенное нами может быть сведено к следующим положениям:

1. Иллюзия есть ошибочное восприятие, обусловленное несовершенством психо-физических процессов, которое, в свою очередь, зависит от индивидуальных особенностей человека.

2. В боевой жизни иллюзии—явление отрицательное, могущее иметь весьма серьезные последствия, хотя явление это там не редко.

3. Зарождается иллюзия индивидуально и заражает массу в силу специфических условий боевой обстановки.

4. Мерой борьбы с этим злом является надлежащее воспитание командира.

5. Чтобы военное воспитание привело к желаемой цели, необходимо произвести отбор соответствующих в психофизическом отношении людей.

6. Это последнее является задачей недавно родившейся и развивающейся психотехники.

М. Тухачевский.

Модные заблуждения *).

„Старая тактика отжила...

Ее бессильные неуклюжие цепи оказались неудобоуправляемыми... Оказалось, что в боевой обстановке командир может управлять только небольшой группой бойцов...

Огонь настолько силен, что сплошные цепи порваны и заменены рассеянными по полю сражения группками...“

Такие соображения сейчас в большой моде. И на основании этих соображений строится новая тактика пехоты. Основным положением ее является:

„Наступать и обороняться только группками!...

Вся власть группкам!...“

Я пишу не сатирическую статью, и если все-таки приведенные мною отрывки несколько смешны, то в этом виноват не я. В современной тактике пехоты есть действительно много нового по сравнению с тактикой предыдущей эпохи. К этому имеется много оснований, и о них я буду говорить далее. Но все это вовсе не означает надобности прибегать к скороспелым выводам и обобщениям, возводить в правило то, что является частностью, хотя-бы и очень яркой.

Для ясности изложения затронутых ошибочных тактических выводов, придется сначала обратиться к исторической справке.

* * *

Начиная с введения огнестрельного оружия, тактика пехоты, в своем развитии, претерпевает целый ряд эволюций и революций.

Местность по протяжению этого времени оставалась величиной постоянной.

Человек тоже был, сравнительно, постоянной величиной. Однако, все же изменялся, хотя и не влияя резко на развитие тактики. Так например, благодаря особым этнографическим условиям, швейцарцы были прекрасными стрелками, превосходя в этом отношении войска других стран. То же можно сказать о легкой пехоте австрийской армии и т. п. Эти свойства сильно влияли на тактику своих частей. Так или иначе, человеческий материал всегда влиял на тактику, но это влияние никогда не бывало решающим **).

Таким решающим фактором в результате тактики пехоты являлось развитие огнестрельного оружия.

Обратимся к истории пехоты.

Появление мушкета сразу изломало прежнюю тактику. В пехоте появилась смесь мушкетеров и пикинеров. Первые, своим огнем, могли

---

*) Последний тактическо-стрелковый с'езд в Москве рассеял эти заблуждения. Тем не менее редакция помещает эту статью, так как работы с'езда еще не проникли глубоко в толщу красной армии. *Ред.*

**) Зато в области стратегии, на ряду с ростом техники, человеческий материал, как часть производительных сил, играет решающую роль.

легко расстроить сомкнутые строи пикинеров. Перед ударом в пики появлялся, таким образом, огневой бой. Пикинеры не могли в нем участвовать. Они ждали момента расстройства противника для того, чтобы окончательно смять его ударом в пики.

Это положение рождает новый строй: цепь мушкетеров, а за ними глубокие, плотные построения пикинеров. Малоопытные войска обрастали мушкетерами со всех сторон. Таковы порядки пехоты XУ и первой половины XУI веков.

Между прочим, интересно отметить реакционную борьбу робких умов против развития огнестрельного оружия. Как теперь многие боятся машинизации, также и тогда многие боялись „мушкетизации" армии. Но как теперь, так и тогда развитие производительных сил неумолимо делало свое дело, и огнестрельное оружие все более и более распространялось в пехоте.

К концу XУI века мушкетеров становится столько же, сколько и пикинеров. Это обстоятельство уже не позволяет смотреть на первого, только как на огневую силу. В мушкетерах ищут уже и ударной силы. А учитывая, что мушкетный огонь того времени все-ж таки не был уничтожающим, мушкетеры получают свои собственные участки в построениях пехоты, из которых они давали перекрестный огонь и, вместе с тем, служили ударной силой.

В этом отношении характерно построение Нидерландского полуполка. В центре он имел 25 рядов пикинеров, а по флангам по 12 рядов мушкетеров. В глубину те и другие имели по 10 рядов. Такое построение допускало перекрестный огонь из мушкетов и, вместе с тем, обладало достаточной ударной способностью.

Густав Адольф, введя целый ряд улучшений в стрелковое дело и увеличив число мушкетеров, усовершенствовал этот порядок в смысле использования огня возможно большего числа мушкетеров. Он строит их только в шесть шеренг, а перед открытием огня в бою вздваивает ряды и, таким образом, перестраивает в три шеренги. Мушкетеры развивают свой строй в линейном духе, а пикинеры остаются в более глубоких построениях. Это, конечно, правильно, так как этим достигается максимальное развитие огня и достаточно ударная сила (пикинерами).

Такая погоня за силой огня об'ясняется, главным образом, усовершенствованием мушкета и появлением бумажных патронов, что в значительной мере увеличивало скорострельность.

В конце XVII века изобретается штык к кремневому ружью, гораздо более скорострельному, чем мушкет. Кремневое ружье, гораздо более удобное и легкое, давно уже вело состязание с мушкетом и теперь сгоняет его со сцены вместе с пикою. Таким образом, нормализуется вооружение пехоты. Теперь уже нет надобности разбивать пехотный порядок на разношерстные участки. Вместе с тем кремневое ружье позволяет развивать мощный ружейный огонь, не очень меткий в одиночной стрельбе, но очень действительный в стрельбе по площадям.

Ружейный огонь становится самым сильным оружием в бою Поэтому необходимо использовать его до максимума, а это возможно только при дальнейшем развитии линейного порядка.

Теперь общий боевой порядок представляет собой линию развернутых батальонов, а батальоны строятся в три—четыре шеренги, что допускает одновременно участие в огне всех стрелков.

Фридрих Великий не внес в это построение ничего нового, но зато он усовершенствовал стрельбу и, главное, научил пехоту наступать под прикрытием своего же огня. Для этого выбегали вперед. по очереди, части или ряды и, немедленно, давали залп. Под его прикрытием тоже самое проделывали и другие. Таким образом Фридрихом был введен метод, несколько похожий на перебежки наших цепей до и во время империалистической войны.

Французская революция отмечается также революцией и в тактике пехоты. Мы отбросим здесь идеалистические обоснования происхождения этой тактики, как-то: революционный дух, слабая обученность войск и проч. Эти явления могли быть только подсобными факторами, но и не решающими. В легкой австрийской пехоте рассыпные действия имели место, в силу ряда этнографических условий, о которых упоминалось выше, и, однако, эти действия не могли привиться, ибо материальная сторона вооружение—не позволяло этого. Покуда вооружение оставалось нормализованным, неминуемо сохранялся линейный порядок.

Но вот, в эпоху революции, французская армия получает новое нарезное оружие. Его отличительным свойством являлась меткость. В скорострельности оно уступало кремневому ружью. Но эта меткость давала колоссальное преимущество в деле расстройства рядов противника. Даже массовый огонь кремневых ружей не вносит в них такого опустошения.

Нарезного оружия было немного, но оно было вкраплено во все роты. Таким образом снова была нарушена нормализация вооружения, а тем самым ломался линейный порядок, который вновь распался на часть, ведущую огневое состязание, и часть, продвигающуюся под прикрытием огневых частей к штыковому удару.

Эта революция коснулась цепи и баталионных колонн.

Однако, дальнейшее развитие нарезного оружия привело к однообразному вооружению пехоты винтовкой.

Это нанесло удар глубокой тактике пехоты. Вновь появился линейный порядок.

Характерно, что когда была введена магазинная винтовка, порядок пехоты не подвергся революции. Он только эволюционировал в сторону разреженности линейного порядка.

Чем это об'ясняется? Да тем, что перевооружение велось не путем вкрапления магазинок, а путем полного нормализованного перевооружения.

Наконец, мы подходим к империалистской войне.

Вошла в нее пехота линейным порядком, а вышла глубоким.

Откуда эта революция?

В роту, в отделение был вкраплен легкий пулемет.

Как только появилось в роте это мощное огневое средство, так стрелковый огонь стушевался, отошел на последнее место. В нашей новой роте, например, пулеметов и автоматов в семь раз меньше винтовок, а огонь их в три слишком раза превосходит по силе стрелковый огонь роты. Ясно, что стрелковый огонь становится вспомогательным, и главной задачей стрелков является продвижение под прикрытием огня пулеметов и автоматов к штыковому удару.

Но также ясно и то, что как только мы вооружим автоматами всю пехоту, так снова выплывет на сцену линейный порядок. Ибо превосходство в огне будет иметь тот, кто выдвинет в огневую линию большее число автоматчиков.

Таковы злоключения тактики пехоты за последние пять веков, где она, диалектически развиваясь, претерпела не мало революций и эволюций.

Возможно, что газовое дело внесет в пехоту такой же переворот, как в свое время изобретение огнестрельного оружия (если не больший), но этого вопроса я здесь разбирать не буду.

Какие обобщающие выводы можно сделать из всего вышеизложенного?

1) Глубокая тактика пехоты, т. е. такая, которая при нормальной ширине участка частей развивает порядок в глубину, численно ослабляя боевую линию, есть следствие вкрапленного в пехоту нового сильного оружия.

Таким образом глубокая тактика пехоты вовсе не есть идеал, как это принято провозглашать, а знаменует собой первоначальный период развития и производства нового оружия. Это есть тактика переходного периода от эпохи старого оружия к эпохе нового, более мощного и совершенного оружия.

2) Линейная тактика пехоты выражает собой расцвет нового мощного оружия, когда им вооружена поголовно вся пехота.

Боевая „линия“ не есть что-либо презренное, не есть недомыслие, а есть продукт стремления к извлечению максимума силы из пехоты данной части, путем наибольшего использования самого сильного оружия—огня.

Необходимая живая сила для штыкового столкновения может быть достигнута при линейном порядке, тем же способом, что и при глубоком, т. е. концентрацией на данном участке нескольких частей и эшелонированным наступлением ими.

Собственно говоря, и глубокая и линейная тактика не изменяют ударной способности части. Например, если мы возьмем для роты участок в 400 шагов и, если ударную способность роты оценивать величиной поперечной нагрузки ее строя, то таковая не изменяется от применения той или другой тактики.

В заключение этих выводов надо сказать, что и линейной тактики не надо идеализировать.

Каждая из тактик, как в чистом, так и в смешанном виде зависит всецело от развития производительных сил страны и та, которая лучше всего с ними согласована—и является самой „идеальной“.

* * *

Если не очень вдумываться в сущность наступления пехоты, то оно как будто бы исчерпывается огнем и движением. Наша инструкция и весьма распространенные взгляды так и смотрят на этот вопрос. „Огневые группы“, „огневая рота“—вот новые термины выдвинутые ими.

Из предыдущего изложения должно стать ясным, что в самых терминах этих заложены недоразумения.

Огневая рота... Как раз новая рота не является по существу таковой. В ней на двести слишком человек имеется всего только 19 мощных огневых машин. Остальные стрелки, по сравнению с этими машинами, вооружены „дрекольем“ и их главная задача далеко не огневая, на чем я подробно остановлюсь позднее. Рота прежнего характера гораздо более походила на огневую, ибо там фактически вся рота участвовала в огневом состязании.

Огневые группы... Здесь уже можно отметить двойственное недоразумение. Во первых, в них включаются и автоматические машины, и стрелки, а во вторых, этот термин указывает на слияние для всех частей роты функций огня и движения.

Это последнее положение является верным только для линейных порядков.

К подробному рассмотрению обоих последних вопросов я и перейду.

Выше уже было освещено вооружение нашей новой роты. Оно состоит из 19 мощных автоматических машин, дающих в общем эквивалент огня в 10 срелковых взводов и из 189 магазинных винтовок, дающих в бою нормально огонь трех стрелковых взводов.

Ярко бросается в глаза то обстоятельство, что автоматы являются господами огня в роте. Представляя собою малую, редкую цель, они в то же время развивают бешеный огонь.

Есть ли смысл впутывать в огневое состязание стрелков? Для того, чтобы достичь действительного их огня потребуется цепь. Это мало усилит огонь (только на 30%), но зато создаст сильно поражаемый, уязвимый строй. Игра не стоит свеч. Я говорю о стрелковом огне в крупном масштабе. Одиночный огонь хороших стрелков даже из строя змейкой будет всегда полезен и необходим.

Итак, главная задача стрелков—это продвижение, под прикрытием автоматного превосходства в огне над противником, до штыкового столкновения.

Конечно, на протяжении боя эти задачи будут постоянно перекрещиваться, но я их нарочно резко подчеркнул в их основном значении.

Отсюда ясно, что соединять в одно движение всей роты и огонь —нельзя неверно. Движение и огонь полностью совпадают только

для автоматического оружия, а для стрелковой массы огонь—явление эпизодическое, при выполнении их основной задачи—безубыльного продвижения к штыковой атаке.

Движение автоматов вовсе не должно слепо связываться с продвижением стрелков. Оно согласуется главным образом с условиями удобства стрельбы. Стрелки же (в массе) стремятся к замаскированному следованию за ними или, лучше сказать, под их прикрытием.

Французы лучше нашей инструкции поняли стрелковую картину боя.

Огневое состязание они всецело возлагают на пулеметы. Но зато они путаются в другом. Порожденные империалистической войной боязнь, робость перед решительными штыковыми схватками, окутывает всю их тактику дымкой какой-то пассивной вялости. Решительный тон редакции не изменяет осторожного, нерешительного содержания.

Французы правильно оценивают роль огня. Приблизительно правильно понимают характер двойственного продвижения, но они резко путаются в оценке такового.

„Пулеметное звено наступает, стрелковое гранатное звено его прикрывает". Вот каков французский взгляд.

Совершенно очевидно, что задачи по прикрытию пулеметов являются для стрелков столь же эпизодическими, как и ведение огня, и поднос патронов. Они движутся с более активной целью: они стремятся дорваться до штыка и гранаты. Правильнее сказать, наоборот: пулеметы прикрывают стрелков.

Таково усложнение наступления пехоты, порожденное введением в роту неодинакового вооружения.

Когда рота получит однообразное автоматическое вооружение, когда порядки ее вследствие этого потянутся в линию, тогда огонь и движение снова совпадут и будут неразделимы, в том, конечно, случае, если вопрос идет не о построении волнами. Там опять этот вопрос усложнится и раздвоится.

* * *

Самым сильным строем для новой роты является строй линией змеек. Этот строй—наиболее разреженный из всех строев и развивающий мощный огонь.

Это вполне естественное явление тоже вызвало не маловажные заблуждения.

Очень распространено мнение, что разреженность строя современной роты есть следствие невыносимо сильного огня пулеметов и артиллерии. Конечно, эти факторы влияют на разреженность строев, но в данном случае не они являются законодателями. Мы знаем, что германская пехота весной 1918 года принимала чрезвычайно плотные построения и при том с полным успехом, несмотря на то, что артиллерии и пулеметов тогда было столько, сколько в маневренной войне не встретится. Стало—быть дело не в этом.

Боевой порядок новой роты, даже сохраняя прежнюю ширину участка, будет все-таки более разреженным, чем раньше. Это происходит от замены цепи змейкой. Словом, на разреженность боевого порядка главным образом повлияли активные факторы, т. е. вооружение, а не пассивные, как-то: огонь противника и проч.

Часто думают, что наступление пехоты будет происходить тем более редким порядком, чем сильнее огонь противника.

В этом заложено глубочайшее заблуждение. Ведь чем реже наш боевой порядок, тем меньшую силу огня он может развить, а стало быть тем безнадежнее будет его единоборство с могущественным огнем противника. Превосходство в огне, в смысле его качества, будет всегда на стороне обороняющегося. Силы наступающей пехоты, даже равные обороняющимся, все-таки не смогут с ними бороться. Принципиально требуется превосходство в числе огневых единиц.

Если оставить в стороне артиллерийский огонь, то массирование автоматического оружия в огневой линии будет служить не во вред, а на пользу наступающему. Артиллерийский огонь вводит некоторое изменение в это положение, целиком верное для узко пехотного боя. Однако изменения эти не столь велики практически. Вспомним боевой опыт, вспомним построения германской пехоты весной 1918 года, когда даже позиционная артиллерия не могла запретить ей наступать самыми плотными порядками, и мы увидим, что артиллерийский огонь не в состоянии упразднить густо наступающих автоматических огневых линий.

Само собой разумеется, не следует этот вывод возводить в догмат. Он является лишь общей ориентировкой. Настоящее положение дела можно оценить только на местности, в боевой обстановке. Нужно только было удостовериться—можно ли массировать пехоту при наступлении. И мы видим, что можно. Даже более того—должно там, где направление решающее.

Если опасны в военном деле стратегические кордоны, то в тактике они прямо гибельны. А ведь бросить лозунг принципиальной разреженности боевых порядков пехоты—это означает проповедывать тактический кордон. Если он не страшен в столкновениях головных отрядов, то для боев в составе главных сил он является величайшим бедствием. Надо всеми возможными средствами вытравить его из голов командиров всех степеней.

Они должны воспитываться на следующих началах. Для наступления всегда надо создавать на важнейших участках превосходство и в огне, и в штыке. На неважных участках можно задаваться обороной и размещать здесь сил меньше, чем у противника, пользуясь удобством в использовании огня.

Как отразится это на плотности боевого порядка пехоты? На его важных участках будет достигаться уплотнение, иногда очень значительное, а на неважных будет царствовать разреженность.

Вот каковы последствия, результаты стремления к преобладанию в огне.

Посмотрим теперь—какие возможности дают строи и порядки нашей новой роты в деле осуществления наступательных задач.

Выше уже обращалось внимание на то, что наиболее сильным строем новой роты является линия звеньевых змеек. По сравнению с цепью она является гораздо более разреженной по фронту и развитой в глубину. Если для роты взять участок в 300—400 шагов, то, считая даже, что все взводы будут в боевой линии, между звеньями интервалы будут от 18 до 24 шагов (в цепи 2—3 шага).

Из опыта империалистской войны мы знаем, что цепи и волны ходили в атаки в гораздо более плотных построениях даже в самый тяжелый (конечный) период позиционной войны. Весной 1918 года немцы зачастую строили роты на участке в 150 шагов. Считая, что взводы эшелонировались, все-таки интервалы между стрелками не могли быть более пяти шагов.

Возьмем пять шагов, как предельно малый интервал. Если на таких интервалах мы построим звеньевые змейки, то трехвзводная боевая линия роты займет по фронту 85 шагов. Это надо признать действительно максимальным уплотнением роты.

Положим, что обороняющийся противник растянул свою роту на участке в 850 шагов. Тогда фронту густо наступающей нашей роты он может противопоставить, примерно, одно отделение (дружину, боевую группу) с легким пулеметом, эквивалентом огня равные одному с третью взводам стрелков. Против этого огня наша рота противопоставит огонь десяти взводов.

Ясно, что такое массирование для роты будет не опасно, а, наоборот, безопасно, если все прочие элементы обстановки учтены.

Могут видеть серьезное возражение в силе артиллерийского огня. Конечно, с этим надо считаться, но надо учитывать и следующее: во первых, данные опыта. Немецкие волны весной 1918 года выдерживали, при той же самой густоте построения, огонь артиллерии значительно сильнейшей, чем та, которую мы встретим в маневренной войне, по крайней мере в ее первый период. Во вторых, если мы массируем нашу пехоту к главному месту атаки, то тем более мы будем массировать здесь же и нашу артиллерию, которая должна будет забить артиллерию противника. Наконец, хорошая артиллерия противника может, ведь, сбивать не только густо построенные змейки, но и широко разбросанные.

Подводя итоги, мы скажем, что, наступая, надо маневрировать пехотой. Проповедуя принципиально разреженное построение рот, тем самым проповедуют кордон и упразднение ударного тактического маневра. Наоборот, пехота должна быть приучена к самым разнообразным действиям, как в густых, так и в разреженных построениях. Густота и глубина построения не может быть определена шаблонно. Вышеприведенные примеры ни в каком случае не следует принимать как твердые схемы. Густоту построения определит задуманный маневр, основанный на оценке сил своих, противника и местности.

* * *

Наконец, надо остановиться на методах управления наступающей пехотой

Мы все знаем новые модные взгляды на то, что пехота наступает и вообще действует самостоятельными мелкими группками. Управление свыше становится чем то даже непонятным.

Главная беда подобного рода взглядов заключается в том, что они страдают внутренней неясностью, недостаточной логической связанностью. В чем же, в конце концов, заключается управление, где границы наступательной стихии группок, когда и где эта стихия теряется или завоевывается управлением?!

Наша инструкция не дает на это ясного ответа, более того, она в конец запутывает его, когда, после проповеди стихийного наступления группок, неожиданно предлагает брать в руки твердое управление тогда.... когда нужно преследование. Она даже вовсе упраздняет столь вредное понятие, как „преследование" и заменяет его „закреплением". Это положение не только неожиданно, но и в корне расходится как с данными боевого опыта, так и с просто разумными теоретическими соображениями.

Своевременное наступление пехоты сложно не только в силу чисто внутренних пехотных затруднений, но и благодаря тому, что это сложное наступление приходится согласовывать с артиллерийским огнем. Укрепленная позиция в настоящее время обороняется не прямым огнем. Она вся строится на сложной системе перекрестного обстрела из пулеметных гнезд. Благодаря этому, мелкие части, ведя перед своим фронтом огневой бой, вовсе иногда не могут повлиять на понижение обороноспособности противника Для этого необходимо вмешательство сосецних частей и, очень часто, артиллерии.

Как можно решать подобные задачи без управления?! Никакая частная инициатива, уменье оценить обстановку не только у себя на участке, но и у соседей, не могут заменить управления. Особенно это касается связи с артиллерией. Если в роте нет фактического управления, то не может быть и речи о планомерном взаимодействии артиллерии и пехоты.

Итак, теоретически совершенно необходимо осуществлять твердое управление, по крайней мере, до тех пор, пока возможно содействие артиллерии, т. е. до линии штыкового удара, когда артиллерия переносит свой огонь на резервы противника.

Нет ли в природе современного боя каких либо факторов, физически исключающих возможность управления?

Мне, лично, не приходилось принимать участия в позиционной войне, но в маневренной войне мне всегда удавалось осуществлять управление взводом вплоть до линии штыкового удара. И это было общим явлением для последних войн.

Во время позиционной войны дело резко менялось. Там войска не знали ни сближения ни, наступления. Они находились всегда на линии штыкового удара, почему задачи, в связи с близостью про-

тивника и шириною фронта частей, естественным образом разменивались и решались непременно частной инициативой мелких частей.

Громадное влияние позиционной войны на французские тактические взгляды отразилось полностью и в затронутом здесь вопросе. Французы считают, что вообще дело решается самостоятельностью и искусством группок.

Выше уже указывалось, что одной из важных причин выскользания управления из рук ротного и взводного командира на линии атаки является перенесение артиллерийского огня на резервы противника. Уменьшается потребность в управлении свыше. К этому присоединяются и трудности управления.

Если к этому еще прибавить то, что атака роты производится на довольно широком фронте, благодаря чему перед каждым отделением и звеном встают их собственные, конкретные об'екты атаки, в виде пулеметного и стрелкового гнезд противника, то самостоятельность малых единиц станет совершенно ясна и понятна.

Точно также понятна самостоятельность мелких частей при прорыве укрепленной полосы противника. Здесь перед каждой малой частью последовательно встанет целый ряд мелких об'ектов атаки, в виде вражеских пулеметных и стрелковых гнезд.

То же самое относится и к преследованию. Всякая централизация управления в этот период боя является потерей времени, а малейшая потеря времени является громаднейшей прибылью для противника. Преследование должно быть неотступным, смелым и дерзким. Засад бояться нечего. Их сметут соседние части. Лишь бы все стремились вперед. Это должно строго и последовательно проводиться в жизнь.

Надо иметь ввиду, что наступающий несет потерь больше обороняющегося. Единственно чем он может компенсировать свои потери— это удачным, энергичным преследованием, позволяющим до конца уничтожить живую силу врага.

Вернемся несколько назад и проследим какие причины влияют на характер управления пехотой, начиная со сближения и до линии атаки.

Эти причины могут быть двоякого рода: пассивные и активные. К первому относится, главным образом, огонь противника. Чем ближе дело к атаке, тем сильнее его огонь. Огонь затрудняеет управление и отсюда проистекает пассивная причина децентрализации управления. Активные причины заложены в том, что, во первых, перед частями (все более и более мелкого размера) постепенно вырастают их частные задачи. Они требуют самостоятельности, своего собственного маневра.

Во вторых, последовательный ввод в дело различных видов вооружения роты.

Так например, ввод в дело ружей-автоматов и легких пулеметов на дистанциях от 600 до 900 шагов, приданных организационно взводам, дает взводному командиру большой интерес самостоятельности, ибо только при свободном распоряжении и напряжении всех своих средств огня можно достигнуть перевеса над противником. Это огневое

обстоятельство является одной из главнейших активных причин перехода самостоятельности от ротного к взводным командирам.

Конечно, и пространственные причины играют большую роль. В период сближения взвод по фронту занимает почти несоизмеримо малое протяжение по отношению к дистанции до противника. Его полоса наступления практически более похожа на линию, чем на полосу. Поэтому в этот период у взвода не может быть маневра. Он имеет дело только с прямолинейным движением. Само собою понятно, что при таких условиях над взводами имеется твердая рука ротного командира.

Когда же взвод достаточно близко подходит к противнику, то отношение ширины его участка к расстоянию до противника увеличивается, полоса становится реальной, для нанесения главного удара надо выбрать решающее направление, т. е. избрать маневр, а это обстоятельство заставляет прежде всего разрешить свою задачу, а для этого ему нужна свобода и самостоятельность.

Подводя итоги изложенному выше, необходимо сделать вывод, что наступление пехоты происходит не группками, а гораздо сложнее Оно распадается на ряд рубежей, полос, в которых управление, чем дальше от противника, тем становится централизованнее.

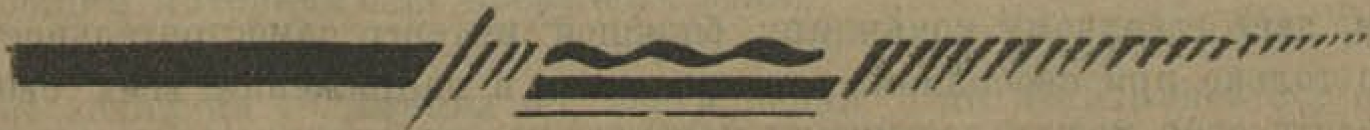
Приблизительно до ввода в дело легких пулеметов и даже автоматов осуществляется твердое управление ротой. Далее, до линии атаки—взводом. Еще далее, отделением и звеном.

Неправильная характеристика методов наступления влечет за собой и неправильное обучение войск. Только различая последовательную децентрализацию управления, можно правильно его наладить и провести необходимую тэйлоризацию обучения.

На этом я и закончу статью.

* * *

Задачей ее являлось не систематическое изложение боя пехоты, а выяснение наиболее важных заблуждений из всех модных заблуждений в области тактики пехоты. Без их выяснения и устранения нельзя правильно ни воевать, ни обучать. Необходимо научиться анализу, прежде чем хвататься за чужие выводы. особенно когда они являются не истиной, а заблуждением.



СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Н. Варфоломеев.

Маневры на Запфронте.

(Окончание*)

Общие маневры.

(1-я и 3-я стрелковые дивизии).

К вечеру 23-го сентября закончились частные маневры 1. и 3 стрелковых дивизий, которые, идя на сближение друг с другом, для розыгрыша общих маневров, употребили время с 17-го по 23-е сентября на практику в производстве частных маневров в дивизионном масштабе.

После отдыха в течение 24-го сентября (дневка) сблизившиеся стороны синяя (1-я стрелковая дивизия) и красная (3-я стрелковая дивизия) приступили с утра 25/IX к общим маневрам, к описанию и разбору которых мы и перейдем.

Задания сторонам.

Еще до начала частных маневров главным руководством были разосланы на места указанич об общей обстановке и задаче. Красная сторона получила следующее:

ОБСТАНОВКА ДЛЯ КРАСНОЙ СТОРОНЫ.

Сведения о противнике.

(Карта 3 версты в дюйме).

По агентурным данным, подтвержденным воздушной разведкой, двухдивизионный корпус синих высадился в район ст. Витгенштейновская и к вечеру 25/IX сосредоточился в районе Сл. Черновая—Сл. Гребенка имея в районе гор. Игумена авангард силою около дивизии. Передовые части этой дивизии к вечеру 24/IX были обнаружены на линии Иваничи—Пальчик—з. Лучь. Конные раз'езды синих доходили до Ляды.

Другой корпус синих высадился в Минске и к вечеру 24/IX передовые части его были обнаружены воздушной разведкой в районе ст. Михановичи.

*) См. № 19 „Война и Революция".

Сведения о своих частях.

(Карта 3 верст. в дм).

5-й корпус 1-й Армии красных к вечеру 24 сентября сосредоточился в районе ст. Осиповичи, имея авангардную дивизию в районе Лапичи. Передовые части этой авангардной (3-й стрелковой) дивизии к вечеру 24/IX заняли линию ст. Уборок—з. Гомановка (южная)—з. Будище. 3-й кавполк выдвинут к ст. Гродзянка.

Правее 5-го корпуса в районе Кличева сосредоточена 5-я дивизия соседней 2-й армии (мнимой); конные части к вечеру 24 сентября были выдвинуты к д. Якшицы, имея задачей установить связь с частями 5-го корпуса. Левее 5-го корпуса к тому же времени в районе ст. Дараганово—Моисеевичи сосредоточился 6-й корпус.

Разграничительные линии между 1-й и 2-й армиями ст. Жодино—м. Богушевичи—д. Якшицы—р. Березина (все включительно для 2-й армии), между 5-м и 6-м корпусами железная дорога Бобруйск—Минск для 5-го корпуса включительно.

Общая задача.

(Карта 10 верст в дм.).

На 1-ю армию возложена задача энергичным наступлением разбить неприятеля, высадившегося в районе станции Витгенштейновская—Минск и овладеть железно-дорожным узлом и городом Минском.

Частная задача 5-го корпуса.

(Карта 3 версты в дм).

Для исполнения возложенной на армию задачи по овладению железно-дорожным узлом и г. Минск Командарм 1 приказал к вечеру 25 сентября 5-му корпусу овладеть районом Пуховичи—Блонь—ст. Пуховичи, а 6-му корпусу овладеть районом Новоселки—Сл. Боровая, выдвинув свою конницу в мест. Цитва, имея в виду дальнейшим энергичным наступлением вдоль железной дороги на Минск разбить группу противника, высадившегося в районе Минска и овладеть городом. Командир 5-го корпуса приказал; 3-й Стрелковой дивизии с разсветом 25|IX наступать из занимаемого района и к вечеру 25/IX овладеть районом м. Пуховичи—Блонь—Ст. Пуховичи, имея в виду завершить успех окружением и уничтожением неприятельской группы войск*. (Приложение № 1).

ОБСТАНОВКА ДЛЯ СИНЕЙ СТОРОНЫ.

Подобного же рода сведения об обстановке и задачах, подлежащих выполнению, были даны и синей стороне. На корпус синих, высадившийся на ст. Витгенштейновская, возлагалась задача к исходу суток 25 сентября овладеть районом ст. Пуховичи—м. Блонь—м. Пуховичи, прочно здесь укрепившись до подхода остальных частей. Командиром корпуса непосредственное выполнение данной задачи было возложено на авангардную 1-ю Стрелковую дивизию. В дальнейшем,

по овладении вышеуказанным рубежом, корпусу предстояло наступление в общем направлении на Бобруйск с целью его занятия.

Левый фланг корпуса был обнажен, справа имелся сосед—2-й стр. корпус, высадившийся в районе ст. Тихановичи и имевший задачу наступать южнее ж. д. Минск—Бобруйск (приложение № 1). Такова была исходная обстановка и первоначальные общие и частные задачи головным корпусам и авангардным дивизиям обеих сторон. Каждой из сторон предстояло энергичным движением вперед опрокинуть врага и, выйдя в тыл, овладеть важным железно-дорожным узлом (Минским и Бобруйским) Встречное движение, естественно, приводило к встречному же столкновению, причем районом боевых действий неминуемо становился район Пуховичи—Блонь, овладение коим являлось частной (первоначальной) задачей каждой из авангардных дивизий (синей—1-й стрелковой и красной—3-й стрелковой)

Дополнительная ориентировка и задания.

24-го сентября Штабом Главного Руководства были разосланы сторонам дополнительные указания об обстановке, сложившейся к утру 25/IX и даны новые, более детальные боевые задачи.

Указания эти гласили следующее:

Для *красной* стороны:

„По сведениям от воздушной разведки, сильная колонна синих из пехоты и артиллерии к вечеру 24/IX заняла гор. Игумен. По сведениям Штаба корпуса *) к тому же времени передовые части красных отошли в район дер. Горки, имея задачей наблюдать направление на мест. Свислочь. 9-я дивизия 5-го корпуса красных**) в течение 24/IX вела уполный бой с превосходными силами противника и к 6 часам 25/IX перешла к обороне, заняв участок м. Блонь—Сл. Боровая исключительно. С рассветом 25/IX противник возобновил атаки по всему фронту 9-й дивизии, нанося главный удар на мест. Блонь. При содействии бронепоезда из района ф. Подблонье и артгруппы из ф. Сиротки до 7 часов 25/IX все атаки на м. Блонь были отбиты.

Штадив 9—Избище.

Комкор приказал: 3-й стрелковой дивизии с 1-й кав. бригадой***) под общим начальством Начдива 3 стрелковой выступить из занимаемого района с расчетом прибыть пехотой главных сил к 14 часам 25/IX в м. Пуховичи с задачей поддержать правый фланг 9 дивизии в районе м. Блонь, действуя в охват противника, атакующего м. Блонь по направлению ф. Цешково—ф Пронули—ф. Топило—Скробовка.

Подтверждается необходимость иметь в виду сведения о противнике, указанные в ранее данной директиве****).

*) 5-го корпуса красных.

**) Левый сосед 3-й красной дивизии.

***) В составе 1 и 2 кавполков.

****) Указана выше.

Высылка частей не более эскадрона, роты и команды из района Лапичи разрешается не ранее $6^1/_2$ часов 25/IX.

Конные части для разведки разрешается высылать не ранее 20 часов 24/IX" (приложен. № 1).

Для *синей* стороны:

„Правофланговая 6-я дивизия 1-го корпуса синих к 6 часам 25/IX втянулась в бой с превосходными силами противника и развернулась на фронте сл. Боровая—Новоселки—м. Блонь, вынудив противника перейти к обороне на этом фронте. Все попытки дивизии овладеть мест. Блонь до 7 час. 25/IX были безуспешны. Штадив—Дричин.

Воздушная разведка в течение 24/IX обнаружила присутствие мелких частей в районе ст. Городзянка и сосредоточение значительных конных сил в районе Изборск—Верейцы—з. Ораны (Вечки), что 10 в. юго-вост. Лапичи и присутствие значительных сил в районе м. Лапичи (фотограмметрические снимки указывают присутствие артпарков).

По дороге на Якшицы у Горки по сведениям местных жителей находятся мелкие части противника.

Комкор приказал: 1 стрелковой дивизии выступить в район м. Пуховичи с расчетом подойти к этому пункту головой колонны главных сил к 14 часам 25/IX, имея общей задачей содействовать левому флангу 6-й дивизии, атакующей м. Блонь, действуя на направлении Турино—Пуховичи—з. Ровчак (6 в. юго-зап. Пуховичи).

2-й стрелковой дивизии*) к 13 час. 25/IX перейти в г. Игумен, прикрывая направление Игумен—Якшицы. Штакор-Игумен. Высылка частей до роты, эскадрона и команд включительно разрешается не ранее 13 часов 24/IX. Линия крайнего достижения на 24|IX Слобода—Притыка—Турино—з. Лысая Гора—Уголец - р. Волма—З. Березанка—Лучное—Дерт, с этой линии не могут двигаться далее до 8 час. 25|IX. Главные силы дивизии в течении 24|IX могут достигнуть линии Клинки—Иваничи—Дерт. На 25|IX выступление с расчетом прибыть главными силами в Пуховичи к 14 час.“ (прил. № 1).

Таковы были дополнительные указания об обстановке и задачах, преподанные главным руководством обеим сторонам.

Оценка сложившейся общей обстановки приводит к следующим соображениям:

1) Общие задачи столкнувшихся неприятельских корпусов остались прежними: опрокинуть авангардную дивизию противника и развивая успех дальнейшим энергичным наступлением, овладеть жел.-дор. узлом (Минск—Бобруйск); так как оба эти ж д. узла имели очень важное значение для сосредоточения спешно прибывающих крупных сил (они являлись головными пунктами высадки войск), то быстрая ликвидация их ставила в тяжелое положение сторону, владевшую узлом, и давала крупное преимущество противной стороне.

2) Общий характер поставленных обеим сторонам задач властно требовал от исполнителей энергичного и быстрого продвижения вперед с целью, опрокинув преграду (авангардную неприятельскую дивизию) навалиться затем всеми силами на малоподготовленные к бою рассредоточенные главные силы неприятеля. Так как по имевшимся сведениям каждая из сторон знала, что передовые силы противника двигаются в район Пуховичи с целью овладеть этим местечком и его районом, как базой для дальнейших действий в направлении железнодорожных узлов, то становилась совершенно очевидной полная необходимость быстрого овладения районом Пухо-

*) Того же корпуса синих.

вичи. Это тем более становилось необходимым, что южнее Пуховичи, в районе м. Блонь уже завязались упорные бои двух столкнувшихся дивизий (левый сосед 3-й стрелковой дивизии красных—9 дивизия и правый сосед 1-й дивизии синих—6-я дивизия), из которых 9-я дивизия с рассветом 25/IX перешла к обороне, упорно отбивая все атаки превосходных неприятельских сил. Победа синих на этом участке (м. Блонь—Сл. Боровая) грозила красным потерей и района Пуховичи; несломленное быстро упорство 9 красной дивизии затрудняло синим овладение Пуховичами, облегчала красным подход к м. Пуховичи и его занятие и вообще вело к потере столь драгоценного в данных условиях времени.

Отсюда еще раз вытекает для каждой из сторон важность крайне быстрого овладения районом Пуховичи, что и являлось ближайшей целью действий обеих сторон. В дальнейшем—удар на Минск для красных и на Бобруйск—для синих (конечная цель).

3) Обращаясь к сторонам в отдельности, следует учесть:

а) сторона красных имела превосходство в силах и, главным образом, в кавалерии (три кавалерийских полка красных против одного кавполка синих); это давало в руки начдива 3 красной преимущество в организации сильной разведки затруднением деятельности неприятельской разведки и возможности энергичных действий кавалерийской массой;

б) левый фланг синих не имел соседа и требовал со стороны начдива 1-й синей особых забот по его обеспечению *), (расход части сил, ослабление главного направления); обстоятельство это, невыгодное для синих, являлось выгодным для красных и диктовало начдиву 3-й красной обход левого фланга синих (т. е удар на Пуховическом направлении в обход м. Пуховичи с северо-запада), выполнение этой задачи, естественно, целесообразнее было возложить на превосходную в силах конницу красных.

Вместе с тем, непосредственный удар на Пуховичи (бой за переправу), как единственно могущий дать быстрый по времени результат, отнюдь не теряет свое значение и на его организацию и проведение необходимо обратить особое внимание.

4) Намечавшееся в середине дня 25/IX столкновение сторон носило определенные признаки преднамеренного встречного боя. Выигрыш его обеспечивал возможность дальнейшего развития успеха энергичными действиями на вышеупомянутые железнодорожные узлы. Считаясь с характерными особенностями такого боя, следовало:

а) овладеть рубежом, выгодным для собственного и невыгодным для неприятельского развертывания; таковым рубежом для обеих сторон являлся район м. Пуховичи с переправами на р. Свислочь;

б) повести усиленную разведку и затруднить таковую же противнику: в этом отношении преимущество было на стороне красных, как располагавшей большим количеством конницы. Наличие у каж-

*) Сосредоточение к 13 ч. 25/IX в районе Игумена 2 стрелковой дивизии не являлось достаточным обеспечением левого фланга 1-й дивизии.

дого из противников авио-средств требовало надлежащей организации и этого, крайне ценного при данной обстановке, вида разведки;

в) при развертывании ввести в бой сразу решительные силы и выставить на поле боя всю наличную артиллерию;

г) учитывая возможность разрушения противником моста через р. Свислочь у м. Пуховичи, заблаговременно озаботиться принятием мер для устройства переправ в этом месте.

5) Так как оба комкора приказали своим авангардным дивизиям при ударе на Пуховичи иметь в виду, как общую задачу, содействие своим южным соседям, то надлежало, разрешая эту задачу, решить вопрос, что явится более целесообразным:

а) повести ли бой по овладению Пуховичами всеми наличными силами, или же часть их выделить в район мест. Блонь для непосредственной поддержки южного соседа. Учитывая принцип сосредотачивания сил для действий на важнейшем направлении и возможность маневрирования (по овладении и закреплении за собой района м. Пуховичи) с целью удара во фланг неприятельской дивизии, действующей против южного соседа, казалось бы более правильным выбор первого способа действий, что особенно приложимо к стороне красных.

Вышеприведенные соображения, вытекающие из изучения сложившейся обстановки, являются естественными основаниями решений обоих начдивов, а потому, с точки зрения этих последних, являлось целесообразным;

Для *красной* стороны—1) заблаговременно выбросить вперед достаточно сильную конную часть с пулеметами для захвата и удержания до подхода своей пехоты переправ у м. Пуховичи и выше по р. Свислочь.

2) За вычетом расхода на разведку и на овладение переправами, остальную конницу пустить в обход Пуховичи с северо-запада для действий во фланг и тыл противнику, наступающему на м. Пуховичи.

3) Сосредоточенным ударом всей дивизией быстро овладеть районом Пуховичи (ближайшая задача); по овладении и закреплении за собой—преследование опрокинутой дивизии противника (1-й синей) с одновременным ударом во фланг и тыл 6-й дивизии синих, атакующей в районе Блонь 9-ю красную дивизию (последующая задача); наступление в Минском направлении для овладения ж. д. узлом (конечная задача).

4) Как движение (подход к полю боя), так и самый бой сопровождать энергичной разведкой, широко использовав для этого конницу и авио-средства.

Для *синий* стороны:

1) аналогично пункту 1-му для красной стороны;

2) организовать наблюдение за необеспеченным левым флангом, использовав для этого часть своей конницы (занятие переправ на р. Свислочь выше Пуховичи); для обеспечения фланга иметь пехотный уступ;

3) решительным ударом овладеть м. Пуховичи и переправой здесь через р. Свислочь (ближайшая цель); в дальнейшем, действуя частью сил по западному берегу реки Свислочь, нанести удар по правому флангу 9-й дивизии красных, остальными силами продолжать теснить опрокинутую у м. Духовичи 3-ю красную дивизию (последующая цель); наступление на Бобруйский ж. д. узел с целью его захвата (конечная задача).

4) аналогично пункту 4 для красной стороны.

Маневр 25 сентября.

Распоряжения начдива 3-й красной.

Для разрешения поставленной ему комкором задачи, начдив 3 вечером 24/IX (в 22 ч. 40 м.) отдает свой основной приказ дивизии № 06/оп, коим предписывалось:

9-му полку с приданной ему сапротой выступить из занимаемого района *) и двигаться на Пуховичи с рассчетом пройти р. Болочанку в 11 час. 25/IX, атаковать м. Пуховичи в 14 часов и овладеть им.

8-му полку двигаться на м. Блонь (с рассчетом пройти р. Осов в 11 час. 25/IX, имея задачей атакой на м. Блонь поддержать части 9 дивизии красных. С 24 часов 24/IX в оперподчинение комполка 8 переходил бронепоезд, находившийся на станции Талька.

7-му полку двигаться на Пуховичи с рассчетом пройти р. Болочанку в 13 час. 24/IX и остановиться в ф. Фрибесов, где и ожидать дальнейших распоряжений.

Коннице (1 кавбригада в составе 1 и 2 кавполков, 3 кавполк и одна легкая батарея) к 7 час. 25/IX выдвинуться в район з. Гомановка—з. Рожище—з. Залесье—д. Дуковка и усиленно разведывать в полосе, ограниченной с востока линией ст. Уборок—д. Очиса—г. дв. Игуменка—д. Дин, с юго-зап. ж. д. Минск-Бобруйск и с с.-з. д. Дин—Буда-Туре.

Артиллерии (2 легких и 2 гаубичных батареи, 8 легких пушек и 8 гаубиц), по выделении одной легкой батареи в распоряжение комбрига 1 кав., с остальной артиллерией двинуться на Пуховичи с расчетом пройти р. Болочанку в 11½ час. 25/IX; после этого остановиться и ожидать дальнейших распоряжений (приложение № 2).

Таковы задачи, которые начдив 3 поставил подчиненным частям.

Оценивая по существу вышеприведенный основной приказ, необходимо отметить следующее:

1) Начдив 3 разделил свои силы на две части; большая из них (2/3 сил) двинута на Пуховичи с задачей овладения ими, меньшая (1/3 сил) на м. Блонь с задачей „атакой на этот пункт поддержать 9-ю дивизию". Нам представляется, что подобная разброска сил не рациональна и не отвечает духу поставленной задачи. Учитывая важность крайне быстрого занятия м. Пуховичи с его районом, явля-

*) К вечеру 24/IX вся 3 дивизия красных была сосредоточена в районе м. Лапичи.

лось (как мы уже говорили выше) более целесообразным бросить все силы на м. Пуховичи—а затем, действуя отсюда *маневром* (удар во фланг и тыл 6 неприятельской дивизии), облегчить положение 9 красной дивизии. Подобный маневр привел бы к лучшим по масштабу и скорым по времени результатам, нежели выделение одного полка в район расположения 9 дивизии. Этот полк неминуемо оторвется от своей дивизии и, разделенный от нее большим расстоянием выскользнет (за трудностью установления связи) из рук своего Нач-



дива (так оно фактически и было). Уж если Начдив 3 решил помочь 9-й дивизии выделением на ее участок части своих сил (чем кстати ослабил себя на основном своем направлении), то проще и удобнее ему было прямо передать 8 полк в подчинение Начдиву 9.

2) Задача коннице формулирована неясно; ей дана полоса для разведывания—и только. Но разве Начдиву 3 не были интересны определенные направления и пункты в районе к северу и северо-западу от м. Пуховичи? Разве не важно было для него установить, где кончается левый фланг противника, есть ли у него тесный смык с его левым соседом, нет ли здесь прорыва? И, разве, наконец, захват и удержание за собою переправ на р. Свислочь на участке севернее м. Пуховичи не являлось существенно необходимым, как обеспечивающим свободу и безопасность действий? Думается, что все эти вопросы не могли не обратить на себя внимания Начдива 3. И, действительно, уже с утра 25/IX Начдив 3 дает дополнительные задания коннице, как раз трактующие вопросы, затронутые выше. Ему приходится отдавать спешные распоряжения и о разведке определенных направлений (на Игумен), и об обследовании переправ на р. р. Свислочь и Волма и об атаках по переправе через эти реки противника с тыла (т. е. опять-таки об обходном движении конницы, о чем мы говорили выше и к чему в конце концов перешел и Начдив 3). Ниже мы еще остановимся на этих распоряжениях, а

пока считаем нужным подчеркнуть, что неудачная формулировка первоначально поставленной коннице задачи привела к необходимости Начдива 3, потеряв время, в дальнейшем использовать конницу более правильно. Это можно было бы сделать сразу (в основном приказе), в результате избегалась потеря времени и лишнее мотание конницы.

3) Запрещение (согласно распоряжения главного руководства) высылать части крупнее роты, эскадрона и команд ранее 6 1/2 час. 25|IX было нарушено. Расстояния от ночлегов полков до пунктов их следования равнялось: для 9 полка—25 верст (10 час. ходу), для 7-го полка 30 верст (12 часов) и для 8 полка 36 верст (14 часов). До пунктов, которые эти полки должны были пройти в установленный приказом час, расстояние было: 9 полк—15 верст (8 час.), 7 полк—25 верст (10 часов) и 8 полк 30 верст (12 часов); следовательно, чтобы 9 полк мог пройти р. Болочанку в 11 часов 25|IX ему надо было выступить с ночлега в 5 часов 25|IX, 7 полку в 3 час. 25|IX и 8 полку—в 11 час. 24|IX. Фактически так и было на самом деле, следовательно условие, поставленное главным руководством, Начдивом 3 выполнено не было. Сроки, регулирующие движение частей, были указаны Начдивом 3 с той целью, чтобы части (9 полк) уже в 14 час. 25|IX атакой овладели м. Пуховичи; главное же руководство требовало лишь подхода к 14 ч. 25|IX головной колонны главных сил к м. Пуховичи. Таким образом Начдив 3 слишком поторопился, а в результате части из-за раннего под'ема, естественно, не отдохнули, и еще больше утомились благодаря ночному маршу; в предвидении же боя следовало бы возможно больше поберечь силы бойцов.

В силу вышеприведенных соображений по существу разобранного приказа нам представляется, во-первых, более правильным решение, основанное на действиях дивизии по овладению м. Пуховичи сосредоточенно, всеми силами; помощь южному соседу оказать не высылкой ему полка, а решительным маневром на м. Блонь в обход с севера, тем более, что это прямо требовалось приказанием Комкора, гласившим: „прибыть пехотой главных сил к 14 час. 25|IX в м. Пуховичи с задачей поддержать правый фланг 9 дивизии в районе м. Блонь, *действуя в охват противника*, атакующего м. Блонь, *по направлению ф. Цешково—ф. Пронулю—ф. Топило—ф. Скробовка*". Во вторых, свободную от нарядов на ближнюю разведку конную массу, по занятии переправ на р. Свислочь севернее м. Пуховичи, бросить в обход с севера района Пуховичи—Блонь, в общем направлении на Турино—Скробовка, для действий во фланг и тыл 1 дивизии синих.

В исполнение приведенного приказа части 3 дивизии, совершив переходы, к середине дня подошли в указанные им пункты, причем 1-й кавполк, выполняя свою задачу, занял в 11¼ час. 25|IX м. Пуховичи, выбросив вперед раз'езды, вскоре вступившие в соприкосновение с противником—его конницей и пехотой. К 13 час. подошедшей к м. Пуховичи неприятельской пехотой (один батальон) конница красных была оттеснена на восточный берег р. Свислочь; при этом

мост условно сгорел. Таким образом, к 13 час. 25|IX м. Пуховичи оказались в руках синих.

Около этого же времени к уничтоженной переправе у м. Пуховичи подошел и 9 полк, ставший перед задачей форсировать р. Свислочь. Завязалась ружейная перестрелка. Артиллерия дивизии подтягивалась и занимала позиции по восточному берегу реки Свислочь в районе переправы. Следует отметить неналаженность в этот момент действий, причиной чему служили как отсутствие Начдива (не было об'единяющего начала), так и невыясненность взаимоотношений Комполка 9 и старших артначальников.

7 полк получил отданное Начдивом из з. Болочанка в 11 час. 45 мин. приказание остановиться в районе з. Подберезье. С 8 полком связь была быстро *утрачена* и потому сведений о нем не имелось (что Начдив 3 и был вынужден констатировать в своем приказе № 7 от 14 ч. 20 м. 25|IX).

Что касается конницы, то распоряжением от 11 час. 45 мин. 25|IX Начдив 3 приказывает ей выдвинуться в Хидра, откуда повести усиленную разведку в сторону Игумена, обследовав переправы через реку Свислочь и р. Волма на участке Пуховичи—Уголец—Турино и „имея в виду переправой через указанные реки атакой противника с тыла обеспечить успех дивизии“. Таким образом, боевая действительность быстро привела Надчива 3 к активному и более рациональному использованию своей превосходной по сравнению с противником конницы. Недостаточно далеко выдвинув в начале конницу (в район з. Гомановка—з. Рожище—Дуковка, 10 верст от района расположения дивизии), Начдив 3 уже с утра 25|IX вынужден передвинуть ее далее, но при этом опять таки действует нерешительно, передвигая ее на какие нибудь 5 верст. В результате—потеря времени, перемена задач, мотание конского состава. Действуя более решительно, Надчив 3 избег бы всего этого, дав коннице сразу те задачи, к которым Начдив 3 пришел вскоре сам-же (утром дня столкновения). Приходится еще раз подчеркнуть, что благодаря нерешительному в самом начале использованию конницы, Начдив 3 утром 25|IX был в общем с завязанными глазами и руками, что подтверждается последующим приказанием Начдива своей коннице (от 13 час.), в котором предписывается, ввиду получения сведений о переправе противника через реку Свислочь у Межыречье и его попытках продвинуться на юг и юго-запад, усиленно разведать район Межиречье—Уголец—Очижа—з. Костин—Рог—Варшава и быть готовым к атаке неприятеля в направлениях Хидра—Уголоц—Турино—и Хидра—Варшава—Межиречье. Таким образом мы видим, что утром 25|IX конница почти через каждые 2 часа получает новые задания, постепенно продвигающие ее на запад (к р. Свислочь). Создается впечатление, что использование конницы носит характер прямой зависимости от деятельности противника (пассивность). Опять таки приходится сказать, что дай Начдив 3 сразу в основном своем приказе задачу коннице выдвинуться с утра 25|IX на западный берег р. Свислочь, он получил бы

достаточное освещение о том, что делается в районе к северу от Пуховичи; не сыпались бы тогда на конницу многочисленные (и все же нерешительные) новые задачи, не было бы попыток неприятеля распространиться по восточному берегу р. Свислочь. Не моталась бы конница, правильно работая, не нервничал бы и Начдив, явно беспокоившийся за свой правый фланг. А между тем, в этом именно районе Начдив 3 мог и должен чувствовать себя хозяином положения.

Бежавший из плена красноармеец разведывательного эскадрона 2-го кавполка сообщил, что большие пехотные силы противника около 13 часов 25/IX переправились через р. Свислочь у Межиречье. В 13 ч. 40 м. в штадиве 3 получено подтверждение этих сведений с добавлением, что переправившийся неприятель пытается распространиться по восточному берегу реки Свислочь в южном и юго-западном направлениях. Это обстоятельство, также как необходимость овладеть м. Пуховичи, выбив оттуда противника, побудило начдива 3 в 14 час. 20 м отдать второй по счету приказ № 07, в коем приказывалось:

8 полку, немедленно сменив части кавполка у м. Пуховичи и обеспечив за собою переправу через р. Свислочь, овладеть районом Цешково—ф. Пронулю—ф. Топило.

9 полку—поддержав одним баталионом 1-й кавполк, опрокинуть противника у м. Пуховичи, прочно обеспечивая переправы через р. Свислочь. Остальным двум баталионам с двумя легкими артбатареями оставаться в дивврезерве в ф. Фрибесов.

7 полку—выступить немедленно из занимаемого района навстречу противнику, двигаясь по дороге на Межиречье—Уголец—Турино.

1-й кавбригаде—стремительной атакой в направлении Варшава—Нов. Слободка—Межиречье, уничтожить противника в указанном районе, содействуя успеху 7 полка.

Артиллерии—сильной огневой поддержкой „обеспечить“ переправу у м. Пуховичи, выделив в распоряжение комполка 7 две легких батареи.

Решение, принятое начдивом 3 в части использования 8 полка вполне правильно, отвечая условиям сложившейся обстановки. Бой за обладание м. Пуховичи затянулся, а между тем переправиться на западный берег р. Свислочь, овладев Пуховичи, и при этом возможно быстрее, являлось жизненной необходимостью. Притягивая сюда 9 полк, начдив тем самым усиливает себя на главном, своем (Пуховическом) направлении и получает возможность нанести сильный сосредоточенный удар. Задача, поставленная начдивом 3, 9 полку также вполне правильна. Именно в этом (на Топило-Скробовка) направлении и следует развивать маневр. На то, что 9 полк не следует отрывать от дивизии, также как и на то, что он пригодился бы для маневра в обход района м. Блонь с севера в направлении на ф. Цешково—Скробовка, мы выше неоднократно указывали, добавляя, что начдиву 3 надлежало сразу в своем основном (№ 06) приказе дать 9 полку ту же задачу и то же направление действий (совместно с другими частями дивизии), что дает начдив 9 полку теперь, когда поте-

ряно даром время и бесцельно совершен громадный переход. Все же, лучше поздно, чем никогда.

Выдвижение целого стрелкового полка (7-го) с двумя артбатареями навстречу, якобы, переправившемуся у Межиречье противнику (силы которого, кстати, не были к этому времени выяснены) являлось преждевременным. В конце концов и силы неприятеля могли оказаться малыми, да кроме того, ведь вся конница получила задачу очистить этот же район. Вот, если бы выдвинутая для уничтожения противника конница донесла бы о действительно значительных неприятельских силах, ну тогда, понятно, пришлось бы принять иные меры по ликвидации такого обхода своего правого фланга. Может быть, пришлось бы выдвинуть 7 полк. а м. б., пришлось бы совершить и более значительную перегруппировку всей дивизии.

Разделенные у м. Пуховичи р. Свислочь, которая в сентябре месяце представляет значительную преграду для движения войск, обе стороны—синие, занявшие западный (высокий) берег и красные, рассыпавшие свои цепи по восточному (низменному) берегу, с 13 часов вели редкую ружейную перестрелку с такой же редкой артстрельбой со стороны красных, установивших часть своих батарей.

К 15 час. 25/IX части красных занимали: 1 кавбригада (без 1-го кавполка)—Межиречье, 7 полк—Слободка—г. дв. Антонополь, 9 полк—на вост. берегу р. Свислочь по обе стороны переправы у м. Пуховичи; 8 полк закрепился на южном берегу р. Цитовка у м. Блонь; 1-й кавполк в Хидра.

С целью дать отдых войскам, а также и для отдания новых указаний сторонам, главное руководство распорядилось: 1) начиная с 15 час. 25/IX маневр считать приостановленным впредь до особого распоряжения; 2) частям, вошедшим в соприкосновение с противником, поддерживать в течение ночи редкий ружейный огонь, а артиллерии через каждый час выпускать по одному снаряду, 3) разрешается высылка мелких разведпартий.

На этом и кончился маневр красной стороны в день 25/IX.

Оценивая действия красной стороны, надлежит отметить нижеследующее:

1) Работа управления в области замысла боя и его проведения разобрана уже выше, а потому, во избежание повторения, следует оттенить, что командование 3 дивизии, совершенно правильно установив всю важность быстрого овладения м. Пуховичи, приняло для этого несколько нерешительный план действий. Нерешительность эта проявилась в неотвечающей обстановке первоначальной группировке сил (рассредоточении их) и в постановке слишком узких, пассивных задач коннице (превосходной по сравнению с противником). Очень скоро (с утра 25/IX) боевая действительность вынудила начдива 3 встать на правильный путь действий, что, однако, явилось уже несколько запоздалым.

Принятая организация подхода к полю боя (марша) дала в результате подход дивизии на черезчур широком фронте, что, в числе

прочих невыгод, имело своим следствием затруднительность управления.

В момент выхода к переправе у м. Пуховичи 7 полка, начдив 3 находился в тылу (в з. Болочанка). В этот решительный момент, когда требовалось присутствие старшего начальника, дабы об'единить действия командиров кавалерийского (1-го) и пехотного (9-го) полков и выехавших сюда на разведку артначальников, место начдива 3, по нашему мнению, было у переправы

2) Служба войск:

Конницы. В день маневра 25/IX конница работала много и напряженно. Видно было желание принести пользу своей пехоте, искреннее стремление возможно лучше выполнить поставленную задачу. И комсостав, и рядовые красноармейцы работали сознательно, стремясь разобраться и в обстановке, и в смысле полученных заданий.

2-й Кавполк в целом не принимал участия в операции 25|IX, выслав лишь два разведывательных эскадрона. 1-й кавполк получил задачу занять с утра 25/IX переправу у м. Пуховичи и удержать ее до подхода пехоты. В исполнение полученного приказания полк, выступив в 6 час. 25/IX, при подходе к з. Болочанка получил сведения, что переправа через р. Свислочь у м. Пуховичи занята конной разведкой противника. Комполка выбрасывает вперед на широких аллюрах один эскадрон с приказанием выбить неприятеля и удержать переправу до подхода полка. В 11 ч. 15 м. этот эскадрон, после короткого огневого боя, занял переправу. В 12 ч. остальные части полка заняли м. Пуховичи, и вышеуказанный эскадрон был выдвинут на северную окраину. В $12^1/_2$ час. неприятельский баталион с пулеметами оттеснил этот эскадрон. Под давлением противника 1 кавполк вскоре отошел на южную окраину м. Пуховичи, выставив 3 пулемета по дороге из м. Пуховичи к переправе. К этому же времени сюда подошла пешая разведка 9 полка (60 штыков). В $13^1/_2$ час. неприятель, видимо усилившийся, повел энергичное наступление и вскоре вынудил 1 кавполк отойти за переправу. Следует отметить, что 1 кавполк не проявил должного упорства в этом бою, чему виной являлись нерешительные и нецелесообразные действия командира полка. Так, при отходе полка на южную окраину м. Пуховичи (к кладбищу) комполка оставил полк стоять в конном строю, разбросанным по эскадронно (фактическое бездействие). В силу этого, противник беспрепятственно развернулся по выходе на южную окраину Пуховичь. На лицо явное неуменье вести бой за переправу (спешивание и огневой бой игнорируются совершенно, а ведь только это в состоянии дать необходимый выигрыш времени).

При разведывательной службе раз'езды, и большие, и малые— зачастую увлекались атаками в конном строю, сплошь и рядом, на гораздо сильнейшего противника и вообще в условиях, явно невыгодных для атаки. Увлечение это шло в разрез с прямой задачей и это несоответствие было настолько очевидным, что сами же командиры

взводов и эскадронов и рядовые красноармейцы, когда с ними приходилось беседовать на эту тему, охотно признавали свою ошибку.

Пехота. Неналаженность связи между частями походного порядка; в бою — шаблонные боевые порядки („от — до"), отсутствие гибкости в маневрировании; неумение массировать пулеметы, закоренелая привычка разбрасывать их по линии без вдумчивого отношения к наилучшему использованию пулеметного огня; непродуманность в организации непрерывного питания огнестрельными припасами. Отсутствие навыка в правильном применении других родов оружия. В бою за обладание м. Пуховичи приказанием соответствующего пехотного начальника должен был принять участие *саперный* взвод, шедший с головной заставой. Такое применение специальных войск в качестве боевой силы в данном случае обстоятельствами совершенно не оправдывалось. Были случаи, когда саперы назначались в прикрытие артиллерии и обозов. Все это—последствия неумения правильно применить мало знакомый род оружия.

Артиллерия: вопрос связи с пехотой (взаимодействие) не разрешен полностью. В большинстве случаев все ограничивается установлением материальной связи; общего же мышления, языка, тесного боевого общения—нет, по крайней мере то, что было выявлено в этом направлении, недостаточно.

Не обращалось должного внимания на выбор и заблаговременное оборудование запасных наблюдательных пунктов.

Распоряжения Начдива 1 синей, ход маневра.

Обратимся теперь к 1-й дивизии синих, являвшейся противником 3-й дивизии красных.

Согласно вышеприведенных заданий главного руководства, дивизии надлежало выступить в район м. Пуховичи с рассчетом подойти к этому пункту головой колонны главных сил в 14 час. 25|IX, „имея общей задачей содействовать левому флангу дивизии, атакующей м. Блонь, действуя на направлении Турино—Пуховичи—з. Ровчак".

Оценивая создавшуюся обстановку и полученную задачу, Начдив 1-й синей устанавливает следующее:

1). дивизия, подходя к полю боя, совершает фланговый марш в недалеком от противника расстоянии. Следовательно, необходимо обратить особое внимание на безопасность марша;

2) непосредственный сосед имеется лишь на правом фланге; слева дивизия такого соседа не имеет, а потому левый фланг обеспеченным считаться не может, если не считать за обеспечение сосредоточение в Игумене другой дивизии корпуса к *13 ч. 25|IX*, т. е. к середине дня, с рассветом которого начинается операция. Появление же в районе левого фланга передовых конных частей противника возможно, начиная с вечера 24|IX.

3) Местность района действий делится на две половины: северную—лесисто-болотистую, вполне закрытую, мало пригодную для действий на широком фронте; в этой полосе дивизия совершает свой

подход к полю боя (скрытый подход); вторая—южная половина удобна для широких боевых действий. Параллельно движению дивизии (на левом фланге) протекают р. р. Волма и Свислочь, что является благоприятным обстоятельством при условии занятия переправ на них.

4) Предстоящее столкновение—преднамеренный встречный бой; значит—развертывание на выгодном рубеже, ввод в бой решительных сил, энергичный натиск, принуждение противника к обороне. Линия столкновения отчасти предрешена необходимостью в указанный срок подойти главными силами к м. Пуховичи; вполне вероятно, что в это же время сюда подойдет и противник; следовательно—неизбежен бой за обладание Пуховичи. Важно ли Начдиву 1 захватить Пуховичи и удержать их за собой? Думается, что важно, так как м. Пуховичи является узлом дорог и имеет две переправы—по одной через р. Свислочь и р. Цитовка. Обладание м. Пуховичи обеспечивает возможность действий по всем направлениям, сообщая устойчивость наиболее важному Пуховичи—з. Ровчак, по которому дивизии надлежит действовать в исполнение своей задачи по оказанию содействия южному соседу (6-й дивизии).

5) У неприятеля превосходство в силах, в особенности в коннице, что следует учесть, исходя из возможности действий этой конницы в районе левого, плохо обеспеченного фланга.

6) Поставленная задача в связи с сложившейся обстановкой требует быстроты исполнения и энергии действий; отсюда подход узким фронтом и сосредоточенный, сильный удар.

7) Общая задача—содействие левому флангу соседа (6 див.), тщетно пытающемуся сбить 9 красную дивизию; для достижения максимума результатов в наиболее короткий срок целесообразнее всего навалиться на правый фланг противника ею (9 дивизией); обход фланга и распространение в тылу понудят противника к отходу; отсюда—направление главного удара Пуховичи—з. Ровчак. Это направление д. б. обеспечено вводом в действие здесь превосходных сил с целью добиться успеха возможно быстрее, иначе (в случае затяжки боя) обход района Пуховичи с севера 3 неприятельской дивизией с ее превосходной конницей могут не только сорвать успех, но и вообще поставить 1-ю дивизию синих в положение, близкое к окружению.

Таковы, в общем, те соображения, которые должны быть учтены Начдивом 1-й синей при принятии им своего решения.

Это решение выявлено Начдивом в его приказе № 02|оп|ман, подписанном в 2 ч. 25|IX.

В этом приказе частям дивизии предписывается:

3-ему полку в 6 час. 25|IX выступить по маршруту Пальчик—Уголец—Лысая Гора—г. дв. Нов. Волоки, составляя боковой авангард походного порядка дивизии. Не позднее 10 час. 30 мин. выйти главными силами полка к г. дв. Нов. Волоки, откуда выдвинуть передовые части для занятия переправ через р. Свислочь у Межречье, ф. Глушки и м. Пуховичи, ведя тщательную разведку в направлении з. Пястунь—Хидра—Болоча—Варшава. По занятии исходного поло-

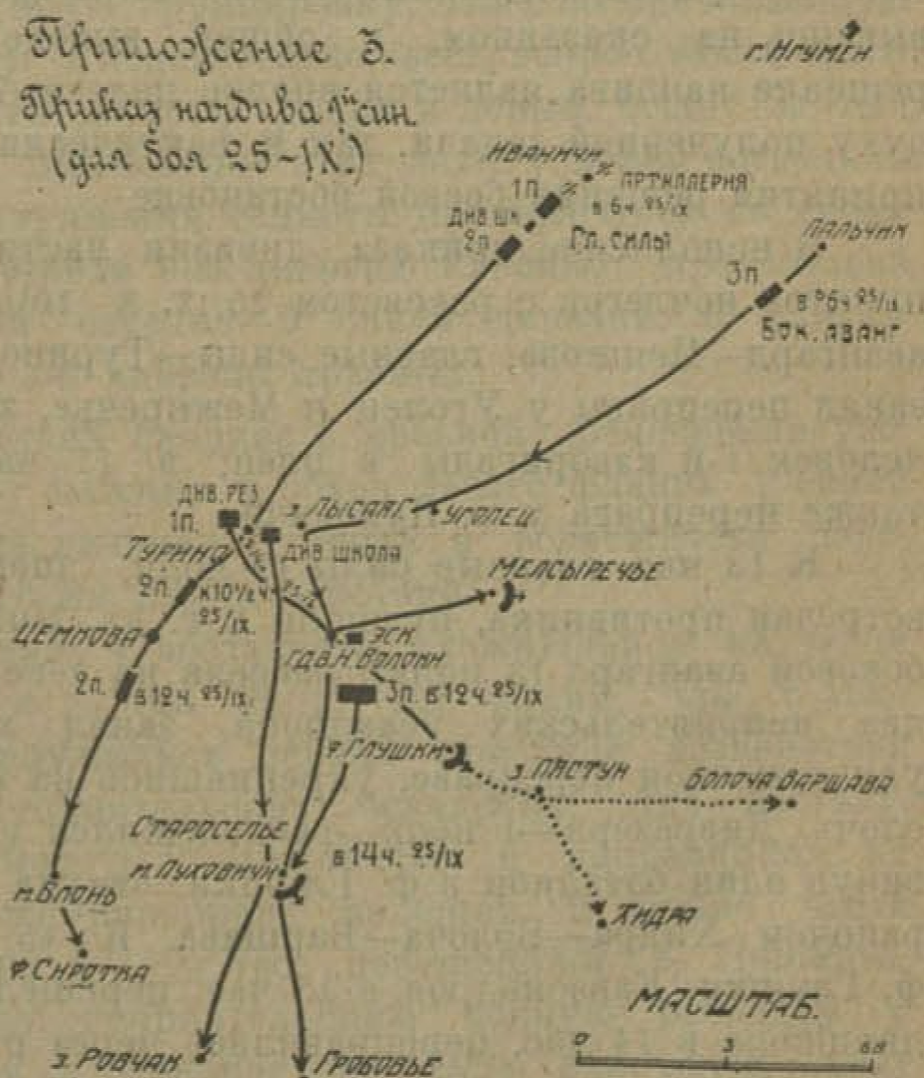
жения на высотах, что юго-вост. госп. дв. Нов. Волоки в 12 час. перейти в решительное наступление к югу и, пройдя в 14 час. м. Пуховичи, двинуться в направлении на Гробовье, прикрывая операцию остальных частей дивизии, действующих против правого фланга противника у м. Блонь.

2-му полку в 6 час. 25/IX выступить из Иваничи, выделив в авангард один баталион с легкой батареей*) по маршруту Иваничи—Турино—Цешкова, следуя головным полком главных сил дивизии. К 10 час. 30 м. подойти к Цешкова, ведя усиленную разведку на м. Блонь и з. Ровчак. По занятии исходного положения на высотах, что восточнее Цешкова в 12 час. перейти в наступление на ф. Сиротка и, заняв таковой, энергичным ударом на м. Блонь с юга содействовать успеху *6-й дивизии*.

Дившколе следовать с 2 полком до Турино, откуда по дополнительному приказанию перейти в наступление на Староселье—з. Ровчак, имея дальнейшей задачей выход на ж. д.**).

1-му полку следовать в главных силах за дившколой. По достижении Турино расположиться на большой привал и к 14 час. перейти в г. дв. *Нов. Волоки*, оставаясь в диврезерве.

Эскадрону выступить в 7 час. по маршруту Углец—Лысая Гора—г. дв Нов. Волоки и к 10 ч. прочно занять переправы через р. Свислочь у м. Пуховичи, ф. Глушки--Межиречье и удерживать таковые впредь до смены стрелковыми частями; разведывать в направлениях на з. Болочанка, Хидра, Волоча, Варшава. По смене у переправ стрелковыми частями, эскадрону сосредоточиться в г. дв. Нов. Волоки, ожидая дальнейших распоряжений.



Артиллерии следовать: одной батарее—в авангарде, остальным—за головным баталионом главных сил (приложение № 3).

Таким образом, согласно вышеприведенного приказа, дивизия, поднимаясь с ночлегов в 6 час. 25/IX, двигается двумя колоннами,

*) Подобную деталь считаем ненужным вмешательством в дело Комполка 2

**) Это последнее задание формулировано неясно, не определена цель действий.

выполняя фланговый марш и имея к стороне противника, помимо бокового авангарда, еще кавэскадрон. Оценивая приказ по существу, мы видим, что:

1) Дивизия подводится к полю боя узким фронтом, сосредоточенно, чем обеспечивается легкость управления.

2) На направлении Турино-Пуховичи, т. е. на главном, сосредоточивается почти вся дивизия (за исключением 2-го полка) с задачей действовать на Пуховичи (и далее на юг) со стороны г. дв. Нов. Волоки и Турино.

3) Центр тяжести замысла боя—удар от Пуховичи на правый фланг и тыл 9 дивизии красных (на ф. Сиротка и Гробовье). Достижение успеха на этих направлениях обещает дать скорые и решительные результаты.

4) Безопасность марша, поскольку позволяют наличные силы, обеспечивается предварительным занятием переправ на р. Свислочь у м. Пуховичи и севернее конницей, впредь до смены ее пехотой (частями 3 полка). Следует отметить, что конница использована правильно и при том активно.

5) Обеспечение в бою левого фланга дивизии достигается занятием м. Пуховичи и наличием за левым флангом диврезерва. Основываясь на сказанном, в общем выводе следует признать, что решение начдива является вполне целесообразным, отвечающим как духу полученной задачи, так и фактически сложившейся к моменту принятия решения боевой обстановке

В исполнение приказа дивизии части последней, выступив с пунктов ночлегов с рассветом 25/IX, к $10^1/_2$ час. достигли: боковой авангард—Цешкова, главные силы—Турино. Кавэскадрон в 9 час. занял переправы у Уголец и Межиречье, захватив здесь несколько человек 1-й кавбригады в плен; в 11 час. кавэскадроном занята также переправа у м. Пуховичи.

К 13 час. главные силы (2 полк, дившкола и артиллерия), не встречая противника, подошли к г. дв. Михалев. К тому же времени боковой авангард (3 полк), рассеяв на северной окраине м. Пуховичи два неприятельских эскадрона, занял местечко и подошел к уничтоженной переправе, укрепившись на западном берегу р. Свислочь. Диврезерв—1 полк—расположился в г. дв. Нов. Волоки, выдвинув один баталион в ф. Глушки, откуда повелось наблюдение за районом Хидра—Болоча—Варшава. К 15 час. 1 полк перешел в ф. Глушки. Кавэскадрон в 15 час. перешел в Цешкова. 2 полк и дившкола в 14 час. переправились через р. Цитовка у г. дв. Оттонов, после чего: 2 полк около 17 час. завязал бой с частями 8 полка красных у ф. Сиротка; дившкола к $15^1/_2$ ч., оттеснив к югу мелкие пехотные части противника, заняла Боровая Слобода, З. Ровчак, З. Новое Поле.

Таким образом, около 15 час. 25/IX положение дивизии рисуется следующим образом: на левом фланге 3 полк, усиленный одной батареей, занял м. Пуховичи, расположившись на зап. берегу р. Свислочь

вплотную перед уничтоженной переправой. Отсутствие переправы и расположение на командующем берегу позволяло 3 полку сдерживать продвижение значительных сил противника, стремившегося отобрать м. Пуховичи. Следовательно, пока что левый фланг дивизии держался прочно. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, надлежало развить энергичные действия в районе к югу от Пуховичи во фланг и тыл 9-й неприятельской дивизии. И мы видим, что к 15 ч. частями 1 дивизии синих занят район ф. Сиротка—Боровая Слобода—З. Ровчак, чем, конечно, создавалась серьезная угроза всей 9 дивизии и весьма возможно, что, развив маневр далее на юг и юго-запад, начдиву 1 удалось бы к наступлению темноты заставить отойти 9-ю дивизию, чем он и выполнил бы свою общую задачу. Весь вопрос заключался именно в быстроте развития успеха, в крайней энергии действий, ибо успех находился в прямой зависимости от обеспеченности левого фланга: пока он держался, можно было обратить все внимание и кинуть в бой решительные силы в районе своего правого фланга. Но поскольку достижение здесь успеха затянулось бы, то возможный обход крупными силами противника левого фланга дивизии вынудил бы начдива 1 синей приостановить дальнейшее продвижение к югу от м. Пуховичи и принять иную группировку, более обеспечивающую устойчивость левого фланга. Следовательно, весь вопрос заключался в упорстве 3 полка и стремительности удара в левый фланг и тыл 9 неприятельской дивизии. Выполнение этих двух условий позволило бы начдиву 1 синей до наступления темноты продержаться на своем левом фланге и заставить отойти 9-ю дивизию красных, предоставив затем доканчивать ее своей соседке—6 синей дивизии, а самому обратиться всецело против 3-й дивизии красных.

Нерешительность действий начдива 3 красной (отмеченная уже нами выше) по энергичному нажиму в обход левого фланга 1 синей дивизии благоприятствовала начдиву 1 синей в возможности доведения до конца намеченного им плана действий.

Действительно, обращаясь к обстановке, сложившейся на левом фланге 1-й синей дивизии к 15 час. 25/IX, мы видим, что только около этого времени обнаружились первые признаки воздействия красных, а именно, три неприятельских эскадрона, сбив заставу, переправились через р. Свислочь у Межиречье и направились на г. дв. Нов. Волоки; к той же переправе подошли и пешие части пр-ка *). Кавэскадрон синих к 15½ час. перешедший в Цешкова, своим раз'ездом обнаружил неприятельскую конную разведку у ф. Пронулю. Таким образом, к середине дня 25/IX намечался охват конницей со стороны Межиречье левого фланга дивизии. В руках начдива 1 синей оставалось средство, если не ликвидировать, то приостановить этот охват, выиграв нужное время для разрешения поставленной себе цели на своем правом фланге. Этим средством являлись диврезерв—1 полк и кавэскадрон, которые и получили

*) Части 7 полка красных.

задачу уничтожить противника, появившегося в районе г. дв. Нов-Волоки.

В 15 час. главное руководство, как уже упоминалось выше, приостановило маневр, и части 1-й синей дивизии к концу 25/IX заняли следующее исходное к следующему дню операций положение: кавэскадрон—ф. Пронулю, 2 полк—Цешкова с охранением от ф. Пронулю искл. до ф. Цешкова искл., дившкола—Староселье с охранением от ф. Цешкова вкл. до г. дв. Оттонов искл., 3 полк—м. Пуховичи с охранением по сев. берегу р. Цитовка от г. дв. Оттонов вкл. до переправы у м. Пуховичи вкл., 1 полк (дивревезерв)—в г. дв. Нов. Волоки с заставами на р. Свислочь у Межиречье, ф. Глушки и з. Лысая Гора.

Таков был ход маневров 25 сентября. Сутью поставленных задач и создавшейся обстановкой от сторон требовалось принятие смелого и активного боевого решения и стремительность в проведении его в жизнь. Обе стороны правильно учли необходимость энергичных и активных действий; учтено было также, что удар может дать максимальные результаты лишь при условии скоротечности его производства, так как заминка приводила к оттяжке достижения решительного успеха, а обстановка и общие задачи сторон требовали быстрейшего решения на фронте соседних дивизий (6 синей и 9 красной).

Поскольку, однако, это стремление выполнить поставленную общую задачу решительным ударом на правильно избранном главном направлении достаточно рельефно отразилось в распоряжениях начдива I синей, то сказать это же по отношению командования красной стороной не приходится; причиной является некоторая нерешительность первоначальных основных распоряжений начдива 3 красной, что являлось следствием недооценки всей важности энергичного охвата левого фланга синих в районе к северу от м. Пуховичи. Средство для этого имелось—конница, значительно превосходящая конницу противника (3 кавполка против одного эскадрона). Выброситься на западный берег р. Свислочь севернее м Пуховичи, раскрыть картину движения противника, замедлить это движение боем, висеть все время над ним, действуя по флангу и тылу, создавая непрерывную им угрозу,—таковые естественные задачи конницы в ее боевой работе с утра 25/IX. В результате она спутала бы рассчеты и планы неприятельского командования и отвлекла бы на себя значительную часть сил противника, что весьма облегчило бы начдиву 3 красной успешное нанесение решительного удара в направлении м. Пуховичи—Скробовка. Поддержанная же пехотой в своем охватывающем маневре, конница красных в состоянии была бы создать ощутительную угрозу окружения 1-й синей дивизии. Однако, как мы видели выше, начдив 3 красной не дал сразу (с вечера 24/IX) своей коннице этих задач; правда, с полудня 25/IX он стал на правильный путь использования конницы, но драгоценное время было уже упущено и появление в середине дня 25/IX передовых конных частей красных к западу от

Межиречье не дало того эффекта, которое оно могло бы дать, будь это хоть часов на 5—6 раньше. Это обстоятельство, также как и отрыв 8 полка на Блонь (рассредоточение сил, не оправдываемое обстановкой и задачей) на наш взгляд является основными недочетами работы управления красной стороны в завязке боя 25/IX.

В общем выводе, заканчивая обзор маневров 25/IX, следует признать, что сторона синих выявила несколько большую, по сравнению с красной стороной, активность, приняв боевое решение более отвечающее духу полученной задачи и сложившейся обстановки.

Маневр 26 сентября.

Задания сторонам.

По замыслу главного руководства, маневры 26 сентября должны были протекать в обстановке, в силу которой одна из сторон вынуждается вести бой в условиях, близких к окружению, а другая, следовательно, вести наступление с целью окружить и уничтожить неприятельскую группу войск. Кроме того, для ознакомления войск на практике с боевыми действиями танков их надлежало также ввести в этот день в дело, а так как таковой отряд был расположен на ст. Пуховичи, то во избежание прогулов танки принимали участие в бою под м. Блонь.

Исходя из вышеприведенных соображений, главное руководство к вечеру 25/IX разослало сторонам следующие приказания:

Стороне красных: „В течение 25/IX все атаки наших частей на фронт Пуховичи—Блонь—Новоселки не дали успеха. Все контр-атаки противника на тот-же фронт были отбиты. Противник закопался и перешел к упорной обороне. Командир корпуса приказал: 3 стрелковой дивизии, пользуясь сосредоточением сильной артгруппы на Пуховическом направлении, прорваться у Пуховичи и развить маневр в северо-западном направлении с целью ликвидировать наступление противника на м. Блонь. Для организации прорыва у этого пункта (м. Блонь) командиру 8 полка придан отряд танков. По ликвидации фронта Пуховичи—Блонь дивизии развить общее наступление в направлении на Скробовка“.

Стороне синих: „Все наши атаки на фронт Новоселки—Блонь—Пуховичи успеха не имели. В районе Блонь 2 полку удалось вклиниться в расположение противника, полк несет большие потери в людях. Комкор приказал: сосредоточить к 10 час. 26/IX сильную артгруппу и один из пех. полков дивизии против севзап. окраины м. Блонь с задачей содействовать 2-му полку ударом с севера на м. Блонь. Иметь ввиду, что в этом районе возможно появление неприятельских танков“.

К этому еще надо добавить: 1) начало маневров устанавливалось: для 3 дивизии красных у Пуховичи—в $8^1/_2$ час. и у Блонь—в 11 ч., и для 1 синей дивизии—в 8 час. 26/IX, 2) ввиду сильной усталости конского состава 1 кавбригада от маневров 26/IX освобождалась.

Таким образом, красные должны были наверстать то, что было упущено 25/IX, т. е. овладеть м. Пуховичами и развить маневр в обход левого фланга противника. Левофланговый полк 3 дивизии (8-й) также должен энергичным натиском прорвать неприятельский фронт у м. Блонь, для чего он усиливался четырьмя танками. В общем, 3-й дивизии красных с утра 26/IX предстояло энергичнейшее наступление по всему фронту. Что касается стороны синих, то, согласно задания, предстояло, пользуясь клином, вбитым в неприятельское расположение у м. Блонь, расширить зону прорыва путем сильного с севера удара на Блонь группой из 2-х пех. полков и сосредоточенной массы артиллерии. Успех здесь уравновешивал результаты охвата противником левого фланга. Следовательно, в районе Блонь, т. е. на правом фланге 1 дивизии синих, сосредоточивался ударный кулак силой в $^2/_3$ всей пехоты и почти всей дивизионной артиллерии. Левый фланг дивизии, занимавшийся одним пех. полком с одной артбатареей, становился пассивным, но на него ложилась крайне тяжелая задача упорно защищаться против обходящего в превосходных силах неприятеля. Итак, следовательно, 1-я дивизия синих в бою 26/IX должна энергично перейти в наступление своим правым флангом и упорно обороняться на левом.

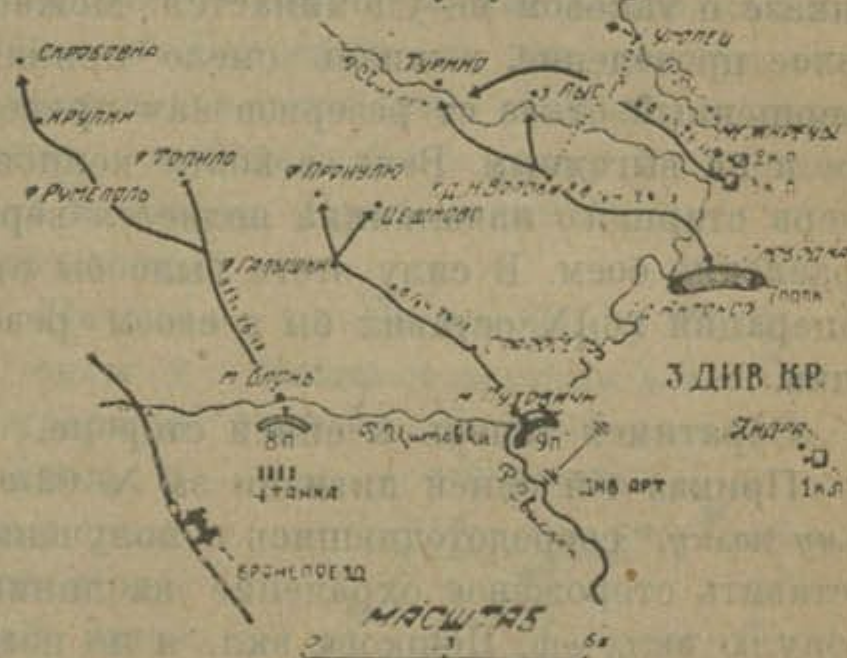
Распоряжения сторон.

В исполнение поставленных задач оба начдива отдали приказы своим дивизиям.

Согласно приказа начдива 3 красной № 72/м. от 7 ч. 30 м. 26/IX дивизия с утра 26/IX переходит в решительное наступление по всему фронту. Для действий на правом фланге (в направлении на м. Пуховичи) выделяются 2 стрелковых полка (7 и 9), кавполк и вся дивизионная артиллерия. Вышеперечисленным частям поставлены следующие частные задачи: 9 полку с приданной ему сапротой в 8 ч. 30 м. переходом в решительное наступление на м. Пуховичи опрокинуть здесь противника, овладев в дальнейшем районом Староселье—ф. Галышки—ф. Пронулю—Цешково; 7 полку в 8 ч. 30 м., форсировав р. Свислочь на участке З. Пястунь—Межиречье, овладеть районом г. дв. Нов. Волоки—З. Лысая Гора—Турино, обеспечив за собой переправу у Уголец и приняв переправу у 3 кавполка у Межиречье; 3 кавполку в 8½ ч., сменив части 1 кавбригады и обеспечив за собой переправу у Межиречье, атаковать противника в направлении на Турино, действуя во фланг и тыл противнику; по форсировании р. Свислочь 7 полком передать последнему переправу у Межиречье. Артиллерии в 8 ч. 30 м. развить ураганный огонь, уничтожить укрепления противника у м. Пуховичи и, действуя согласованно с 9-м полком, содействовать его успеху.

Для действий на левом фланге выделяется особая группа войск под начальством помначдива в составе: 8 стрелкового полка, бронепоезда и танкового отряда. Группе приказывается в 11 час. перейти в решительное наступление на участке м. Блонь с задачей опрокинуть

неприятеля и овладеть районом ф. Топило - ф. Ружеполь—Крунка—Скробовка. (Приложение № 4). Приведенные распоряжения начдива 3 красной вполне отвечают духу поставленной задачи и соответствуют сложившейся боевой обстановке. По сведениям, имевшимся у начдива 3 красной к вечеру 25/IX, представлялось возможным установить, что неприятель большую часть своих сил группирует на своем левом фланге на Блоньском направлении с очевидной целью добиться здесь решительного успеха. Этим самым противник продолжает преследовать выполнение ранее ему поставленной и остающейся в силе общей задачи содействия своему соседу—6 синей дивизии. Такая же задача—помощь 9 красной дивизии—должна быть выполнена и начдивом 3 красной, так или иначе ему необходимо, и при том срочно, разрешить напряженное положение, создавшееся на участке Блонь — Новоселки. Как же ему действовать, где и как искать решения, обеспечивающего, в случае успеха, достижение в кратчайший срок максимальных результатов? Конечно, не в районе мест. Блонь, конечно, не посредством встречного лобового удара. Бой на этом участке с вводом здесь в дело большинства своих сил, даже в случае успеха, не обещает начдиву 3 решительных результатов, так как, в лучшем случае, противник отойдет, но не покатится, сохранит свою безопасность и упорство. В результате опять затяжка, лишние потери и изматывание частей. Совсем иная картина получится, если начдив 3 решит нанести главный, сильный и сосредоточенный удар своим правым флангом в направлениях на запад от Пуховичи и Межиречье. Простым фронтальным движением на запад 3-я дивизия красных сразу же охватывает левый фланг неприятельского расположения и выходит на тылы 1-й дивизии синих. Успех здесь окажет немедленное воздействие на общее положение дела, вынудив противника приостановить свои действия на Блоньском направлении и заняться вопросом—выводом себя из намечающегося окружения. Достижение успеха не будет трудным: противник растянулся, скован на противоположном фланге наличием группы помначдива 3 красной и, наконец, значительно уступает в силах на своем левом фланге. Следовательно, нет оснований начдиву 3 опасаться больших затруднений в выполнении обходного маневра своим правым флангом. А потому—сосредоточить весь ударный кулак из большей части всех сил дивизии, противопоставив противнику в районе м. Блонь группу, значительно (по сравнению с ударной) меньшую по



количеству пехоты, но усиленную техническими средствами (бронепоездом и отрядом танков). Группе этой, по существу демонстрирующей, ставится также активная задача прорыва неприятельского фронта.

Таковы естественные обоснования решения Начдива 3 красных и с точки зрения их вышеприведенный приказ Начдива, в общем, вполне правильно разрешает поставленную ему задачу.

Нельзя не отметить один, на наш взгляд, существенный недочет: Начдив 3 совершенно не имеет своего резерва, по крайней мере, в приказе о таковом не упоминается. Можно и должно приветствовать смелое проведение в жизнь смело принятого боевого решения, но совершенный отказ от резервов нам представляется не целесообразным и не выгодным. Ведь, в конце концов, при всякой обстановке резерв старшего начальника является верным средством влиять на управление боем. В силу этого было бы правильно, если бы Начдив 3 в операции 26/IX оставил бы в своем резерве хотя бы по роте от полка.

Обратимся теперь к синей стороне.

Приказ 1-й синей дивизии за № 03/оп/ман. гласит следующее: „*2-му полку,* сосредоточившись с получением сего в районе Цешкова, выставить сторожевое охранение на линии застенок, что южнее ф. Пронулю вкл.,—ф. Цешкова вкл. и не позднее 8 часов 26/IX перейти в наступление в направлении ф. Цешкова—ф. Подблонье—ф. Хаталовка, атакуя противника с юга. По занятии мест. Блонь прочно укрепиться на северном берегу реки Цитовка, заняв участок от железно-дорожного моста через реку Цитовка включительно до церкви на южном берегу реки Цитовка в м. Блонь вкл., ведя тщательную разведку на ф. Каменный Брод—Избище и поддерживая тесную связь с 6-й дивизией.

Дившколе сосредоточиться в Староселье, выставив сторожевое охранение на линии ф.Цешкова искл.—г. дв. Оттонов вкл., не позднее 8 часов 26|IX перейти в наступление совместно с другими частями дивизии и занять мест. Блонь, атакуя Блонь с северо-запада и содействуя 2-му полку по уничтожению противника, после чего прочно укрепиться на северном берегу реки Цитовка, от церкви на южном берегу реки Цитовка в м. Блонь искл. до г. дв. Оттонов искл., поддерживая тесную связь со 2 и 3 полками, ведя тщательную разведку на ф. Сиротка—З. Новое Поле.

3-му стрелковому полку занять немедленно южную окраину м. Пуховичи, выставив сторожевое охранение на северном берегу реки Цитовка от гост. дв. Оттонов включительно до переправ у м Пуховичи вкл. с 8 часов 26|IX прочно занять северный берег р. Цитовка до впадения ее в реку Свислочь, который удерживать во что бы то ни стало все время, ведя усиленную разведку на Слобода—Сл. Боровая и на заст. Болочанка.

1-му Стрелковому полку немедленно перейти в г. дв. Нов. Волоки, прочно занять переправы через р. Свислочь у ф. Глушки и дер.

Межиречье, имея тщательное наблюдение за восточным берегом реки Свислочь, оставаясь в диврезерве.

Отдельному эскадрону перейти ф. Пронулю и иметь неотступное наблюдение за подступами к правому флангу дивизии. В 8 часов 26|IX перейти в наступление в направлении ст Пуховичи и решительными действиями во фланг, в тыл противника, оказать действительную помощь стрелковым частям, атакующим мест. Блонь.

Артиллерию сосредоточить в д. Цешкова и не позднее 8 часов 26|IX выделить одну легкую батарею в распоряжение Комполка 3 для упорной обороны переправы у мест. Пуховичи и при наступлении частей на м. Блонь оказать энергичное содействие остальными двумя легкими и гаубичной батареями, содействуя 2-му полку и дившколе по уничтожению противника в м. Блонь. (Приложение № 5).



Итак, следовательно, для выполнения поставленной задачи Начдив 1-й синей группирует свои силы к правому флангу, создав здесь ударную группу силою в 1 полк, дившколу и кавэскадрон и включив в состав этой группы всю дивизионную артиллерию (за исключением одной легкой батареи). Два других полка—один в мест. Пуховичи с задачей упорной его обороны и другой—в дивре́зерве, уступом за левым флангом с целью его обеспечения—выполняют пассивные задачи. Активная группа по овладению м. Блонь должна выйти на северный берег реки Цитовка, где и укрепиться. В общем, в случае успеха и выполнения своих задач всеми частями дивизии, последняя вытягивается в линию по северному берегу р. Цитовка от ж. д. до м. Пуховичи включительно, где окопавшись, займет выжидательное положение.

Оценка приказа по существу позволяет прийти к следующим заключениям:

1) Полученная задача и наличная обстановка поняты правильно, в соответствии с чем принята группировка сил. Некоторое сомнение вызывает правильность расположения дивревзерва. Нахождение его полностью в госп. дв. Нов. Волоки как-бы предрешает его действия и использование исключительно на левом фланге. Удаленный на 8 верст от района главного удара, он только через 2 часа может поспеть сюда в случае надобности усилить активную группу, а 2 часа в бою играют большую роль. Если Начдив 1 синей так сильно опасается за свой левый фланг, то он мог бы оставить в госп. дв. Нов. Волоки, положим, 1 баталион, а два других приблизить к полю решительного боя, расположив их хотя бы в госп. дв. Михалев. Для обеспечения левого фланга было бы рациональнее использовать кав.

эскадрон, так как его атака в направлении ст. Пуховичи вряд ли принесет нужную пользу, здесь полезнее пехота. Да, наконец, опасения Начдива 1 синей за свой левый фланг должны несколько уменьшиться, ибо к утру 26|IX у него будет уже непосредственный сосед —2-я синяя дивизия, коей было, как мы видели выше, приказано сосредоточиться в Игумене, еще к 13 час. 25|IX, после этого ей до утра 26|IX оставалось достаточно времени на дальнейшее выдвижение вперед, чем так или иначе уже более обеспечивался левый фланг 1-й дивизии.

2) Последующие задачи частям ударной группы надлежало поставить более активно. По овладении м. Блонь целесообразно и выгодно выйти на *южный* берег реки Цитовки и обеспечить за собой переправы занятием района, примерно, Боровая Слобода—з. Ровчак—Избище. Этим избегалась в случае надобности дальнейшего продвижения необходимость форсировать под огнем противника р. Цитовка. Выход же частей лишь на *северный* берег реки Цитовка с оставлением этой реки, как преграды между собой и неприятелем, указывает на отказ Начдива 1-й синей от дальнейшей инициативы, отказ, по нашему мнению, преждевременный.

3) Направление атаки дившколе (от Староселье на северо-западную окраину мест. Блонь)—неудачно, проще ей было атаковать мест. Блонь с северо-востока.

В общем, в отличие от предыдущего дня боя, вышеприведенный приказ Начдива 1-й синей свидетельствует о некоторой нерешительности принятого Начдивом боевого решения. Идея достижения решительного и полного успеха на Блоньском направлении проведена недостаточно выпукло и исчерпывающе.

Ход маневров.

В районе Пуховичи боевые действия открылись попыткой 3-го полка синих в 8 час. 30 мин. 26/IX овладеть переправой у м. Пуховичи, которая, однако, приостановленная огнем 9 красного полка, успеха не имела.

В 10 час. перешли в наступление красные на фронте Межиречье—м. Пуховичи. Наступление велось двумя полками—9 у м. Пуховичи и 7-м со стороны Межиречье, причем операции 9-го полка поддерживались сосредоточенным огнем всей дивизионной артиллерии красных.

Бой 9-го полка разыгрался по плану, принятому на кануне, вечером. Согласно этому плану, 1 баталион 9-го полка, расположенный непосредственно у уничтоженной переправы через р. Свислочь у м. Пуховичи, открыл сильный ружейный и пулеметный огонь по неприятельским окопам в районе Пуховического кладбища, огонь этот усиливался артогнем. Одновременно по наведенному заранее мосту через р. Свислочь, выше м. Пуховичи, переправляются на западный берег два других баталиона 9 полка для действий по левому флангу и тылу 3-го полка синих, оборонявшему м. Пуховичи.

В исполнение этого плана к 20 час. 25/IX было выбрано место для переправы в $1^1/_2$ вер. сев.-зап. м. Пуховичи и 2 взвода сапер к 23 ч. 25/IX закончили все подготовительные работы*).

26 сентября в $9^1/_2$ час. началась наводка моста, занявшая 8 минут. По этому мосту в течение 22 минут переправились 2 баталиона 9 полка с пулеметами. Противник, не ожидавший переправы, был обойден с фланга и, отчасти, с тыла и 3-й полк синих отошел на высоты к югу от госп. дв. Михалев, очистив м. Пуховичи, перешедшее в руки красных.

Почти одновременно, т. е. около 10 часов, перешел в наступление (со стороны Межиречье) и 7-й полк, действующий совместно с частями 3-го кавполка. Переправившись через р. Свислочь, 7-й полк повел наступление на госп. дв. Нов. Волоки, в районе которого вскоре вступил в бой с расположенным здесь в качестве divрезерва 1-м полком синих. В итоге боя 1-й полк вынужден был начать отход на запад. Тесня отступающего противника, 7-й полк красных занял госп. дв. Нов. Волоки и Турино. Выдержав здесь снова бой с 1-м синим полком, 7-ой полк продвинулся дальше и к 12-ти час. занял Цешкова.

Обстановка в районе Пуховичи складывалась неблагоприятно для синих. Левый фланг их постепенно охватывался, а потому упорство сопротивления 1 и 3 полков синих приобретало очень важное значение, так как давало синим выигрыш времени на достижение успехов в районе Блонь.

В этом последнем районе ударная группа синих, в исполнение поставленной ей Начдивом задачи, повела в 11 час. 30 мин. наступление на мест. Блонь с целью его занятия. Занимавший мест. Блонь 8-й полк красных при поддержке артиллерии бронепоезда отбил все атаки синих до 12 час. Так как к этому времени, как мы уже видели выше, вполне определенно наметился обход красными левого фланга синих, то Начдив 1 синей, ввиду создавшейся обстановки, решил бросить в бой у м. Блонь все свои силы, ставя себе задачей достижение здесь быстрого успеха; на левом фланге для удержания наступления группы красных (7 и 9 пехотные полки и 2 кавполк), оставался один полк синих, отошедший к ф. Пронулю и получивший приказание упорно обороняться. Решение Начдива 1 синей являлось вполне правильным, давая ему при успехе возможность отойти (при условии вынужденности к этому) на железную дорогу.

В результате продолжавшегося наступления ударной группы синих на м. Блонь около 13 часов дившкола синих вошла с востока в м. Блонь. Что касается 2-го полка синих, то около $13^1/_2$ час. он на высотах, непосредственно западнее м. Блонь, встретил неприятельские цепи при 4 танках.

Это были части 8-го красного полка, которые, поддерживаемые огнем бронепоезда со ст. Пуховичи и под прикрытием танков, по-

*) Связано 6 звеньев, по одному аршину каждое, покрыты матами из хвороста поднесены к месту переправы и спрятаны в кустах на берегу.

вели встречное наступление. Наступавшие цепи 2-го синего полка приостановились и, заняв позицию на холмах, встретили наступление частей 8-го красного полка, двигавшихся под прикрытием тяжелых танков.

На этом боевом эпизоде и закончился маневр 26/IX, а вместе с тем и общие маневры.

Около $14^1/_2$ час. 26/IX был дан отбой, после чего в м. Блонь состоялся разбор маневров с широким участием командного и политического состава.

Заключение.

Выше было изложено описание частных и общих маневров частей Запфронта в период времени с 17 по 26 сентября минувшего года. Этими маневрами завершился летний период обучения, и они, несомненно, принесли значительную пользу, дав практику командованию в управлении войсками, а этим последним—в их боевой службе. В маневрах принимали участие все роды войск (пехота, конница и артиллерия), были приданы и технические средства (авиация, бронепоезд и танки).

Главное руководство маневрами в своих заданиях стремилось создать такого рода обстановку (как на частных, так и на общих маневрах), чтобы дать возможность командованию, штабам, комсоставу и массе войск широко применить на деле все то, что они усвоили себе теоретически или познали ранее приобретенным опытом и навыком.

В предыдущем изложении вниманию читателей был предложен общий очерк маневров с попутным анализом деятельности командования по управлению войсками и боевой службе этих последних. Мы видели, что и в той, и в другой области были зачастую весьма существенные недочеты. Замысел операции, идея ее, облекавшаяся затем в боевое решение старшего начальника, не всегда были в духе общей задачи и соответственны обстановке. Наблюдалась некоторая боязнь смелых решений, творчески оригинальных, в случае успеха приводивших к максимальным результатам в короткий срок. Первоначальные, основные решения сильно иногда отдавали тенденцией „золотой середины“, имели тяготение к шаблону. Боевая действительность неуклонно доказывала всю бесполезность и даже вредность подобного рода решений и очень скоро приводила командование на правильный путь. Это последнее обстоятельство доказывало, что старшие войсковые начальники обладали чуткостью и, правильно оценивая изменение обстановки, отдавали затем распоряжения, вполне отвечающие таковым изменениям. Правда, при этом терялось время и следует признать, что мы еще недостаточно твердо усвоили себе принцип „время—деньги“ более чем где либо справедливый в боевой обстановке. Отмечалась также не совсем правильная со стороны старших общевойсковых начальников постановка задач таким, например, родам оружия, как конница или саперы. На первую сыпалось обилие

задач, ей не соответствующих, или, наоборот, она использовалась не по обстановке; вторые или очень мало использовывались вообще, или, что еще хуже, посылались в бой, как боевая сила. Подход к полю боя (вождение войск) иногда заставляли желать лучшего; наблюдалось стремление подхода на широком фронте, что вело уже к предрешенной этим самым разброске сил и крайне затрудняло связь на походе, да и кроме того, в условиях встречных столкновений, не оправдывалось обстоятельствами.

Что касается службы войск, то и здесь были недочеты. Комсостав, командиры полков, баталионов и рот, т. е. те начальники, которые на своих плечах выносят всю тяжесть непосредственного ведения боев,—комсостав не всегда исчерпывающе справлялся со своими обязанностями. Нет широкого применения разумного частичного почина, сильна привычка действовать по указке свыше. Отсутствует умение (а иногда и сознательное желание) связать свою узкую частичную задачу с общей задачей части (боевой эгоизм); привычка к шаблону также иногда резко бросалась в глаза. Был еще один дефект—это недостаток распорядительной детальности, если так можно выразиться. Ведь, чем ниже начальник, тем все более и более деталей надо ему предусматривать. Так, в пехоте, например, исчерпывающе не продумывался вопрос снабжения огнестрельными припасами—вопрос очень важный в бою; артиллеристы забывали про необходимость выбора запасных наблюдательных пунктов, что приводило иногда „к ослеплению артиллерии“ и к перерыву ее помощи своей пехоте; в кавалерии хромал вопрос своевременной доставки донесений от передовых конных частей и т. д. Таковы, в общем, существеннейшие недочеты, выявленные маневрами И все же, несмотря на это, впечатление, вынесенное от маневров—вполне благоприятное. Определенно чувствовалось, что в поле живут, двигаются и дерутся организованные, достаточно обученные, крепкие духом и революционным сознанием войсковые части, искренне желающие работать и учиться, учиться дальше.

Минувшие маневры на Запфронте явились первым шагом в этой области. Повторяясь ежегодно, они не преминут оказать свое благотворное воздействие на улучшение подготовленности войск и командования. Ошибки не страшны, когда на лицо есть стремление, учась на них, избегать их в будущем, а это стремление на маневрах наблюдалось безусловно. Следует помнить, что, в конце концов, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

С. Меженинов.

Пехота и артиллерия.

Артиллерия прокладывает дорогу пехоте. Это понятие совсем не точно характеризует взаимодействие пехоты и артиллерии. В маневренной войне на долю артиллерии, находящейся в рядах пехоты, ар-

тиллерии, непосредственно поддерживающей пехоту, и артиллерии, изнуряющей противника, выпадает много задач, выполнение которых не будет немедленно отзываться на продвижении пехоты вперед, но создаст условия для одержания победы.

В настоящем очерке мы рассмотрим взаимодействие пехоты, автоматического оружия с твердыми установками (тяжелые пулеметы), пехотной артиллерии и артиллерии непосредственного содействия.

Под последним родом артиллерии мы подразумеваем легкие пушки с настильным огнем и гаубицы средних калибров, имеющее назначением прикрывать массы наступающей пехоты от огня противника, уничтожать массовое противодействие противника.

Под понятием „пехотная артиллерия" мы подразумеваем 37 м/м. пушки с настильной траекторией, мортиры и минометы, приданные непосредственно пехоте и имеющие назначением уничтожать отдельные цели, служащие препятствием частному продвижению на данном участке. Тяжелые пулеметы тесно связаны с работой артиллерии на критических дистанциях перед атакой, когда поддержка артиллерии непосредственного содействия исключается, ввиду отсутствия точной стрельбы и настильности траектории, допускающей попадания в свои войска

Артиллерия непосредственного содействия должна обеспечить всему боевому порядку пехоты или его участку, направленному на главный фронт атаки, продвижение вперед с наименьшими потерями на дистанцию, допускающую открытую атаку. Эта задача может быть выполнена в том случае, когда фронт боевого порядка пехотной части, обслуживаемой данной артиллерийской группой, будет соответствовать возможности сосредоточить массу артиллерийского огня к обоим флангам атаки. Если обстановка требует растяжки боевого порядка пехоты, нужно отказаться от поддержки на всем фронте и организовать таковую только на фронте главной атаки.

Воздействие артиллерии должно быть коротким, но мощным.

Для достижения этого, необходима централизация управления огнем, организация наблюдения на всем фронте главной атаки и автономность артиллерийского управления от частных пехотных начальников.

Это основное требование будет выполнено только в том случае, когда старшие артиллерийские начальники откажутся от управления только колесами артиллерии, в смысле направления ее на разные пехотные участки, но с'умеют взять *управление огнем* в свои руки.

Как правило, артиллерия последовательно подвергает огневому нападению отдельные участки фронта расположения противника. При встречных столкновениях ее первой задачей будет стремление остановить переднюю грань порядка противника.

С этой целью возможно создание заградительного огня на определенном рубеже. Он будет характеризоваться огневыми ураганами в моменты появления признаков жизни в отдельных пунктах этого

рубежа и методическим обстрелом всего рубежа, когда он кажется мертвым.

Под этой огневой завесой пехота безостановочно двигается вперед на дистанции, допускающие применение ее вооружения.

Дальнейшая работа артиллерии непосредственного содействия выразится в огневых ударах на уничтожение всех целей, появляющихся на фронте главной атаки

В этот период работа старшего артиллерийского начальника будет крайне трудной, так как ему придется согласовать требования поддержки от частных командиров пехоты, направляемые на ближайшие наблюдательные пункты артиллерии, собственные наблюдения и тактические выводы и требования общевойскового начальника.

Основное требование успеха—не поддаваться искушению в разброске огня, а последовательным сосредоточением уничтожать или парализовать отдельные цели наверняка.

Для достижения наибольшей согласованности в этот период, необходимо, чтобы общевойсковой начальник с полевым штабом находился на главном наблюдательном пункте старшего артиллерийского начальника или вблизи от него.

Пехота зорко следит за действиями артиллерийского огня и быстро использует каждый артиллерийский шквал для продвижения вперед на данном участке.

Когда пехота продвинется на дистанцию, недопускающую поддержку передней линии, необходимо изолировать участок атаки, путем создания огневой, дымовой или газовой завесы в ближайшем тылу противника.

Эта задача выполняется, как и в первом периоде борьбы, путем обстрела намеченного рубежа.

Так же происходит сосредоточение мощных огневых ударов на всех направлениях, допускающих быструю (желдорожн. шоссе) или скрытую поддержку (овраги, леса, деревни) и методический обстрел промежутков

Во все время действия нужно зорко следить за работой артиллерии противника.

Если ее огонь особо отзывается на продвижении нашей пехоты, необходимо временно отказаться от выполнения огневых задач и последовательно обрушиться на отдельные группы артиллерии противника.

Выделение контр-батарей из группы артиллерии непосредственного содействия крайне не желательно, так как отвлекает ее от прямых задач.

Ввиду слабости калибров этого рода артиллерии, при борьбе с батареями противника, нужно шире использовать скорострельность легких пушек газовыми снарядами или стремиться к ослеплению наблюдательных пунктов.

Комбинирование гаубичного и пушечного огня должно быть искусно согласовано, в зависимости от характера обстреливаемого участка и условий расположения цели.

Как правило, даже по открытым целям, необходимо „пробомбить" гаубицами, так как моральный эффект комбинированного огня огромный.

В момент, когда артиллерия непосредственного содействия оставит без поддержки борьбу передних волн пехоты, особо интенсивно и организованно должен применяться огонь тяжелых пулеметов.

Группы этих пулеметов могут создавать „корридоры" для продвижения пехоты, прикрывая ее фланги быстрым огнем.

Их скорострельность позволяет парализовать отдельные очаги сопротивления или противодействия противника.

Пехотная артиллерия уничтожает отдельные пулеметы противника, разбивая их прямой наводкой.

На фронте главной атаки должны быть намечены пункты ударов живой силы пехоты.

Эти пункты должны быть подвергнуты огневому удару тяжелых пулеметов. Под прикрытием этого огня пехота врывается в расположение противника.

Организованное столкновение прекращается. Дальнейшее руководство боем выразится в продвижении по частному почину пехотных начальников на рубеж, назначенный пределом стихийного преследования. Для парирования случайностей пехотный начальник должен тотчас же организовать резерв.

Артиллерийский начальник быстро передвигает часть группы артиллерии и организует наблюдение для обстрела рубежа, назначенного пределом стихийного преследования.

Если противник успел сорганизоваться и оказывает сопротивление, необходимо вновь сорганизовать взаимодействие массы артиллерийского огня с продвижением массы пехоты.

Выводы:

По мере того, как росло значение артиллерийской подготовки пехотной атаки и значение заградительного огня всех видов, передняя волна пехоты разряжалась за счет сокращения числа людей, подставляемых под этот огонь, и увеличения количества автоматического оружия.

Пехота часто жалуется на пулеметы противника, как на причины своих неудач.

Обращение в таких случаях за поддержкой к полевой артиллерии затягивает дело.

Явилась необходимость ввести артиллерийское вооружение, которое могло бы сопровождать пехоту по вспаханному полю.

37 м/м. пушки с настильным выстрелом и мортиры 75—80 м/м. с навесным огнем удовлетворяли этому условию.

Тяжесть снабжения, которое нужно производить силами людей, уменьшает выгоды, которые можно получить, введя вооружение легкими пушками.

Тяжелые пулеметы, чтобы скрыться от прямого выстрела этих пушек, перешли к оптическому прицелу и угломеру и стали вести огонь с закрытых позиций.

Учитывая все эти трудности, пришли к введению танков, которые, поднимая на себе оружие и запасы снарядов, могут напирать прямо на пулеметы для их уничтожения.

Увеличение огневых средств пехоты вызвало уменьшение плотности порядков пехоты и уменьшение пустоты передних ее линий.

Заградительный огонь перед передней линией порядка пехоты стал менее действителен.

Возросло значение уничтожающего артиллерийского огня по отдельным появившимся целям.

Отрезывающий заградительный огонь сохранил свое значение. Его организация зиждется на обстреле рубежей, состоящих из местных предметов.

Увеличение силы огня пехоты и артиллерии имеет противовес в недостатке снабжения.

Чтобы избежать этого недостатка, необходимо применять массовый огонь, чтобы скорей достигать развязки.

Чем напряженней бой, тем скорей наступает развязка. Отсюда вытекает требование: 1) централизованный огонь артиллерии, 2) массовый огонь тяжелых пулеметных групп, 3) массовое движение пехоты в атаку, 4) стихийное преследование после первого организованного столкновения.

Е. Пятосин.

Действия авиации совместно с показательной ротой против польской роты нового состава.

I.

Подготовка к совместным действиям.

1. Авиационный начальник должен получить от командира роты точные сведения о месте начала предполагаемого столкновения с противником и наметить его на карте крупного масштаба (желательно, разграфленной на квадраты с нумерацией).

2. Ознакомить командира роты, взводов и отделений с системами самолетов, намеченных для участия в маневре, т. е. с их скоростью, грузопод'емностью, вооружением, опознавательными знаками, порядком развертывания земных сигнальных полотнищ, устанавливаемыми для маневра сигналами, как с воздуха, так и с земли и местом аэродрома.

3. Выработать порядок связи командира роты с аэродромом (телефон).

4. Точно выяснить—какие задачи будут пред'явлены авиации и каким порядком они будут выполняться.

5. Предполагается ли у противника наличие авиации, в каком количестве самолетов и какого типа.

6. Получив нужные сведения, начальник авиасредств собирает летный состав, об'ясняет задание, место маневра и, если выяснилось заранее время начала операции и обстановка, намечает первые задачи определенным летчикам, делая точное указание о времени вылета.

7. Передает всем летчикам в письменной форме все установленные для маневра воздушные и земные сигналы и опознавательные знаки „огневых групп", резервов и местонахождения командира роты.

8. Озабочивается приведением самолетов в полное боевое состояние (наличие и исправность вооружения, патронов, радио, сигналов, вымпелов, книжек для донесений).

9. В случае производства маневра в районе постоянного аэродрома средствами отряда или показной роты, проводит к месту нахождения командира роты телефонную связь от аэродромной радиостанции и подготовляет последнюю к безотказной и непрерывной работе.

10. Если дальность маневров не позволяет использовать аэродром, обязан выбрать недалеко (в 5—6 верстах к тылу от места маневра) временный аэродром, связать его телефоном с командиром роты и установить на нем полевую радиостанцию; самолеты заблаговременно доставить туда лётом.

11. О начале вылета для боевых действий выяснить с комроты лично или по телефону с аэродрома.

II.

Задачи, пред'явленные авиации, и их выполнение.

1. Разведка.

Малочисленность противника (рота) исключает возможность при разведке обнаружить части противника, тем более, что при столкновении он неизбежно рассредоточит живую силу, разбив ее на маленькие, незаметные с боевой высоты, группы.

С другой стороны, само столкновение нашей роты с противником, при наличных средствах при помощи сигнализации укажет нашему самолету место развертывания своих сил и их флангов и даст возможность наметить приблизительно и район, занимаемый противником. Наличие во время боя самоокапывания дает первые признаки его присутствия и укажет пункт огневых групп, что поведет к более детальному его обнаружению.

Исходя из тактики боя роты, придется ощупью разыскивать резерв противника, присутствие при коем повозок и лошадей облегчит его розыски.

Вообще, задача отыскивания противника, действующего в таком незначительном количестве, весьма трудная даже для опытнейшего летчика при условии сохранения нормальной боевой высоты (не ниже 1200 метр) и при наличии закрытой местности.

При тенденции противника пользоваться местностью для укрытия, как полагается в боевой обстановке, весьма возможно и полное необнаружение его сил и группировки, исключая непосредственно близкие к нам цели или группы противника, место расположения коих известно и нашей пехоте. Поэтому на разведку посылать исключительно опытных летчиков и наблюдателей, которые смогли бы найти противника по малейшим признакам: мелкие окопы, пыль, блеск оружия, дым и т. д. При разведке принять за правило: каждую цель, обнаруженную в полете—резерв, поддержки, пулеметы, цепи,—немедленно атаковывать и приводить их в полное расстройство или уничтожать пулеметным огнем и бомбами.

О всем замеченном и сделанном немедленно доносить командиру роты, путем сбрасывания на пункт его местонахождения или же тут же, на месте, по радио через авиационную радиостанцию.

2. Бомбометание и обстрел.

Производятся или попутно при разведке при обнаружении той или иной цели, или же по специальному для этого заданию. Как то, так и другое средство в данном случае равноценны и крайне необходимы, как для уничтожения живой силы противника, так и подавления его морального состояния; наличие смертоносных для него над окопами и непосредственным тылом самолетов, кроме очевидной опасности, раздваивает внимание, вносит панику и вырывает инициативу, располагая к явной пассивности, а часто и поспешному отступлению.

Полеты над противником в момент его развертывания, в случае его своевременного обнаружения, с пулеметным огнем и бомбометанием, могут совершенно его парализовать, внести полное смятение и вывести на время короткой операции совсем из строя. Поэтому этот момент весьма опасный и чреватый последствиями для части, застигнутой воздушным противником. После развертывания наметится линия и пункты сосредоточения сил противника—выпускаются самолеты для борьбы с ним. Ясно, что при бое роты против роты, как та, так и другая не успеют сразу укрепиться и зарыться в землю в достаточной степени, поэтому для летчиков все цели окажутся легкой добычей, так как одно их обнаружение будет равносильно выведению их из строя; бомбы и пули сделают свое дело и дадут возможность пехоте безболезненно покончить с противником.

Предварительное изучение сил и расположения противника во время развертывания и боя с дальних дистанций даст возможность определить и наметить главные основные пункты его сосредоточения и несколько самолетов (2-3), точно облетевшие опасные для нас места и основательно их погромившие, очистят путь для пехоты. Нужно только, в целях избежания обстрела с самолета своих во время атаки противника, вести огонь в сторону неприятеля, т. е. нападать по направлению от наших войск, прекращая его своевременно, дабы

не задерживать их наступления и не сорвать атаку, для чего зорко следить за сигналами наступающей пехоты.

В высшей степени полезно производить повторные воздушные атаки, чтобы не дать возможности врагу опомниться и привести себя в порядок для активных действий.

Перед началом атаки все авиасредства должны быть на фронте и беспрерывным обстрелом цепей противника отнять у него всякую попытку к сопротивлению.

III. Связь.

Средства сигнализации.

Связь самолета с пехотой выражается в следующем:

1) для передачи своих донесений летчик пользуется сбрасыванием их на пункты нахождения командира роты. При чем к донесению прилагается кроки;

2) самолет, вооруженный радиотелеграфом, при наличии радиостанции, кроме того, может все передавать по радио через таковую, последняя, в свою очередь, связана с командиром телефоном;

3) для определения места расположения передовой линии и командира роты употребляются ракеты. Они бывают 4-х значений:

1) „Где Вы“ (приказание обозначить линию или пункт условным опознавательным знаком): Ракета красного цвета.

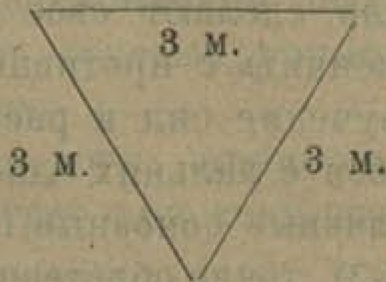
2) „Понял“—прекратить обозначения—2 ракеты.

3) „Угроза атаки противника в том направлении, где нахожусь“—ракета с черным дымом.

4) „В том направлении, где нахожусь,—противник слаб или его нет“—ракета белая.

5) По сигналу летчика „Где Вы“ на пункте командира роты и на передовой линии выкладываются соответствующие полотнища, которые после сигнала „Понял“ убираются (кроме пункта комроты).

Примечание: 1-ое: Опознавательный знак комроты—треугольник из белого (зимой красного) полотна со стороной 3 метра.



Опознавательные знаки для огневых групп (по 1 на отделение или звено)—прямоугольники из той же материи 3 × 3 аршина. Кроме того, при командире роты должен быть сигнальный пост и 3 полотнища размером ширины 1 метр и длиной в $5^{1}/_{2}$ метра для

подачи самолету, если потребуется сигнализационных, знаков согласно приложения к сему за № 1.

Примечание: 2-ое: Сигналы с самолета при помощи ракет производятся с высоты не менее 300 метров.

Примечание: 3-е: Два продолговатых полотнища, сложенные крестообразно, означают окончание работы самолетов.

В случае угрожающего положения в какой либо из огневых групп, она подает сигнал самолету путем складывания полотна пополам по диагонали.

Это означает требование придти к ней на помощь и, атакой с воздуха противника против ее участка, облегчить ее положение.

В случае наличия авиации и у противника, необходимо установить для своих самолетов опознавательные знаки, дабы не вводить нашу пехоту в заблуждение и не обнаружить ее расположения.

Отличительными знаками могут быть: окраска, флажки на крыльях или хвосте или же особые сигнальные ракеты.

При выполнении задач начальнику авиасредств надлежит с особенной осторожностью назначать летный состав для бое-работы, учитывая те или иные специфические способности и недостатки каждого летчика и наблюдателя, чтобы дать максимум положительных результатов деятельности воздушных сил.

В случае длительности операции, давать задачи по фотографированию с обязательством немедленно отпечатать снимки с результатами его, весьма полезные при отчете о работе авиации.

При производстве работы по обслуживанию пехоты начальник авиасредств должен помнить, что нужно экономить самолеты в целях сохранения боеспособности на продолжительное время. Нет никакого основания при незначительном фронте роты выпускать одновременно 2-х самолетов; следует только сделать непрерывность работы, сохраняя ядро авиасил для нанесения решительного удара.

По окончании маневра делать подробнейший письменный доклад на основании всех распоряжений и степени выполнения с отметкой всех обнаруженных дефектов в работе, для принятия мер к устранению таковых в будущем. Параллельно с этим и строевому начальнику, руководившему маневром, надлежит дать свои соображения.

Е. Пятосин.

Воздушная эскадра на поле боя дивизии.

У нас в России в военное время авиационных соединений в эскадры не было и не практиковалось. Только при переходе на мирное положение были сформированы 2 эскадры, состоящие из 2 х эскадрилий 3-х отрядного состава каждая, из коих одна уже расформирована, ввиду нежизненности такого соединения.

Нежизненность следует отнести, главным образом, к малому сравнительно наличию авиасредств Республики, вследствие чего подобные соединения являются пока несвоевременными и громоздкими.

Все крупные соединения авиасредств выливаются в форме эскадрилий (авиагрупп) временного или постоянного характера. Эскадрильи последнего типа состоят из 3-х однородных отрядов разведывательного или истребительного типа. Эскадрильи временные в мирное время создаются из 2-х, 3-х и более авиаотрядов, стоящих совместно и об'единяемых для удобства командования, обучения гарнизонной службы, внутреннего распорядка и культурно-просветительной работы. В военное время во временную эскадрилью входят все авиачасти, совместно обслуживающие один какой либо район военных действий.

Недостаточность специфического различия в специальных назначениях (как-то разведывательные и истребительные отряды имели почти одни и те же системы самолетов) позволяла производить из всяких отрядов какие угодно соединения; и не приходилось особенно вдаваться в размышления, соответствует тот или иной отряд тому назначению, которое ему предназначалось в новом соединении и выполнит ли он роль, которую ему навязывали. Каждый самолет, каждый летчик, в силу обстоятельств, должен был выполнять все роли, начиная с истребительной службы и кончая более легкими и менее ответственными заданиями.

Ныне, когда отряды начали постепенно специализироваться, вооружаться самолетами соответственно их специальности, пора постоянные эскадрильи превратить в совершенно самостоятельные, могущие без посторонней помощи обслуживать тот или иной боевой участок, т. е. должны состоять не из однородных авиаотрядов, а, наоборот, из разнородных, т. е. из 1-го истребительного отряда, 1-го разведывательного (он же для бомбометания) и 1-го для корректирования артстрельбы (в свободное время также разведывательного).

Кроме того, при каждой дивизии должен быть отдельный отряд „самолетов атаки“ и „пехотные самолеты“. „Самолетами атаки“ называются самолеты, предназначенные для нанесения удара противнику путем обстрела живых целей на поле боя. Пехотные самолеты придаются дивизиям, а, по возможности, бригадам и даже полкам: 1) для ориентировки командования о положении передовых пехотных частей, 2) для передачи командованию заявлений пехоты о неотложных нуждах ее (просьба прислать патроны, подкреплений, перевязочного материала и т. п.), 3) для передачи указаний пехоты артиллерии (о перенесении вперед или назад заградительного огня, о прекращении стрельбы и т. п.) и 4) наблюдение за своими и неприятельскими районами и своевременное сообщение своим частям сведения о действиях, перемещениях противника в ближайшем тылу и артиллерии—о батареях противника и о выгодных целях, по коим надлежит открыть немедленно огонь.

Каждое оперативное задание должно быть ясно и определенно. Все роды войск должны быть своевременно и точно ознакомлены с размером операции, ее границами и поставленными каждой части боезаданиями; необходимо знание исходных пунктов каждой части перед началом операций.

Для успешности операций крайне желательно наличие в штабах действующих войск, коим приданы авиачасти, представителя от авиачастей, обслуживающих действующий штаб. Связь должна быть весьма надежной и непрерывной.

Перед выполнением задания, начальник штаба, в распоряжении коего имеются авиасредства, совместно с начальником авиасредств подробно вырабатывает план боеработы летчиков, учитывая своевременно наличие летчиков и самолетов, дабы все возлагаемые на авиацию боевые задачи были выполнены, имея в виду возможность убыли самолетов во время выполнения боезадач. Следовательно, необходимо расчитать так, чтобы не было случая перерыва в работе авиации во время операции, т. е. предусмотреть непрерывность участия самолетов в боеработе, разумно экономя авиасредства и прибегая к их помощи в необходимых случаях, помня, что при не экономном использовании работы самолетов, благодаря различным случайностям, в конце операции можно оставаться без действующих самолетов.

Авиачасти, во время операции, надлежит, кроме общей работы по разведке, бомбометанию и разбрасыванию литературы в тылу противника, привлекать к самому деятельному участию в боеработе с пехотой, дабы всячески облегчить ей выполнение возложенных на нее задач. Сюда следует отнести: 1) Окарауливание района операции от воздушного противника, т. е. не допускать самолетов противника, которые постараются ворваться в район операции и бомбометанием и пулеметным огнем внести расстройство в аттакующие части; 2) Зорко следить за ходом боя и замечая подход к месту боя поддержк, резервов, обоза, подвозки снарядов, батарей противника—немедленно все замечанные цели обстреливать пулеметным огнем, забрасывать бомбами; обо всем замеченном немедленно доносить в Штаб, оповещая наши батареи о новых целях, точно указывая их место и направление, путем сбрасывания записок на батареи, тоже проделывая и со Штабами нисших соединений: полков, бригад, для чего необходимо постоянное осведомление летчиков во все время операции о местонахождении нисших штабов. При наличии возле Штабов подходящих аэродромов, рекомендуется в случае крайней важности и срочности спускаться и лично докладывать обо всем замеченном. 3) Постоянно и своевременно осведомляясь в районе боя, летчики, снижаясь по возможности низко, совместо с наступающей пехотой, обстреливают цепи противника и, раздваивая внимание противника, способствуют его деморализации и вносят панику, лишая противника стойкости и уверенности.

Самолеты следует выпускать пачками, дабы создать непрерывность боеработы и по мере изменения обстановки или появления

крупных новых целей, следующая готовая к полету новая пачка могла выполнить своевременно новые задания. Самолеты, принимающие участие в операции, летят под командованием лучшего летчика (ведущий самолет) и выполняют задании под его руководством по заранее установленным правилам и приемам.

Для успешности операции участвующим летчикам необходимо всегда знать местонахождение наших цепей, для чего необходимо установить зрительную связь с пехотой при помощи сигнализации. Установление видов сигнализации зависит от имеющихся средств: как, например, можно указать следующий пример: самолет, желающий узнать пункт занимаемый ротными резервами, производит в воздухе из пулемета несколько выстрелов, т. е. подает сигнал „Ищу цепи“, тогда ротные резервы подают сигналы, заранее установленные, о своем местонахождении, по коим летчики выясняют, где находятся наши цепи; сигналами могут служить достаточного размера белые полотнища (зимой черные) или дымовые ракеты, дымовые костры, лучи гелиографа днем и светящиеся ракеты или лучи прожектора ночью.

Высота полетов должна быть минимальная.

Начальник Авиасредств, получая задания, распределяет таковые среди летчиков, сообразуясь с качествами летчиков и системами самолетов, строго распределив задачи на три категории:

1) Задания по бомбометанию, обстреливанию целей и разбрасыванию литературы в тылу у противника.

2) Воздушное дежурство, т е. окарауливание от налетов противника.

3) Непосредственное участие в бою с пехотой

Все задачи должны быть ясны и точны: должны быть точно указаны пункты бомбометания и цели. Указанные задачи не касаются случаев обнаружения выгодных целей, найденных во время полета; в даном случае летчик сообразуется со сравнительною важностью данной ему цели и новой, неожиданно обнаруженной.

Для полноты и большей точности, донесение о разведке необходимо снабжать маршрутной карточкой полета, на которой наносят точно все замеченное с указанием времени, наименования, количества и направления движения замеченных целей.

Для подготовки войсковых частей к надлежещему выполнению боевых заданий необходимо производство примерных маневров в тылу, дабы подготовить войска к предстоящим операциям и дать им наглядную картину хода боевых действий на фронте и борьбы с противником, ознакомить их с системой боевых действий и внушить им строгий порядок и согласованность взаимодействий всех родов войск.

В основу боеработы авиации с другими родами оружия ставится установление связи между самолетом в воздухе и землей.

Связь с земли на самолет устанавливается при помощи сигнальных полотнищ и с самолета на землю—радиотелеграфом, ракетами и сбрасыванием донесений.

Связь сигнальными полотнищами: передовые пехотные части связываются с самолетом при помощи пехотных полотнищ, которые должны иметься по одному в каждом взводе. Размер полотнищ $2^1/_2$ аршина на 1 аршин.

Для раскладывания полотнищ в каждом взводе имеется по два специально обученных сигнальщика. Ответственность за своевременное раскладывание полотнища и его сохранение лежит на командире взвода.

Полотнища раскладываются на открытом месте, не далее 20-ти саженей от передовой линии, за серединой взвода, по собственной инициативе пехоты, в том случае, если есть уверенность, что самолет свой или по требованию летчика, для чего с самолета выпускается желтая ракета, и остаются развернутыми до подачи сигнала летчиком выпуском зеленой ракеты „снять полотнища".

Примечание: резервные взводы и роты пехотных сигнальных полотнищ не выбрасывают.

Для связи войскового командования с самолетами устанавливаются связные пункты: баталионные, полковые, бригадные, артиллерийские и дивизий.

Во время работы самолетов связные пункты должны быть все время развернуты и, как исключение, они снимаются лишь временно, при пролете неприятельского самолета.

Каждый связной пункт имеет свой постоянный опознавательный знак. Кроме того, связной пункт при помощи комбинации двух полотнищ дает несколько простейших сигналов самолетам, как-то: „Не имеем связи, просим ориентировать", „Наступаем" и „Отходим".

Связной пункт должен находиться непосредственно с войсковым командованием. Во время работы на нем должно все время быть ответственное лицо и два сигнальщика, которые раскладывают сигналы и принимают от летчика выбрасываемые донесения. Связной пункт выбирается на открытом месте и, как правило, на восточной окраине от элементов местности: деревня, лес, озеро и т. д.

Для привлечения внимания летчиков в первый раз на новом месте раскладывается костер из материала, дающего много дыма в сторону ветра.

Связь самолета с землей.

Связь радиотелеграфом является одной из совершеннейших связей, ибо позволяет подробно передавать замеченные сведения летчиком, не отрывая от работы. При недостатке в первую очередь радиотелеграф придается артиллерии, а затем пехотным соединениям.

Связь ракетами, главным образом, применяется для связи самолета с передовыми пехотными частями.

Устанавливается четыре сигнала: 1) Выпуск желтой ракеты—требование развернуть полотнища. 2) Зеленой ракеты—собрать полотнища. 3) Красной ракеты—сбрасывается над местом скопления про-

тивника перед фронтом пехоты. 4) Синей ракеты—препятствий к дальнейшему продвижению нашей пехоты не обнаружено.

Связь сбрасыванием донесений применяется в случае неимения радиотелеграфа. Все замеченное летчиком, что имеет огромное значение в данный момент, как-то—обход противником нашего расположения и т. д., должно быть сообщено летчиком при помощи сбрасывания донесений соответствующему связному пункту.

Передача приказаний и ориентировок высших штабов низшим и соседним также производится путем сбрасывания их на соответствующие связные пункты.

Ко всем передаваемым сведениям о противнике летчик должен прикладывать кроки местности с нанесенной на ней целью, для чего на самолете должны иметься заблаговременно приготовленные скелеты карт.

Донесение вкладывается в особый футляр, который сбрасывается с высоты не более 100 метров на связной пункт.

Для привлечения внимания, летчик, перед сбрасыванием донесения, должен дать короткую очередь из пулемета и после сбрасывания—убедиться, что донесение подобрано.

При разборе работы воздушных сил на поле боя дивизии примем за основу борьбу дивизии с противником в позиционный момент, как наиболее простой для авиационной службы в смысле предварительной осведомленности о положении делу противника.

До начала боя авиация успеет осветить тыл противника, дать сведения об укреплениях, окопах, батареях, резервах, обозах и прочее. С первого-же момента остановки наших войск и противника начинается интенсивное изучение фронта, и тыла противника: окопов, артиллерийских позиций, путем фотографирования.

Один разведывательный отряд в состоянии под надежной охраной истребителей занять весь фронт дивизии в один день; на следующий день снимки, отпечатанные уже, расшифровываются и к вечеру представляются в штаб дивизии. Дальнейшая поверка фронта и тыла противника происходит ежедневно, и все изменения в обстановке фиксируются опять путем фотографирования и нанесения на карты. Все летчики по отпечатании снимков немедленно должны изучить фронт и тыл противника и все обнаруженное нанести на своих картах. Путем разведок и фотоснимков выясняется местонахождение батарей, резервов, штабов и обозов противника.

Фотоснимки и сведения о противнике изучаются артиллерийским отрядом, совместно с начальником артиллерии и командирами батарей, и там-же выбираются цели для корректирования стрельбы. Выбираются главным образом батареи противника.

По изучении обстановки артиллерийский отряд приступает к корректировке. В этом отношении наблюдаются два способа борьбы с противником.

1-й *способ*: всякая цель, к которой пристрелялась артиллерия, немедленно берется „на поражение“ и, по возможности, или унич-

тожается, или временно выводится из строя. Последнее обстоятельство заставляет ее менять свою позицию или место стоянки, и она поэтому или временно исчезает до нового ее обнаружения, или совершенно потом не может быть найдена. Поэтому часто применяется 2-й способ: т. е. ведется только приблизительная пристрелка, без поражения цели.

Здесь имеется в виду желание, чтобы цель (главным образом батареи противника) не переменила своей позиции до наступления решительных боев, когда батареи, при помощи корректирования самолетов по прежним данным пристрелки, сразу переходят на поражение всех намеченных целей.

Все цели, недоступные действию артиллерийского огня (в тылу противника), намечаются для бомбометания самолетами.

„Самолеты атаки" и „пехотные самолеты" в этот период изучают детальнейшим образом расположение наших передовых частей, их фланги и позицию противника в ближайшем тылу его.

Господство в воздухе является в позиционной войне совершенно необходимым для выполнения дальних и ближних разведок и для наблюдения за артиллерийским огнем при помощи воздушных средств. На-ряду с мощностью и обеспеченностью ее снарядами, господство в воздухе имеет решающее значение для успеха деятельности артиллерии.

Необходимо поэтому, чтобы борьба за господство в воздухе предшествовала артиллерийской борьбе.

Лишь введение в бой, в надлежащее время, значительных воздушных сил может привести к успеху.

Эти силы нуждаются в поддержке противоаэропланных орудий, а для обеспечения свободы действий—в хорошо устроенной телефонной сети.

Во время боя дивизии разведывательные самолеты, вооруженные пулеметами, с полным запасом бомб, вылетают в сопровождении истребителей в тыл противника и бомбят все важные и жизненные цели, поражая в то-же время все движущиеся по дорогам войска, обозы, артил. парки и производя попутно разведку, причем обо всех важных передвижениях в тылу противника сообщают по радио войсковому командованию. Истребители (часть их) в это время несут воздушную охрану и не пропускают самолеты противника в наш тыл.

Артиллерийские самолеты вылетают для корректирования стрельбы по пристрелянным заранее целям, а также по новым, если таковые будут замечены.

Корреспондент *„Эхо-Де-Пари"* так описывает работу летчиков на французском фронте:

„Прежде чем начнут говорить тяжелые орудия, прикомандированный к каждой такой батарее летчик поднимается на воздух и производит точное определение места обстрела. Он остается в воздухе до второго выстрела, после того возвращается к своей стоянке. Определения французских летчиков настолько точны и настолько про-

думаны приборы для определения прицела новых французских орудий, что даром не пропадает ни один снаряд. В моем присутствии одной батарее было приказано обстрелять находящиеся где-то за холмами Тьери германские склады снарядов. После выстрела третьего номера где-то вдалеке на горизонте показался черный столб дыма и затем до слуха нашего докатился глухой звук отдаленного взрыва. Поднявшийся вслед за этим на воздух летчик вернулся через несколько минут и заявил, что работа окончена. Германский склад взорван и горит. Особенно страшное действие оказывают тяжелые орудия тогда, когда летчики откроют передвижение значительных масс германских войск, и орудия начнут обстреливать их. В лесу Ла-Кайетт дважды повторился случай, когда тремя пущенными снарядами целые бригады германских войск были рассеяны и в паническом ужасе бежали, оставляя обозы и орудия. Во время одного такого обстрела, как сообщили военнопленные, во время возникшей паники германская и австрийская батарея врезались полным карьером в колонну шедшей пехоты, нанося ей тяжелые потери.

Что касается летчиков, то приказом по французской армии доблесть их отмечается ежедневно. Смелость летчиков доходит до того, что они снижаются на 100—150 метров над позициями неприятеля и с этой высоты засыпают их бомбами. Это почти ежедневно происходит на фронте Во-Авокур, где французские летчики непрестанно атакуют германцев. Очень часто бывают случаи, когда французский летчик камнем падает на летящий „*Таубе*" или „*Фоккер*", разбивает его, а сам выпрямляется и благополучно продолжает свое нападение на немцев".

Работа самолетов атаки и пехотных самолетов будет зависеть от того, имеет ли бой тенденцию с нашей стороны к наступлению или к обороне, о чем будет сказано ниже.

Ввиду того, что дневные полеты сопряжены с большой опасностью быть сбитым в воздушном бою или артиллерийским и пулеметным огнем, часть полетов по разведке и бомбометанию, кои нельзя полностью выполнить днем—выполняются ночью. Ночные воздушные разведки сыграли крупную роль на западном фронте в середине и конце июля 1918 года. Ночными разведками было обнаружено движение крупных германских сил, что дало французскому командованию возможность принять соответствующие меры к парированию ударов противника и действиями французской 10 ой армии прорвать его фронт. Замечается в последний период империалистической войны на западе стремление все крупные передвижения производить по ночам для того, чтобы избежать полного раскрытия плана действий воздушным наблюдением противника. Но широкое развитие ночных полетов доказало, что и ночные передвижения не всегда могут гарантировать сохранение операции в тайне. При лунном освещении ночные воздушные разведки дают отличный результат и без пользования какими либо специальными средствами. Темной ночью применяются особые осветительные ракеты на парашютах. Такие ракеты

бросаются с правильными промежутками времени над дорогой, которая самолетом исследуется. Наилучшая высота наблюдения при этом от 200 до 1000 метров. Большое значение надлежит придавать ночным разведкам железнодорожных путей и станций, при чем к наблюдаемым местам следует подходить с заглушенным мотором, чтобы противник не мог своевременно принять меры к тушению огней.

Ночное бомбометание применять возможно чаще. Самолеты вылетают один за другим, через определенные промежутки времени, и на разных высотах, во избежание возможных столкновений.

При подготовке наступательной операции особенное внимание нужно обращать на то, чтобы скрыть от противника сосредоточение наших воздушных сил на избранном для наступления участке и маскировку аэродромов, исходя из того, что противник, узнав о готовящемся наступлении, прежде всего захочет обезвредить наши воздушные силы, т. е. обрушиться своим воздушным флотом на наш аэродром, что почти всегда практиковалось ранее.

При необходимости препятствовать воздушной разведке противника, охрана воздушного пространства возлагается на воздушные патрули из истребительного отряда. Для облегчения их службы организуется сигнализация с земли и „направляющие" выстрелы противосамолетных батарей. В порядке подготовки операций заготовляются карты с указанием: мест бомбометания, распределения зон огня, необозреваемых с земных наблюдательных пунктов пространств и т. п., а также приготовляются схемы, на которые должны будут наносить данные своих наблюдений „пехотные летчики" (для донесений сбрасыванием).

Во время пристрелки артиллерии, до начала действительного огня, надо организовать деятельность авиации, чтобы затемнить для противника значение происходящего. С того момента, когда противник, обнаружив предстоящую атаку, введет в действие больше, чем нормально, воздушные силы и откроет сильный артиллерийский огонь, необходимо выступление истребителей с целью сбить с позиций артиллерийские и разведывательные самолеты и аэростаты противника. К этот момент следует усилить и выступления своей артиллерийской авиации. С началом действительного артиллерийского огня бросаются на тыл противника разведывательные (бомбометные) самолеты. В ночь перед атакой и на утро главнейшей целью для бомбометания являются неприятельские аэродромы. Нападения на аэродромы должны продолжаться и во время атаки, и после нее. Крайне необходимо через $^3/_4$ (1 час) после начала штурма выпустить свежую часть истребителей, так как к этому времени противник успеет ввести в бой значительные воздушные силы.

Отражение пехотных самолетов противника возлагается в это время на пулеметы и противосамолетные орудия.

В момент предшествующий штурму деятельность авиации атакующего никоим образом не должна выглядеть усилившейся, а если возможно, должна казаться противнику ослабевшей. Чрезвы-

чайно важным является своевременное нанесение противнику удара авиационными силами, предназначенными для обстрела живых целей. Эти „самолеты атаки“ поднимаются перед началом штурма и кружатся на таком расстоянии от противника, чтобы последний не видал их. Они должны иметь возможность с точностью до минуты вступить в бой в надлежащий момент. Рекомендуется за некоторое время до вылета их сделать пробный полет одного из этих самолетов к атакуемому участку, чтобы точно определить время, необходимое для достижения его при данных атмосферных условиях. Лучше всего вводить их в бой с момента открытия противником заградительного огня. В этот момент должна начинаться решительная атака с воздуха пехоты и артиллерии противника, на что следует использовать, по возможности, наибольшее число авиа-средств, не ослабляя воздушного наблюдения, необходимого артиллерии и командованию.

Одновременно с самолетами атаки выступают и истребители, обрушиваясь на неприятельские воздушные силы и стремясь во что бы то ни стало, именно в этот момент, свести „на нет“ воздушное наблюдение противника и обеспечить свободу действий своей авиации, обслуживающей войска и нападающей на земного противника

Истребители обеспечивают фланги от обхода. Пехотные самолеты выступают через несколько минут после начала штурма. Они не должны нервировать пехоту слишком ранними требованиями обозначения занимаемой линии. Не упуская движений и сигналов своей пехоты, они следят за противником, предупреждая о предпринимаемых им контр-атаках, о подходе резервов его и требуя, в случае надобности, огня своей артиллерии.

Артиллерийские самолеты во время штурма и после него непрерывно находятся над полем сражения. Работа их дополняется наблюдением с привязных аэростатов, кои выдвигаются перед самой атакой или во время ее.

После штурма нужно, как можно скорее, приготовить к новому вылету группы самолетов атаки, чтобы они могли быть быстро использованы для отражения контр-атак противника.

Ввиду возможности прибытия к району данного наступления крупных воздушных сил противника необходимо иметь наготове для борьбы с ними резерв истребителей.

Если атака позиций противника разовьется в прорыв и артиллерия выдвинется, работа артиллерийских самолетов не должна прерываться, что необходимо предусмотреть, наметив организацию переноса их работы вперед заранее. Необходим заранее выработанный план и для выдвижения других авиационных сил.

Пулеметные атаки и бомбометание против войск, находящихся в окопах или наступающих в рассыпном строю, если они часты и настойчивы, оказывают весьма сильное моральное воздействие, в особенности, если эти войска, сверх того, подавлены сильным артиллерийским огнем. Эти атаки, однако, не причиняют врагу значительных потерь.

Гораздо больше вреда причиняют атаки компактных масс противника или крупных целей: пример—50 английских самолетов атаковали немецкую колонну в 5 километров длиною и рассеяли ее.

Целями для атак во время операции могут быть: 1) действующие батареи; 2) снявшиеся батареи и переезжающие на новые позиции; 3) резервы пехотные и артиллерийские; 4) подходящие к полю сражения пехотные подкрепления; 5) обозные, артиллерийские и транспортные колонны; 6) подготовленная для прорыва кавалерия и др.

Атака целей, находящихся вблизи пехотных расположений, а также атака самой пехоты, подвергает атакующего опасности быть сбитым ружейным и пулеметным огнем, не достигнув цели.

Чтобы опередить пехоту и не дать ей возможности встретить атакующего огнем, атакующий должен производить атаку внезапно и после атаки также быстро уйти из сферы обстрела.

Поэтому летчики, предназначенные для атаки, должны отлично изучить местность, на которой им придется работать, а также и цели на ней, которые придется атаковать как, например, батареи, резервы и проч.

Знание местности и рельефа ее до мельчайших подробностей обеспечит летчику преодоление трудности атаки и успех на 40—50%. Атака должна производиться не выше 100—150 метров, но, чтобы к цели подойти на такой высоте необнаруженным, необходимо знание местности, так как это может оказать летчику огромную пользу. (Незнание местности может повлечь потерю ориентировки на малой высоте, а также и потерю цели). Лес, возвышенности, лощины—помогут летчику подойти к цели незамеченным. Вылетая из-за леса или пригорка, самолет неожиданно и стремительно производит атаку намеченной цели; живые силы последней не успеют опомниться и принять меры к отражению, как самолет, сделав свое дело, быстро и неожиданно улетит.

Атакуя действующие батареи, самолет уничтожает прислугу, сильно действует на нее морально, чем вызывает перерыв в стрельбе, которая может быть очень важна в данный момент. Обстреливая движущиеся батареи и артиллерийские резервы, самолет уничтожает прислугу и лошадей, последствием чего является паника: рвется упряжка, с'езжают с дороги в стороны орудия и зарядные ящики, загромождая дорогу, задерживают этим движение и, наконец, остается на месте часть имущества за невозможностью его вывезти. Атаки на обозы и транспорты производят то же действие, что и на артиллерию в движении, но, так как атака производится в тылу, самолет меньше подвергается опасности обстрела. Атаки на подходящие или отступающие колонны пехоты или кавалерии должны быть более серьезными и осторожными, особенно на первые, ввиду того, что атака может быть заранее предупреждена, самолет будет встречен ружейным огнем, и атака может не удаться. Для этого надо выждать момент, когда колонна втянется в лес или лощину и тогда, застигнув ее врасплох, атаковать и, не дав противнику опомниться, скрыться за горизонт.

Если же предстоит атака пехоты на открытом месте, то лучше всего атаковать ее сразу несколькими самолетами; тогда внимание людей не будет сосредоточенным, и обстрел самолетов будет производиться либо беспорядочный, либо будет отсутствовать совершенно. При удачной и успешной атаке результат для противника может быть ощутительный, и даже решающий, если колонна не попадет во время к полю сражения, если понесет потери, и ее моральный дух будет уже подорванным.

Вообще атаку сразу несколькими самолетами производить гораздо выгоднее и целесообразнее, и успех в таких случаях более обеспечен.

Резюмируя сказанное, казалось-бы желательным создавать специальные отряды для атак на земные цели, так как выполнение этих задач обыкновенными разведывательными или истребительными самолетами вряд ли позволит достигнуть положительных результатов. Здесь необходима серьезная и упорная тренировка в выработке приемов атаки, детальное изучение местности и ее рельефа. Отряды этого назначения должны производить свою работу исключительно во время операций, когда земных целей представится много, и поражение их может повлиять на ход операций. В тренировочный период летчики производят обычные разведки, изучают тыл противника, расположение батарей и резервов. В своем тылу летчики производят учебные атаки на те или другие местные предметы. Пулеметы устанавливаются на самолетах под углом 25—30—35 градусов вниз от линии горизонтального полета самолета, так, чтобы самолет мог бы обстреливать цели с высоты 100—150 метров. впереди себя на 200—300 метров. Кроме пулеметного обстрела, можно применять для большего морального воздействия бомбы 5-ти, 8-ти и 10-ти фунт. или ручные гранаты, но только в том случае, если они не будут стеснять в полете летчика.

Относительно использования воздушного флота при обороне необходимо весьма значительное увеличение воздушных сил в целях организации тщательного наблюдения за подготовкой противника к атаке и для возможности сильного отпора попыткам противника путем увеличения воздушных сил добиться господства в воздухе.

При начатии противником артиллерийской подготовки первыми выступают артиллерийские самолеты. Затем вылетают к полю сражения пехотные самолеты, начиная свою работу с наблюдения за приготовлениями неприятельской пехоты к штурму. Одновременно с этим выступают истребители, имея целью добиться господства в воздухе для обеспечения работы своих авиа-сил, обслуживающих войска и активно выступающих вместе с ними против неприятельских войск, и для затруднения, а если возможно, то и сведения к нулю соответствующей работы воздушного флота противника. Они-же заставляют прекратить работу аэростатов противника.

Разведка неприятельского тыла и обеспечение ее выполняются по мере надобности.

Наибольшие усилия в стремлении добиться господства в воздухе должны быть проявлены истребительной авиацией к моменту начала атаки на земле. К этому же моменту должно быть приурочено и массовое выступление „самолетов атаки“ обороняющегося. Их удар направляется на готовящиеся к штурму пехотные части противника, подходящие его резервы и на стреляющие неприятельские батареи. В этот момент для нападения на земного противника могут отвлекаться от воздушных боев и часть истребителей и даже отдельные пехотные самолеты (если это не повредит сильно их прямым задачам, выполнение коих в это время имеет в большинстве случаев первостепенную важность).

Бомбометные самолеты, выступления коих против аэродромов, складов, штабов, путей сообщения и т. п. должны быть в моменты, предшествующие неприятельской атаке, и во время ее весьма интенсивными, как могущие сильно расстроить действия напряженно работающего в такие моменты организма живой силы противника; во время штурма могут перенести часть своей работы ближе к передовой линии, поражая неприятельские резервы и батареи, а иногда и снижаясь для поражения наступающих передовых частей.

Контр-атаки обороняющегося поддерживаются массовым выступлением „самолетов атаки“, точно приуроченным к определенному моменту, подобно тому, как это было указано выше при описании действий воздушного флота во время наступательной операции.

Работа авиации при отступлении.

Имея ввиду суточный переход при отступлении в 20—25 верст, необходимо заранее наметить тыловые аэродромы по пути отступления. Аэродромы выбирать обязательно в местах предполагаемых стоянок штаба дивизии.

Главная работа истребителей заключается в борьбе с воздушным противником, дабы ни в коем случае не пропускать его в наш тыл и не вносить расстройства и паники среди отступающих частей и двигающихся по дорогам обозов и артиллерийских парков и батарей, а также чтобы не дать возможности проследить путь отступления главных сил. В то же время разведчики, под охраной истребителей, проникают в тыл к противнику. Узнают его намерения, путь движения его сил и путем бомбометания и пулеметного обстрела тормозят наступление и вносят расстройство в его тылу.

„Самолеты атаки“ принимают самое деятельное участие в атаках наседающих частей противника и тем облегчают участь наших войск, задерживая по мере возможности его наступление Деятельное участие в этом принимают также и пехотные самолеты, выполняющие также и свои прямые задачи по части осведомления своих войск и командования о ходе наступления и замечаемых изменениях.

Работа артиллерийских самолетов аналогична с работой их при отступлении.

В заключение приведем:

ОПИСАНИЕ ДЕЙСТВИЙ

воздушных эскадрилий в операциях по форсированию реки Березины в мае месяце 1920 года.

Директивой Командарма 16 от 12-го мая 1920 года за № 0379/г на авиацию армии были возложены следующие задачи: 1) Производить разведку современного состояния Борисовского тет-де-пона и линии Александровской железной дороги до г. Минска в целях определения наиболее уязвимых мест противника (склады продовольствия и огнеприпасов, базы и пр.) 2) Изучение местности в районе Борисова—ст. Смолевичи—Игумен—м. Божино, в целях определения мест резервов и удобных путей движения к реке Березина. Эти задания было приказано закончить к 15-му мая и результаты сообщить в тот же день Начдивам 17 и 8 и в Штарм 16. Исполнение сего было возложено на воздушную эскадрилию Красвоенлета *Ширинкина*, сосредоточенную в м. Славное (Ст. Славное, Александровской жел. дор.) и состоящую из 4-го Истребительного дивизиона (10, 11, 12 и 13 Истребительные Авиаотряды) 38-го и 44-го Разведывательных Авиаотрядов; кроме того сюда были вызваны лучшие летчики 42-го и 32-го Авиаотрядов и 1-го Истребительного дивизиона (42-й Отряд стоял в Могилеве и 32-й Отряд и 1-й Истребительный дивизион на ст. Салтановка, Либаво-Роменской жел. дор.). В день же начала наступления 16-й армии авиасилам было приказано:

1) Истребительным самолетам с рассветом вылететь на Борисовский тет-де-пон и огнем из пулеметов и отчасти бомбометанием способствовать выполнению поставленной задачи;

2) одновременно с эскадрилией истребителей, разведывательным бомбометным самолетам произвести групповые полеты с целью бомбометания на станцию и город Борисов, местечко Смолевичи, сбрасывая бомбы в город, местечко, станции, бронепоезда, стоящие и едущие эшелоны, прекратить связь с тылом противника;

3) в течение всей операции установить непрерывное наблюдение по Александровской ж. д. на Минск, по железной дороге Осиповичи—Минск и по веткам на станции Гродзянка и Завишин, бросая бомбы в идущие эшелоны и скопления таковых;

4) установить непрерывное наблюдение за районом Борисов—ст. Смолевичи—Игумен—м. Божино—с целью наблюдения за передвижением резервов, стрельбы, бомбометания по этим резервам;

5) установить беспрерывное дежурство истребителей, дабы ни один неприятельский самолет не мог появиться безнаказанно в районе переправ дивизий и по линии Александровской ж. д.;

6) начдиву 17 немедленно установить техническую связь со Штабом Воздухэскадрилии на ст. Славное, дабы в каждую минуту иметь разведывательные данные, каковые эскадрилии давать Начдиву 17 и Штарму 16 незамедлительно по возвращении с полета;

7) в целях самой тесной связи авиации с атакующими войсками эскадрилии произвести обследование района м. Шепелевичи—Бе-

лыничи и выбрать аэродром для приземления в случае экстренной надобности (В Белыничах—Штабы дивизий);

8) обратить особое внимание на важность прикрыть атакующие войска от налетов самолетов противника, имея ввиду необходимость самим сопровождать атаку наших войск бомбометанием и обстрелом из пулеметов неприятельской пехоты.

Для усиления авиасредств на Борисовском направлении было приказано 1-му Истребительному дивизиону в составе 1, 2 и 4 Истребительных Авиаотрядов срочно передвинуться со ст. Салтановки в Могилев для обслуживания Игуменского направления. Самолеты дивизиона прибыли лётом в указанный пункт 17-го мая. 18-го мая был найден аэродром у м. Белыничи. 19-го мая эти самолеты перелетели в Белыничи и в тот же день приступили к интенсивной боеработе.

Ввиду некоторой неясности и недоговоренности директивы Командарма 16,—Начальник воздушного флота армии срочно просил дополнить таковую и директивой за № 0397|г. Командарм 16 приказал:

1) Главной задачей авиации в период форсирования р. Березины—ставится содействие частям 17 и 8 дивизий в выполнении переправы массовыми налетами, бомбометанием, обстрелом из пулеметов и атакой с воздуха противника в районе переправ и недопущение резервов к атакованным участкам;

2) воздухэскадрилия, сосредоточенная в Славном, должна содействовать частям 17 дивизии, используя большую часть средств на участке реки Березины между устьем реки Бобр и деревней Жуковец;

3) командиру 1-го Истребительного дивизиона содействовать частям 8-й дивизии, используя все наличные средства на участке реки Березины от устья р. Брусята до устья реки Клева;

4) начдивам 17 и 8 установить самую тесную связь с эскадрилиями и договориться о подробностях взаимной работы.

Начдивам указать: время начала переправы, пункты переправы, точное расположение наших частей и предупредить наши части, во избежание обстрела своими войсками наших самолетов, сообщив им опознавательные знаки своих и противника самолетов.

Воздушная эскадрилия Красвоенлета *Ширинкина* имела всего 34 самолета, из коих 23 самолета Истребителей (одноместных: Ньюпоров и Спад'ов) и только 11—разведывательного типа—двухместных и 1 грузовоз (Бреге)

Командование эскадрильей взял на себя, выехавший на фронт Начальник Воздушного флота Республики Красвоенлет *Сергеев*.

Воздушная Эскадрилия Красвоенлета *Кожевникова* (Белыничи, 1-й Истребительный дивизион) располагала только 5-ю самолетами—истребителями (Ньюпоры).

Районы Борисов - Бобруйск и весь участок по р. Березине между этими пунктами еще с зимы обслуживался непрерывно авиачастями, что продолжалось до самой майской операции, и сведения об

окопах, укреплениях, переправах были к операции собраны достаточно полные.

Эти сведения периодически проверялись и освежались попутно с изменениями, путем фотографирования и разведок.

Следовательно, сведения эти были собраны заблаговременно. Было установлено присутствие неприятельского авиационного отряда у ст. Жодино, состоявшего из 7 самолетов новейших конструкций с мощными моторами и отличным вооружением.

Сведения о местонахождении штабов, складов и резервов черпались главным образом из оперативных сводок армии, основанных на агентурных данных и опросах пленных и перебежчиков. Поверка наличия штабов, войск и складов весьма заруднялась квартирным расположением противника, малым количеством военных обозов и лесистой, недоступной воздушному наблюдению местностью.

Работа авиации по подготовке к предстоящей операции началась с 10 мая, но вследствие дождей и ненастья была весьма ограничена и свелась к поверке состояния окопов и укреплений противника и переправ через р. Березину, несколько дополнивших прежние сведения (увеличение и усиление укрепленных линий у Борисова и к северу и югу от него).

Часть полетов была уделена на бомбометание и расбрасывание литературы в районе Борисова, Жодино, Смолевичи, Слободки в окопы.

Борьба за обладание воздухом между нами и авиацией противника на Борисовском направлении началась еще в апреле месяце, в мае достигла высшего напряжения и в результате к майской операции форсирование р. Березины закончилось полным поражением противника.

Потери авиации противника выразились в 3-х сбитых и 3-х потерпевших аварию самолетах. Последний успешный полет со стороны противника был совершен 19 мая, в результате коего был сожжен наш аэростат у ст. Крупки. Во время операции потрепанный Жодинский отряд уже почти не проявлял никакой деятельности, не считая нескольких единичных полетов, не имевших никакого значения, так что майская операция протекала без участия авиации противника, что явилось результатом напряженной предыдущей работы Славненской эскадрильи.

Деятельность нашей авиации в период с 17-го по 28-е мая выразилась в следующем:

17-е мая.

Погода неблагоприятная. Шла усиленная подготовка самолетов и летчиков к операции: осматривали и налаживали моторы, регулировали самолеты, испытывали и приводили в порядок пулеметы.

В этот день эскадрильей *Ширинкина* было совершено только *три* (3) полета. Сфотографирован район д. Ухолоды—Кальвария—Завалы. В Ухолоды брошена 1 бомба весом в 25 фунтов. Разведан район

д. Старый Янчин—Жорновка—Борки. Замечено оживление на дороге от д. Кострицы на д. Борки. У д. Н. Янчин замечен небольшой обоз.

18-го мая.

Произведено 22 боеполета. Сброшено в различные пункты 6 пудов 35 фунтов бомб: в дер. Слободку—3 бомбы, в дер. Кощаница и возле нее было замечено оживление противника—сброшено 3 пуда 30 фунтов (одна из бомб разорвалась в середине деревни); в д. Красное—2 бомбы и в д. Заречье—2 бомбы.

Сброшено агитлитературы 1 пуд 20 фунтов в окопы противника между Борисовым и м. Березино.

Произведены разведки с попутным фотографированием в районах: 1) Ухододы—Борисов, 2) Борисов—Прудище—м. Стахов—Бытча—Кричин, 3) Селитришки—Роговщина—Прудище—Радзивиллов, 4) Мурова—Жуковец; выяснено: 1) Окопы в районе Селитришки—Роговщина—Прудище—Радзивиллов сильно разбиты (сфотографированы). 2) окопы к северу от д. Бытча сильно тоже разбиты (сфотографировано), 3) окопы в районе д. Бытча сильно разбиты (сфотографированы), 4) от д. Жерновка вверх по р. Жерновка до дер. Пружанка—линия окопов, 5) по дорогам в тыл у противника (кроме района д. Мощаница)—движения нет, 6) мост через реку Березина у м. Березино уничтожен.

19-го мая.

Совершено—61 боеполет. Сброшено бомб—33 пуда 30 фунтов в следующие пункты:

1) В Борисов (на станцию и город) 9 пудов 20 фунтов,

2) в дер. Мощанище—3 пуда, 3) в Богушевичи 3 пуда 30 ф. (в южной части местечка бомбой произведен пожар), 4) в Игумен—1 пуд, 5) в Микуличи—20 фунтов, 6) на ст. Гродзянка (2 состава)—30 фунт., 7) В дер. Слободку—4 пуда 10 фунт., 8) в дер. Ухододы и в окопы возле нее 5 бомб (пуд 25 фунтов), 9) в д. Забашевичи—4 пуда 15 фунтов, 10) в дер. Угрица—25 фунтов, 11) на дорогу Заречье—Слободка—Забашевка 10 бомб (в двигавшиеся на фронт мелкие части противника и обозы), 12) в дер. на р. Рове (на карте нет), недалеко от озера Рабочье, брошена 1 бомба (зажжен дом); 13) в м. Березино—1 пуд 25 фунтов; 14) д. Борки—10 фунтов.

Литература: сброшено: 1 пуд 25 фунтов: 1) по фронту м. Березино—Божино и Богушевичи и Борки—1 пуд и 2) в Игумен—25 фунтов.

Разведка: обследован весь тыл противника—движение по дороге слабое. В районе д. Крупки—Озерин движение обозов. От д. Забашевки на д. Новоселки шел эскадрон—обстрелян пульогнем и рассеян. Северо-восточнее д. Борки была обнаружена батарея, стоявшая на позиции—атакованная 13 самолетами и обстреляная пульогнем—ускакала в м. Богушевичи. От д. Гуты на юг шла конница по нескольким дорогам отдельными группами—была атакована нашими самолетами и рассеяна, ускакала в м. Богушевичи. Предположено в этом районе присутствие одного кавалерийского полка.

20 го мая.

Скверная погода. Совершено 5 полетов. Разведка тыла противника ничего существенного не дала. Сброшено по маршруту Борисов—Слободка—Мурова—1 п. 20 фунтов литературы.

21-го мая.

Боеполетов - 31.

Бомбометание: сброшено бомб—14 пудов 35 фунтов в следующие пункты: Борисов—2 п. 30 фунтов, 2) в Жодино (на станцию—3 состава с 2-мя паровозами—и на аэродром)—3 пуда 25 фунтов; 3) в д. Вилятичи—2 пуда 5 фунтов; 4) в дер. Микуличи—15 фунтов; 5) в дер. Слободку—1 пуд 35 фунтов; 6) в дер. Черновичи—2 п. и 7) в дер. Забашевичи—1 пуд 35 фунтов.

Разведка ничего существенного не дала.

22-го мая.

36 боеполетов.

Бомбометание: сброшено бомб—26 пудов 25 фунтов: 1) в Борисов (станция, город)—9 пудов 30 фунтов; 2) на ст. Жодино—1 пуд 20 фунтов; 3) в Забашевичи—7 пудов 5 фунтов (вызван большой пожар); 4) в дер. Слободку—4 пуда; 5) в фольварк между Слободкой и Забашевичи (фольварк сгорел); 6) на ст. Минск (11 подвижных составов)—1 пуд; 7) в Смолевичи—20 фунтов; 8) в Богушевичи—1 пуд 5 фунтов (вызван пожар и наблюдались взрывы); 9) на ст. Завишин (эшелон)—30 фунтов; 10) м. Березино—10 фунтов.

Литература: Сброшено: 1 пуд 35 фунтов, из них: 1) на станц. Минск - 10 фунтов; 2) на Смолевичи—20 фунтов, 3) в Микуличи—10 фунтов; 4) в Бобруйск—10 фунтов; 5) на ст. Завишин—15 фунтов и 6) на ст. Гродзянку—10 фунтов.

Разведка: Замечено присутствие противника в д. Слободке и д. Забашевичи, деревни обстреляны пульогнем. В расположении противника к югу от Борисова насчитано 13 пожаров. Обнаружены 2 действовавших батареи: одна—у д. Палалеевка (на карте на месте 2-й буквы „Л“ у слова Палалеевка), другая—в полуверсте к северу от нее; обе обстреляны 11-ю самолетами.

По дорогам движения не замечено.

23-го мая.

Погода ненастная. С трудом удалось совершить 11 боеполетов.

Бомбометание: сброшено 2 пуда 10 фунтов бомб: 1) в дер. Слободка—1 пуд; 2) в дер. Мурова—20 фунтов; 3) в Борисов—30 фунтов.

Литература: сброшено в дер. Слободку—20 фунтов.

Пулеметный обстрел: обстреляны: 1) окопы между д. Застенок и Мурова; 2) д. Черновичи; 3) д. Слободка; 4) д. Гливен.

24-го мая.

Погода неблагоприятная. Совершено 14 боеполетов.

Бомбометание: сброшено бомб—6 пудов 25 фунтов, из них: 1) в дер. Слободку—1 пуд; 2) на ст. Жодино—5 пудов 5 фунтов; 3) в Борисов—20 фунтов.

Разведка: в д. Слободка обнаружена пехота—обстреляна пулеметным огнем. В районе д. Красное замечен небольшой обоз (повозок 20). Небольшое движение по дороге Забашевичи—Лозино. Крупных скоплений войск противника не обнаружено.

25 мая.

Боеполетов—28.

Бомбометание: Сброшено бомб 12 пудов 35 фунтов:

1) район дер. Ухолоды—1 пуд 25 фунтов; 2) д. Юревичи—30 фунтов; 3) д. Микуличи—30 фунтов; 4) в д. Логи—30 фунтов; 5) м. Березино—35 фунтов; 6) в д. Слободку—10 фунтов; 7) на аэродром в Жодино—1 пуд 35 фунтов; 8) на ст. Жодино—3 пуда (одна бомба упала на полотно жел. дор.) 9) в д. Черневичи—10 фунтов; 10) на д. Слободку—5 фунтов; 11) на Борисов—1 пуд.

Разведка: Замечено частичное отступление противника в районе Борисова. Пожар моста у д. Ухолоды. Шоссе (тракт) Борисов—Жодино пусто. Западнее д. Уперевичи—бронепоезд. Из д. Пересады в дер. Красное шел небольшой обоз—обстрелян пульогнем. От Смолевичи на ст. Жодино обстрелян небольшой обоз. Около д. Логи обнаружено несколько эскадронов кавалерии—обстреляны пульогнем. Сюда же сброшено 30 фунтов литературы.

26 мая.

Ненастье. Совершено 4 полета. Сброшено на ст. Жодино—10 фунтов бомб и на Слободку—15 фунтов литературы.

27 мая.

Совершено 10 полетов.

Бомбометание: сброшено 2 пуда бомб:

1) на м. Слободку—20 фунтов, 2) в Черновичи—10 фунтов; 3) в Забашевичи—20 фунтов; 4) в Жуковец—20 фунтов; 5) в Мурове—10 ф. В эти же пункты сброшено 25 фунтов литературы.

28 мая.

37 боеполетов. Сброшено бомб на Борисов и батареи возле него —17 пудов 30 фунтов. В итоге за период с 17-го по 28-е мая совершено 262 боеполета; сброшено 124 пуда 20 фунтов бомб и 8 пудов, 30 фунтов литературы.

Несмотря на такой солидный труд авиации—последней все-таки было поставлено в упрек командованием, якобы „полное безучастие“ в операции. Упрек необоснованный и несправедливый. Необходимо прежде всего знать, что подавляющее количество самолетов были одноместные самолеты ньюпоры и спады, т. е. истребители, совершенно не расчитанные и неспособные к бомбометанию; в силу же исключительной необходимости и желания чем либо помочь общему делу —летчики брали всегда в полет то, что они были в силах брать, а именно:

по 2 бомбы, каждая весом по 5 фунтов. Ясно, что такие бомбы, да еще в таком ничтожном количестве не давали и ни в коем случае не могли дать того устрашающего действия, которого ожидали люди, некомпетентные в деле авиации. Затем — те же *ньюпоры*— истребители были вооружены пулеметами *Люис* с обоймами по 48 патронов. Перезарядка таковых в воздухе для летчика—истребителя дело весьма сложное и требует большого навыка и не всякому доступна, так как требует еще и отличной техники полета; выпущенная же по противнику одна обойма в 48 патронов не может нанести противнику не только существенного вреда, но даже не произведет желанного морального эффекта.

На успешность работы влияла также сильная изношенность самолетов и моторов, весьма часто вызывавшая остановки моторов, вынужденные посадки и аварии. За майскую операцию разбилось 2 летчика и 1 получил серьезные ранения.

Принято во всякой неудаче искать виновника, каковым всегда избирается слабейший, так называемый: „стрелочник";

Эту навязанную роль пришлось играть нашей несчастной авиации.

Виноваты в этой операции все роды оружия и главным образом пехота, не втянувшаяся еще в наступательные операции, но не наша задача в этом очерке разбираться в этом.

Правда и авиация, как и все, была не без греха. Были и у нее некоторые промахи, но они имели некоторое оправдание. Так, эскадрилия *Ширинкина* слишком увлекалась бомбометанием Борисова и тыла противника, в ущерб непосредственной работе с наступающими нашими частями, но зато она выгнала из Борисова все, что там было— и пехоту, и артиллерию—и обезлюдила город.

Что же касается работы эскадрилии красвоенлета *Кожевникова*, то она ярко выражена в телеграмме начдива 8, копию которой приводим здесь: „Телеграмма. Комвоздухэскадрилии тов. *Кожевникову* 4 июня 1920 года. Во исполнение приказания армии, отдавая с сожалением распоряжение о переводе эскадрилии на другой участок, от лица службы прошу принять и передать эскадрилии благодарность от всей дивизии за отличную безотказную работу. Честь и слава прекрасной эскадрилии. Начдив 8 Рябинин. Военком Отлей".

В заключение следует отметить, что при каждом полете все летчики непременно производили обстрелы тех или иных целей, главным образом, передовых линий противника. Приведенные же выше случаи обстрелов противника являются лишь главными и наиболее ценными.

В. Микулин.

Методика начальной подготовки всадника.

Можно быть различного мнения о преимуществах или недостатках той или иной системы выездки лошади; можно до бесконечности спорить о пользе и вреде мундштука, но нельзя не признать, что в основе законченного *управления* лошадью лежит всегда одно и то же—

это прочность, свобода и уверенность посадки, обеспечивающие *всем* членам всадника ту подвижность и независимость действий, которые только одни и позволяют подойти вплотную к вопросам управления и выездки, совершенно безотносительно до того, будут ли лежать в основе их толкования заветы покойного Джемса Филлиса, или принципы Пинерольской кавалерийской школы, или какие либо иные.

Задача создания посадки всадника является таким образом основной задачей обучения езде, как искусству, которым она, по справедливости, является.

Считая это утверждение неоспоримым, остается указать на то, что к вопросу о посадке не может быть никакого иного подхода, как только в плоскости физических законов равновесия сложного тела, каким является лошадь с всадником. Это определяет собой основы методики при выработке посадки; таким образом, этот момент обучения должен быть чужд *всякой тенденциозности*, как результата предрешения вопроса о дальнейшем уклоне обучения в целом (пресловутые „итальянские" посадки и т. п.).

Этот момент—момент чисто гимнастический, если угодно—и только аналогичный пример—эта необходимость чисто физической выносливости в стойке и законченной отделки и свободы выпада (действия по существу чисто гимнастического порядка) для бойца на эспадронах, совершенно независимо от того, тренируется ли он по французской или итальянской методе.

Исходя из изложенного, мы попытаемся осветить практическую работу инструктора в деле начального обучения езде молодых кр-цев, считая при этом своей главной задачей—дать ряд конкретных указаний о приемах выработки посадки и о последовательности применения этих приемов, а также об общем характере самого метода обучения.

С последнего придется даже, пожалуй, и начать, так как им определяется сущность отдельных применяемых приемов, последовательность которых является лишь данью простому здравому смыслу, коль скоро инструктор уяснил себе смысл и конечную цель того или иного приема.

Само собой разумеется, что метод обучения должен быть преимущественно „показательным". Эту избитую фразу приходится все-таки повторить, ибо наиболее простые истины чаще всего забываются. Дело, однако, не столько в самой „показательности", сколько в ее *осмысленности*, иными словами—*в раз'яснении, для чего требуется исполнение того или иного показываемого упражнения.*

Действительно, общий уровень интеллектуального развития массы молодого пополнения обычно таков, что мечтать о раз'яснении „законов равновесия сложного тела" совершенно не приходится. Подход к делу с первого же дня обучения должен быть чрезвычайно прост, и в основе его должно лежать подчеркивание *явно очевидных* истин, которые сами обучаемые в состоянии *самостоятельно* подметить и в сущности которых они *самостоятельно* же могут разобраться. Неза-

тельность требований инструктора, освобождая мысль обучаемых от того напряжения, которая неизбежно сопутствует „мозгованию“ над всяким новым, еще не понятым, а то и вовсе не схваченным моментом, всецело отдает ему внимание учеников. Отсюда—ясность тех выводов, которые они делают из его слов. Пусть эти выводы будут на первых порах примитивны—зато они *прочно* засядут в мозгу обучаемых, будут им понятны, а это, в свою очередь, заставит их с охотой итти на встречу требованиям обучающего, задача которого будет существенно облегчена тем, что каждый знает не только, *как* надо сделать, но и *для чего* именно это нужно.

Таким образом открывается широкий простор для *самосовершенствования* обучаемых, поскольку в них самих заложен к этому стимул. В тех же отдельных случаях, когда последний слабо выявлен, а то и вовсе отсутствует—его надо создать искусственно, путем умелой игры на самолюбии. Практические указания по этому вопросу будут особо даны ниже.

В общем и целом инструктор медленно, шаг за шагом, прививает обучаемым ту сумму понятий, которая необходима для того, чтобы *сделать* из них сознательных всадников (*только* всадников, отнюдь еще не наездников).

Делает же их таковыми каждодневная практика, при чем всякое забегание вперед решительно отвергается. *Только то, что понято и усвоено всеми—но за то как следует и всеми одинаково*—вот лозунг начального обучения езде.

В конце концов надо прямо признать, что хорошим наездником в полном смысле этого слова может быть, конечно, далеко не всякий. Хорошо же (правильно) *сидеть*—доступно каждому, физически нормальному человеку.

Из этого естественно вытекает возможность добиться впоследствии и удовлетворительного управления от всех тех учеников, которые не смогут подняться выше среднего уровня (на что нужны особые природные способности). Принимая к тому же во внимание, что люди отбираются в кавалерию лишь при условии известного физического их соответствия этому, следует считать, что безнадежные ученики могут оказаться только исключением *). Инструктор должен твердо запомнить, что „посадить“ можно *безусловно* всякого; в развитие этого он должен непоколебимо внушить всем своим ученикам, что каждый из них может „сесть“. Это должно быть сделано на столько авторитетно и мотивировано, чтобы ни у одного из обучаемых *не осталось и тени сомнения* относительно возможности добиться успеха в отношении себя. Все возможные случаи неуспеха инструктор должен *заблаговременно* отнести в глазах обучаемых за счет отсутствия надлежащего желания и старания с их стороны, а это совершенно необходимо как педагогический прием, оставляющий сразу же на психологии учеников известный след, сущность которого не требует особых раз'яснений.

*) С ними надо все же, не отчаиваясь, вести отдельные занятия—успех коих и труден, но не исключается и является во многом вопросом терпения.

Покончив с этим, следует перейти к практической стороне обучения, начав это, примерно, следующим образом.

Инструктор выводит смену в манеж, куда приказывает привести одну из более тряских лошадей (но вполне спокойную), заседланную седлом без стремян (снимаются вместе с путлищем), садится верхом, смену собирает вокруг себя *без всякого определенного строя* и раз‘ясняет следующее: что лошадь при движении трясет и толкает всадника, при чем разно на шагу, на рыси и на галопе; что каждый такой толчок, передающийся всаднику, заставляет его отделяться от седла, если толчки очень резки, причем он может и упасть, если не сумеет справиться с действием этих толчков.

Все это знакомо каждому обучаемому из деревенской практики и вполне понятно.

Затем инструктор раз‘ясняет, что у всадника есть три способа удержаться в седле—либо одним равновесием, либо одними физическими усилиями, либо сочетанием того и другого вместе.

Это об‘яснение тут же сопровождается показом—инструктор проезжает перед сменой рысью, в одну сторону—с вытянутыми вперед и выпрямленными ногами, балансируя одним корпусом, обратно—в седле, но утрированно зажимаясь коленками и голенями ног и придавая ненормальное положение корпусу, и, наконец, в третий раз—соблюдая правильную посадку.

Затем инструктор раз‘ясняет, что одним равновесием или одними физическими усилиями удержаться нельзя — нужно их сочетать, и об‘ясняет почему (при недостаточном шлюссе *) всадник пользуется только равновесием, что не прочно; при недостаточном же равновесии всадник излишне тратит силы, чтобы удержаться в седле помощью шлюсса). При этом инструктор тут же об‘ясняет, что шлюсс требует, чтобы у всадника было бы *возможно больше точек соприкосновения* с лошадью („прилип“ к лошади), но оговаривает, что это соприкосновение должно быть достигнуто *исключительно* за счет седалища и внутренней стороны ляшек, так как ноги от колена и ниже нужны будут впоследствии для управления и, следовательно, удерживаться ими ни в коем случае нельзя—они должны быть совершенно свободны. А раз так, то ляшки всадника должны лежать так, чтобы обеспечить указанное возможно большее число точек соприкосновения (показывается).

Таким образом инструктор естественно подходит к об‘яснению правильного положения ног при посадке, в связи с вопросом о шлюссе.

Этот вопрос, связанный с глубиной посадки, столь же естественно приведет к необходимости указать на то, что каблук должен быть оттянут, а носок довернут. При правильном (последовательном и раздельном) подходе к об‘яснению, каждый обучаемый поймет—*зачем*

*) Выражений „шлюсс“ и „баланс“, как непонятных обучаемым, следует избегать, заменяя их, например, определениями „крепость посадки“ и „равновесие всадника“.

это нужно *), и в дальнейшем поправку инструктора „оттяни каблук“ или „приверни носок“ воспримет правильно—как указание на *расстройство* в своей посадке, а не как какое то бессмысленное с первого взгляда требование, особенно бессмысленное для тех, кто с детства по многу ездил дома в деревне на одном балансе, мотая ногами, что называется, как бог на душу положил (при об'яснении это место надо подчеркнуть и остановиться на нем подробнее).

Об'ясняя все изложенное, инструктор принимает, стоя на месте, ряд ненормальных положений, *обычных* для обучаемых, раз'ясняя, в какой мере они способствуют расстройству или недостаточности шлюсса.

Покончив с вопросом о шлюссе, инструктор переходит к вопросу о равновесии и указывает, чем оно осуществляется (часть туловища от головы до поясницы включительно). При этом инструктор тщательно подчеркивает, что часть тела ниже поясницы участия в восстановлении равновесия принимать не может, а содействует лишь удержанию правильного шлюсса, при чем ощущения в седалищных костях являются одновременно и показателем правильности равновесия.

Затем инструктор раз'ясняет, что руки, как предназначенные в будущем для управления, средством поддержания равновесия (болтание руками) отнюдь быть не могут, и последовательно подходит к об'яснению правильного положения туловища и поясницы, особенно тщательно останавливаясь на роли и значении последней (подчеркивается и поясняется необходимость ее мягкости, эластичности).

Эта часть об'яснения сопровождается показным движением инструктора шагом и рысью с принятием умышленно неправильных положений, *обычно свойственных* обучаемым и в противовес этому—правильного положения, чтобы пояснить сущность необходимой поправки со стороны самого всадника в своей посадке.

После этого следует дать 15 минутную передышку, *разрешив закурить*.

Таким образом, в воображении обучаемого вызваны *привычные и знакомые* ему моменты (деревенская езда), указаны неправильности их и раз'яснено, почему именно неправильно. Вместе с тем у обучаемых создано *раздельное* представление о шлюссе и балансе в понятных выражениях, указаны средства для поддержания того и другого, и подчеркнута необходимость *связи* между тем и другим. В области этого последнего вопроса налегать надо с места, *при каждом удобном случае возвращаясь* к тому, что неправильное положение корпуса у

---

*) Потянешь каблук книзу—колено пойдет назад и ляжет *на свое место*. Когда это *будет сделано*—приверни носок—колено плотно приляжется к седлу.

Очень часто приходится наблюдать, как ученики, не получившие раздельного и исчерпывающего об'яснения этих телодвижений и запомнившие требование плотно прижимать колено к седлу (обычное „унтер-офицерское“ об'яснение шлюсса), добросовестно занимаются в седле, не отдавая себе отчета в том, на месте ли колено, а также в том, что нужен не „зажим“, а именно доворачивание. Правильно раз'яснив необходимое удается в большинстве случаев тут-же пересадить ученика, как следует.

неопытного всадника—механический вывод ноги из правильного положения и наоборот *). Подчеркивание этого придаст осмысленность в глазах обучаемых тем специальным упражнениям, целью которых является развитие независимости частей тела всадника.

Всему этому багажу надо дать поулечься в головах обучаемых. Чтобы закончить первый урок, нужно взять лошадь на корду и на выдержку посадить поочереди нескольких учеников, которых и „протрясти" шагом и рысью. Это даст возможность получить образцы самых разнообразных и в большинстве случаев неправильных посадок, на неправильностях которых и следует остановить внимание учеников, заставляя их на выдержку отвечать на вопрос—какие именно неправильности он усматривает и как их надо устранить (выпрямить корпус, подать назад ноги и т. п.). Вовлекая возможно большее число обучаемых к обсуждению этих вопросов и *комбинируя последние так*, чтобы неизменно возвращаться к вопросам шлюсса и баланса и к связи между ними, обычно удается с первого же раза добиться у большинства учеников правильного понимания сути дела, чем цель первого урока и является достигнутой.

Здесь необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что именно этот первый урок приобретает огромное значение в ходе дальнейшего обучения.

Во первых, он сразу же выявляет обучаемым подход к делу их инструктора и вызывает доверие к этому подходу, поскольку он понятен и ясен. Мало этого, *вовлечение сразу же всей массы обучаемых в процесс обучения* (собеседование, вопросы и ответы) чрезвычайно сближает их с инструктором и кладет прочное основание для непринужденного общения в дальнейшем, что особенно важно, ибо ученик *только тогда будет успевать*, когда он *сам, по своей инициативе*, с охотой пойдет к инструктору за справкой и советом.

Развить это стремление необходимо во что бы то ни стало и первая задача на пути к этому—это отказ от унтер-офицерщины и от такого подхода к обучаемому, который видит в нем лишь одну из составных единиц смены—и только.

Пытливая мысль обучаемого должна получить полный простор и *возможность высказаться*, встречая полное внимание к этому моменту. Надо заметить, что масса молодого пополнения в общем и целом всегда крайне охотно, а зачастую не без увлечения идет на встречу обучению езде, и весь вопрос в том—удастся ли инструктору „раскрыть рты" своим ученикам, или эти рты с первого же раза замкнутся, открываясь лишь для казенных ответов. Опасность эта очень реальная, ибо тяготение массы молодого пополнения к успеху в обучении обычно затушевано, особенно на первых порах, крайней застенчивостью, и неумелый подход к этой застенчивости, могущей иногда показаться с внешней стороны инертностью и даже природной тупостью—может многое испортить.

*) Корпус назад—колени вперед и кверху, что особенно часто наблюдается у молодых.

Во первых—предлагаемое начало обучения сразу же *картинно* закрепляет в представлении обучаемых основные понятия, необходимые в процессе всего дальнейшего обучения. Правильно (умело!) преподнесенные понятия о шлюсое и балансе, как об основе посадки, и о свободе и независимости отдельных членов, нужных для управления, должны крепко засесть в мозгу обучаемых *раз навсегда* и забывать о них он уже не должен. Следовательно, чрезвычайно важно, чтобы его внимание было бы привлечено к этим вопросам в такой форме, которая вызвала бы яркость рефлекса мысли, и настолько раздельна, чтобы одно с другим не спуталось.

Исходя из важности этого момента обучения, надо взять за правило *никогда не итти дальше ранее того,* как у инструктора не будет твердой уверенности, что мысль большинства обучаемых переварила и усвоила все предложенное ей в первый урок. *)

С этой целью второй, третий, а может быть и четвертый уроки будут состоять в углублении первого тем способом, которым первый был закончен, но уже с определенной последовательностью.

Именно—второй урок и последующие, сколько окажется нужным, будут заключаться в том, что ученики, уже не на выдержку, *а каждый по очереди,* будут садиться на лошадь на вольту, а инструктор, привлекая внимание *всех* обучаемых вопросами и ответами, будет делать каждому ездоку персональные указания на то, на что именно ему нужно обратить у себя внимание—у кого ноги, у кого руки, у кого плечи или поясница и т. п., тут же указывая, что именно надо сделать, чтобы добиться исправления ошибки.

Большинство последних носит обычно чисто индивидуальный характер. Поэтому шаблонная поправка „оттянуть каблук" или что нибудь в этом роде—не совсем то, что нужно. От инструктора требуется, чтобы он дал каждому ученику конкретное указание—как именно *ему, обучаемому Иванову или Петрову,* оттянуть *свой* каблук. Поскольку индивидуальные особенности сложения, роста и т. п. у каждого из учеников разнятся, постольку и каждая поправка, а главное—сопровождающие ее раз'яснения, даваемые ученику—должны учитывать эти особенности, и делать эти поправки следует очень тщательно, не брезгая никакими мелочами.

Можно сказать, например, что Иванову нужно все время следить за тем, чтобы край его колена было бы на два пальца позади валика на крыле седла—как только вылезло вперед—тяни его сейчас же назад и вниз, и все время об этом помни—и в этом роде дальше.

Таким путем *каждый из обучаемых* получает детализированные указания на будущее и знает, что именно *у него* хромает, о чем *он* должен неустанно помнить, и как именно исправить *свои* ошибки.

Путем такой постановки дела мысль у каждого ученика приковывается к характерным для него неправильностям и вопрос их

*) Чтобы помочь ей в этом, полезно возвратить внимание учеников ко всему сказанному уже в неурочное время—вечером, например, и вызвать маленькую дискуссию, не придавая ей никакого обязательного характера.

исправления становится уже, главным образом, вопросом практики и добросовестности самого ученика. Это одновременно облегчает и работу инструктора при работе в масштабе всей смены, когда уследить сразу за всеми будет уже очень трудно, а то и невозможно; в этом случае сознательность обучаемых явится большим подспорьем.

Как уже указывалось, *вся* смена привлекается к выяснению персональных ошибок очередного ученика, ездящего на вольту, и инструктор, давая обучаемым руководящие указания на будущее, делает, в сущности, лишь сводку того, что выяснено этим коллективным методом. Таким образом делается сразу два дела: 1) вся смена, пропуская полностью весь свой состав по одному перед собой, окончательно закрепляет в своем представлении все сообщенное ей инструктором в первый урок. 2) *Каждый* ученик получает на будущее определенные указания и уже детально знает, на что именно ему обратить *у себя* особенное внимание.

Так как за один час проделать всю эту работу над 12—15 людьми *) нет, конечно, никакой возможности, то второй урок продолжается на третьем и четвертом, если надо. Торопиться незачем—здесь закладывается фундамент всей будущей работы, и к этому моменту нужно отнестись с особенной тщательностью и вниманием.

Чтобы не терять времени, те ученики, которые прошли через указания инструктора, получают лошадей, и им дается возможность ездить врознь на шагу вокруг места сбора смены. Перед этим инструктору следует сказать этим людям, что вы, мол, теперь знаете, что у кого хромает, старайтесь исправить это сами и *подсказывайте друг другу*, если заметите у товарища ошибку. Это маленькое проявление доверия, в остальном само по себе, с точки зрения результатов обучения, вполне безвредное, окупается повышением самочувствия людей и их стремлением оправдать это доверие и устранить свои ошибки **). Совершенно очевидно, конечно, что в один—два дня они этого никогда не добьются, да это и не так важно, все обучение еще впереди. Зато здесь с места создается стимул для работы обучаемых над самими собой, а это—главное.

Для наблюдения за ездой врознь приставляются помощники инструктора, если они есть, однако с указанием воздерживаться от изобилия поправок, прибегая к последним лишь в случае безусловной необходимости и ограничиваясь поддержанием общего порядка и *побуждением учеников к взаимным поправкам*.

Положительная сторона этого приема в целом та, что люди с места же получают известную самостоятельность при езде (преддверие езды врознь в серьез), которую и надо *методически, постепенно расширять*, твердо помня, что езда в смене—в конце концов—лишь средство на время взять обучаемых в руки и под команду, центр же

*) Предельная цифра для смены при рациональной постановке обучения.

**) Одновременно это и первый шаг к неуклонному проведению системы привлечения учеников к непосредственному участию в обучении („разговаривающие“ ученики), чрезвычайно способствующей оживлению и осмысленности занятий.

тяжести лежит в *самосовершенствовании* обучаемых при езде врознь *), где они используют указания инструктора, полученные в смене.

Выражаясь образно, смена—это класс, где читаются лекции, а езда врознь—период домашней подготовки к сдаче в том же классе очередной репетиции.

Таким образом к концу третьего или четвертого урока *все* обучаемые смены будут снабжены подробными *индивидуальными* указаниями, а часть из учеников уже успеет сделать самостоятельно первые шаги к самопоправке. Этим самым подготовительная работа заканчивается.

Дальнейшая работа будет заключаться, с одной стороны, в развитии у *всех* обучаемых шлюсса и баланса путем соответствующих упражнений (общее место обучения), и в попутном устранении индивидуальных ошибок посадки, как таковой, *у отдельных людей* (детализация обучения).

К числу приемов, способствующих достижению первой цели, относятся:

1) Гимнастика на коне, на месте и на ходу.

2) Мена лошадьми между всадниками.

3) Вольтижировка (как предмет особых занятий в специальные часы).

4) Езда врознь с прохождением ряда мелких препятствий разной высоты, в беспорядке разбросанных по манежу.

5) Выезды в поле.

Мы попытаемся дать практическое указание по поводу каждого из этих приемов в отдельности.

Гимнастика на коне.

Цель занятий ею и смысл отдельных упражнений должны быть ясны не только для самого инструктора, но и для каждого из учеников. Только в этом случае можно ожидать успеха, и в интересах последнего нужно не только тщательно, „показом“, ознакомить обучаемых с техникой того или иного упражнения, но и самым детальным образом раз‘яснить—в развитие чего именно (шлюсса, или баланса, или того и другого вместе) оно производится. Только тогда может быть уверенность в том, что наиболее активные обучаемые, проявляющие максимум самодеятельности, будут делать это с толком; в отношении прочих, нуждающихся в подталкивании, задача будет облегчена возможностью только требовать правильного исполнения, не останавливаясь уже на раз‘яснениях.

Вообще, как в целях экономии времени, так и в интересах авторитетности методики обучения, надо взять за правило—требования пред‘являть не раньше, чем будет твердая уверенность **), что все

*) Для чего последняя отнюдь не должна ограничиваться рамками манежа (исключая, конечно, случая езды в закрытом манеже)—ученикам следует разрешить от‘езжать на 100—150 шагов, иначе они лишь стеснят друг друга.

**) Проверенная умело комбинированным перекрестным опросом и на выдержку на практике.

поняли, и поняли при этом правильно. Когда это достигнуто, исполнение надо отшлифовывать до результата не ниже хорошего (в среднем) в масштабе целой смены, и *лишь после этого* идти дальше.

Всякая поспешность здесь крайне вредна. Выработать всадника за пару дней нельзя—это очевидно, и это нужно особенно часто вспоминать инструктору, так как нужна большая выдержка, чтобы не поддаться соблазну *перескочить* через известные шероховатости, соблазну, неизменно встречающемуся на практике *).

Таким образом, цикл гимнастических упражнений должен быть разработан со строгой и анатономически обоснованной последовательностью. Всякое новое упражнение должно быть технически показано инструктором, и смысл его должен быть раз'яснен. Затем необходимо убедиться в том, что показ и об'яснение всеми правильно поняты. Лишь тогда следует переходить к отшлифовке самого упражнения, *вводя в известной стадии этого момента новое упражнение*, представляющее, с анатомической и физиологической точек зрения, следующий шаг вперед.

Во всей этой работе сменная езда является (да и то больше на первых порах) лишь средством контроля и однообразного направления самодеятельности учеников. Злоупотреблять этим средством отнюдь не следует, так как обстановка езды в смене действует убаюкивающим образом на психологию обучаемых.

Однако последние должны помнить, что результаты их самостоятельной работы весьма тщательно и *внимательно* учитываются, и это сознание должно быть укреплено настолько, чтобы стать регулятором тенденции превращать езду врознь в бесцельное катание, наблюдающееся иногда у отдельных обучаемых.

Лишение права езды врознь и даже перевод на езду на вольту должен отбить у таких учеников охоту к такому пониманию дела, а у прочих—желание подражать.

Вся постановка занятий должна быть такова (что, помимо чисто внешних форм, в еще большей мере вопрос такта инструктора и его педагогических способностей), чтобы каждый обучаемый *ценил* предоставляемое ему право самодеятельности и лез бы, что называется, из кожи вон в своем стремлении к совершенству. Добиться этого крайне не трудно умелой игрой на самолюбии в сочетании с мерами поощрения, с одной стороны, и с дисциплинарными мерами воздействия, если бы это было нужно, с другой. Последних следует, впрочем, по мере возможности, избегать, обращаясь к ним лишь в самых крайних случаях явного отлынивания или сознательного упорства.

В общем и целом порядок работы должен быть таков: убедившись, что показанное упражнение технически усвоено и правильно понято—

*) Те возражения, которые приходится слышать, что предлагаемый метод неосуществим на практике, т. к. не хватает времени возиться с каждым учеником в отдельности, не выдерживает критики. *Видимая* успешность в смысле быстроты прохождения курса на первых порах м/б. не будет бить в глаза, зато к концу *всего* периода обучения результаты скажутся, и скажутся ярко.

инструктор проделывает его сначала на езде в смене, не скупясь на поправки, а затем распускает смену врозь, приказав упражняться в индивидуальном порядке*). Само собой разумеется, что на протяжении одного—двух уроков никаких видимых результатов добиться нельзя. Но на протяжении *ряда* занятий, *проведенных таким способом*, результаты эти уже скажутся. Тогда в окончательную отделку *вкрапливается* начало нового упражнения и т. д., как уже было изложено выше. Таким образом, *по мере успеха*, езда в смене служит уже средством проверки *нескольких* упражнений или комбинаций их, и когда *весь* цикл упражнений постепенно пройден и исполнение их отделано—необходимость в езде врозь *в целях гимнастики* отпадает, и инструктор получает возможность использовать езду врозь уже в интересах вопросов управления, проделывая гимнастику лишь исключительно *целой сменой*, для поддержания гибкости всадников всегда на том уровне, который был методически достигнут всей предшествующей работой.

В этот период гимнастическим упражнениям следует придавать уже отчетный характер, щеголяя одновременностью и правильностью исполнения, как показателем успеха всей смены в целом, что должно быть сделано стараниями инструктора предметом гордости всех обучаемых. Это—опять-таки вопрос подхода к людям.

Мы считаем уместным подчеркнуть здесь, что гимнастические занятия на коне приходится наблюдать обычно в совершенно иной постановке—*исключительно* в смене, почти, как правило, сомкнутой на хвост, и с места же по команде или подсчету. Такая система, в основе которой лежит „унтер-офицерское" предубеждение против езды врозь, как разбалтывающей людей,—самая никчемная из всех, какие могут существовать. В самом деле—гимнастика на коне для молодого кр-ца, совершенно к ней не подготовленного и в подавляющем большинстве случаев физически сырого—вещь далеко не легкая, и просто физически не дается ему, особенно на первых порах, даже при самом большом желании с его стороны. Требовать при этих условиях одновременного исполнения по команде—значит физически утомлять людей и заставлять их либо отчаиваться в своей способности добиться успеха, либо толкать их на путь безучастного исполнения, обычно смазанного в чистоте и энергии исполнения и не имеющего поэтому никаких полезных последствий; таковыми должны быть развитие мускулатуры, связок, гибкости членов и независимости их действий, и, с точки прямых интересов обучения, езда врозь и дает как раз то, что надо, так как *регулятором* здесь является не команда, а *размер физических способностей* каждого обучаемого; это исключает возможность переутомления и, на наш взгляд, неоднократно

*) Инструктор наблюдает за ездой врозь, вызывает отдельных учеников к себе или пользуется их прохождением мимо себя для производства поправок; главным же образом надо добиться, чтобы ученики *сами* под'езжали за раз'яснениями, когда, после нескольких уроков, ученик несколько раз *сам* справляется, правильно ли он сидит—значит мысль его и воля работают в этом направлении, а тогда успех обеспечен.

проверенный на практике, тяготение к „сколачиванию“ смены и к механизации обучения (понимаемой, как однообразие его), наблюдается главным образом у тех инструкторов, которые не способны найти подход к психологии обучаемых и к индивидуализации занятий. Отсюда и инстинктивная *боязнь* езды врознь, где люди будто бы ускользают из рук и разбалтываются. По непосредственному впечатлению это может быть и так, на самом же деле это глубоко не верно, ибо инструктора и учеников связывают в это время незримые узы взаимного понимания, созданного всей подготовкой момента езды врознь, как мы ее попытались пояснить.

У инструкторов этого типа нет также и твердой веры в готовность людей учиться и совершенствоваться; они считают метод держания в кулаке наиболее правильным, как лишающий личность учеников возможности проявлять такие свойства, как нерадение и пассивность, которые им преимущественно приписываются.

Точка зрения, конечно, глубоко неверная. Мы имели уже случай указать, что молодое пополнение обычно, особенно на первых порах, застенчиво, а то и просто робко. Отсутствием чуткости к этому обстоятельству и об'ясняется вышеупомянутая точка зрения, результатом которой обычно бывают недоученные смены, сильно отставшие по успешности сравнительно с нормальными сроками обучения.

Предметом особого недоумения и опасений является для инструкторов „унтер-офицерского“ толка и *разговорчивость* обучаемых, то есть, вернее, *предоставляемое им право разговаривать*. Наивность этих опасений не приходится особо раз'яснять.

Остается указать еще на то, что занятия гимнастикой не должны продолжаться целый час—люди просто устанут. Поэтому, в промежутках между репризами гимнастических упражнений, смены двигаются шагом и рысью, при чем инструктор поправляет посадку на основе индивидуальных указаний, данных на первых трех—четырех уроках.

Здесь крайне полезно задавать такие вопросы, которые будировали бы и сосредоточивали бы внимание учеников, например: вопрос—Иванов, что у вас с самого начала было неправильно? Ответ—корпус откинут назад и поясница твердая. Обучающий—посмотрите на себя, опять то же самое, корпус ровно, еще, еще, так—довольно, теперь поясницу освободите, так, так,—вот так, а теперь сидите и будьте внимательней, вы же знаете, что это у вас с самого начала так, пора наконец поправиться!

Таким путем инструктор постоянно возвращает внимание учеников к их индивидуальным ошибкам и одновременно медленно, но верно совершенствует, путем систематических упражнений, их физическое „я“, постепенно создавая те условия, при которых прогрессирующее развитие Иванова позволит ему, наконец, в результате его сосредоточенного внимания, выпрямить свой корпус, которым ему прожужжали уши. И поскольку индивидуальные неправильности посадки, обнаруженные с первого же дня обучения отдельными людьми

носят, в общем, постоянный характер, как прямой результат особенностей сложения или недоразвитости—постольку предлагаемый метод самый верный, как путь к исправлению.

Достигаемые успехи в посадке отдельных учеников необходимо *всячески подчеркивать*, попутно раз'ясняя, какую роль сыграли производившиеся упражнения в этом улучшении.

В заключение мы считаем полезным дать несколько чисто технических указаний в отношении производства самих упражнений, в частности касающихся развития шлюсса.

Основа последнего—развитие паховых связок, способствующее тому, что всадник раздается в паху, а в результате—глубоко садится в седло, то есть достигает максимума точек соприкосновения с лошадью, в чем и заключается секрет шлюсса.

В интересах достижения этого необходимо все упражнения ног производить, имея их *совершенно вытянутыми, напряженными, с вытянутыми вперед носками.* Это положение ног позволяет: 1) сделать их мощными рычагами для взмаха при всякого рода упражнениях (ножницы, например), требующих движения от бедра, что весьма способствует „раздаче" в паху. 2) Сидя с вытянутыми ногами, всадник держится на одном балансе, которому уделяет, в силу этого, особое внимание —работает корпус, плечи, поясница; таким образом положение с вытянутыми ногами, являясь подготовительным для всякого рода телодвижений, направленных к развитию шлюсса, само по себе является и упражнением в балансировании.

На указанном положении ног нужно настаивать во что бы то ни стало, так как при всяком ином положении их рациональной гимнастики в интересах развития шлюсса *быть не может*—это следует твердо помнить. Целый ряд весьма полезных упражнений, как, например, кругообразное движение ног от бедра—мыслим лишь при таком положении ног, как указано; целый ряд других—качание ногами от бедра, ножницы и т. п., сильно прогадывают в интенсивности (физический эффект) и в красоте приема, если исполняются болтающимися, не напряженными ногами. т. е. становятся почти безцельными. Наконец, напряженное состояние ноги в результате *волевого* усилия само по себе содействует развитию мускулатуры бедра и голени.

Следовательно, на чистоту отделки вытягиваний ног нужно обратить особенное внимание само собой разумеется, об'яснив, как это уже указывалось—зачем это нужно. Указанное положение ног должно автоматически приниматься учениками при подаче команды для того или иного упражнения, например: качание ног спереди назад (ноги мгновенно вытягиваются)—„начинай" (делается упражнение).

При езде врозь обучаемые, приступая к производству какого нибудь упражнения ногами, также должны принимать исходное положение совершенно автоматически.

Поскольку это требование само по себе пред'являет запросы и к их вниманию—постольку исполнение его необходимо должно быть отшлифовано до конца.

Вопрос о положении ног необходимо будировать до тех пор, пока это положение их не станет для обучаемых *вполне* привычным. В конце концов, это только вопрос энергии и неутомимости инструктора' так как ряд других упражнений, производимых параллельно с ездой в особые часы—гимнастика на брусьях, вольтижировка—при правильной их постановке содействуют той же цели, так как и там положение ног должно быть в точности такое же.

Когда это положение окончательно утвердилось, следует переходить к производству ногами энергичных взмахов спереди назад со сведением каблуков над крупом лошади, что весьма способствует развитию паховых связок и глубине посадки. При этом всадник берется обеими руками за луку и в момент сведения пяток должен иметь руки *совершенно выпрямленными*. Конечным моментом этих взмахов является, в дальнейшем, производство правильных ножниц, т. е. таких, при которых ноги ни на секунду *не сгибаются*, а исполнение упражнения достигается ловким переворотом корпуса в момент нахождения его в горизонтальном положении.

Что же касается до упражнений, направленных к развитию баланса, как такового, то они, в общем, стереотипны—это наклоны и повороты корпуса при разнообразном положении рук и всевозможные варианты—эти упражнения и сочетания их, проводимые, однако, с известной последовательностью, в зависимости от их трудности.

Венцом гимнастики на лошади и показателем действительного успеха обучения является *четкое* производство *сложных* упражнений, свидетельствующих о развитии и шлюсса и баланса, например: кругообразное вращение ногами, соединенное с наклонами корпуса вправо и влево. Производимое на рыси, это упражнение по своей трудности доступно лишь тому ученику, у которого независимость и гибкость членов, а также чувство равновесия действительно развились до совершенства.

Этим исчерпываются, в сущности, те советы, которые можно дать в отношении гимнастики на коне.

Мена лошадьми.

Этот прием дает в руки инструктора возможность *разнообразить* физические ощущения учеников, и в период выработки *посадки* должен практиковаться довольно широко, в противоположность периода выработки приемов *управления*, когда этого следует избегать (по крайней мере на первых порах).

Каких либо особых указаний здесь давать не приходится, за исключением разве того, что наиболее тряских лошадей следует назначать с известной постепенностью, сообразуясь со степенью успешности данного ученика, так как недостаточно внимательное отношение к этому вопросу может испортить все уже достигнутое, и вновь посадить вкривь и вкось ученика, начавшего было принимать посадку.

Езда врознь с прохождением небольших препятствий.

Значение езды врознь, в общем и целом, было уже очерчено выше. Здесь остается сказать несколько слов об усложняющем ее приеме, способствующем не только общему развитию шлюсса и баланса ученика, но и вырабатывающем у него внимание и подготовляющем его (а также и лошадь) к преодолеванию препятствий.

Это значение предлагаемого упражнения, заимствованного из опыта итальянской кавалерийской школы, необходимо расценивать на первых порах обучения главным образом в отношении подготовки всадника исподволь к ощущениям на прыжке, до прыжка и после него, так как эти ощущения стоят особо среди прочих физических восприятий молодого всадника, как по своим типичным особенностям, так и по кратковременности.

Практически к этому усложнению езды врознь надо переходить *не раньше,* чем люди освоятся в седле и приобретут в нем известную уверенность. Тогда к концу езды по манежу расставляется без всякой определенной системы ряд препятствий разной высоты—от лежащих прямо на земле, до $^1/_2$ аршина (на первых порах). Сами препятствия не должны быть особенно длинными (до трех аршин) и должны иметь самый разнообразный вид—бревна, доски, жерди, стволы деревьев с отрогами сучьев и т. п.

Обучаемые должны во время езды врознь по нескольку раз перебраться через эти препятствия, вначале на шагу, а впоследствии на рыси. Разнообразная высота препятствий способствует вариации ощущений всадника и приучает его *учитывать* эту высоту при *расчете* своих собственных телодвижений во время прыжка.

Разбросанность препятствий по манежу в беспорядке и возможность столкнуться с кем нибудь из своих товарищей возбуждает и поддерживает внимание всадника и вызывает инстинктивные попытки к управлению. Наконец и лошади принуждены разбираться в обстановке, что отлично подготовляет их к одиночному преодолеванию настоящих препятствий впоследствии и способствует искоренению стадного начала.

Само собой разумеется, что перед началом этого упражнения ученикам дается на общем основании понятие о посадке на прыжке и их индивидуальные ошибки в этот момент ставятся каждому из них на вид обычным для предлагаемого метода порядком и приемами.

По мере прогресса, тщательно контролируемого инструктором, высота препятствий постепенно повышается до одного аршина. Расположение же препятствий по манежу должно ежедневно меняться; от времени до времени полезно вводить новые типы препятствий, некоторые ставить наискосок—один край выше, другой ниже и т. д., всячески разнообразя прохождение их всадниками.

Это упражнение, проводимое правильно и с надлежащей постепенностью, является отличным средством общего укрепления всад-

ника в седле и подготовки его и лошади к преодолеванию препятствий и к полевой езде.

На первых порах можно разрешить браться при прыжках правой рукой за гривку—это успокоит тех учеников, которые нервничают или неестественно напрягаются. Учитывая возможность болезненного самолюбия, лучше даже сделать это *обязательным* для всех на протяжении нескольких уроков.

Описанное упражнение механически заканчивается переходом к прыганью через препятствия уставного размера, в начале на рыси, впоследствии и на галопе, что следует подогнать к моменту, когда всадники окрепнут в седле на этом аллюре (см. ниже). Постепенность переходов должна быть строго соблюдена и согласована с общим ходом и успешностью обучения, дабы избежать всякой форсировки и заскакивания вперед.

Вольтижировка.

Это упражнение, преследующее скорее вспомогательные цели, не вызывает необходимости в каких либо особых указаниях. Все необходимое, исчерпывающее дается строевым кавалерийским уставом. Единственно, на что следуетналечь—это опять-таки *на положение ног*, как уже указывалось (ноги в продолжении всей вольтижировки, на каком бы седле она ни делалась, вытянуты „циркулем" и напряжены, как пружины). Кроме этого необходимо добиваться *своевременного толчка локтем* при прыжке (сейчас же после толчка ногами), а *также полного выпрямления рук* в конечный момент толчка.

В остальном метод тот же—показать, раз'яснить, убедиться в усвоении и настойчиво добиваться совершенства, что существенно облегчается тем, что вольтижировка делается по одному, чем и достигается полная возможность наблюдения и тщательных поправок каждого в в отдельности, в присутствии всех остальных. Полезно привлекать поочереди *каждого* из обучаемых к производству поправок вслух, *в руководящем порядке*, во время вольтижировки его товарищей. Здесь опять-таки будет важно не отбытие номера, а достижение *непринужденной сознательной* поправки со стороны ученика, привлекаемого к роли инструктора.

Полевая езда.

Полевая езда в начальный период обучения не преследует, конечно, таких широких задач, как в дальвейшем, когда она является основой выработки управления конем на пересеченной местности и на всяких аллюрах.

В указанный период во главу угла ставятся опять-таки развитие и укрепление шлюсса и баланса *в известные частые моменты*, недоступные при езде в манеже, хотя бы и открытом (под'емы, спуски и прочее).

Поэтому нужно обратить особое внимание на выбор местности для обучения, так как она должна дать инструктору возможность

воспроизвести максимум интересующих его положений. Всего важнее пересеченность местности (само собой разумеется—в пределах доступного молодому всаднику) и разнообразие ее; приспособленность местности к движению на аллюрах роли не играет, так как выезды довольно долго будут производиться на шагу.

Метод работы и здесь остается тот же—показать, об'яснить, зачем и как (например, при под'еме уклон корпуса облегчает зад лошади, который больше всего работает, выталкивая лошадь кверху; рукой за гриву берутся не только, чтобы помочь себе удержаться в седле, но чтобы помочь и лошади, *уравновешивая* этим приемом движения ее головы при под'еме—растолковать подробнее. Поэтому браться за гриву надо возможно выше, а отнюдь не у холки).

Затем проделать по одному, поправляя каждого при участии всех прочих, и т. д.

Впоследствии, когда подготовительная работа уже проделана, очень удобно пропускать смену по одному мимо себя в наиболее поучительных местах, делая поправки и заставляя ученика возвращаться и делать вновь, если были допущены ошибки.

В частности, необходимо обратить особое внимание на автоматическое усвоение движения корпуса при переходе от спуска *сразу* же к под'ему (при прохождении, например, дна узкого оврага) обычно корпус ученика, отклоненный назад при спуске, *отстает* от движений лошади на под'ем и уже не в состоянии водвориться на свое место, что мешает лошади и может стать даже опасным при крутом под'еме—можно перекинуть лошадь.

Дабы добиться нормальной координации телодвижений ученика, нужно сначала отшлифовать спуск и под'ем отдельно, выбирая для этого соответствующие места во время выезда и добиваясь правильного положения корпуса к моменту окончания спуска и к моменту начала под'ема; в дальнейшем под'ем и спуск соединяются. Так как добиться всего этого, без натяжки и нарушения последовательности и методичности обучения, удается практически не раньше, чем на 6—7 выезде, т. е. примерно месяца через полтора—два, считая по одному выезду в неделю, то уместно подогнать к этому моменту первое раз'яснение о равновесии сложного тела (лошадь с всадником).

Момент выработки координации движений всадника, при сочетании спуска с немедленным под'емом, очень удобен, как пример для этого раз'яснения и особенно удачен потому, что он по своим внешним формам грубоват, что облегчает понимание ученикам.

Так как вопрос равновесия сложного тела рано или поздно затронуть придется, как тесно связанный с вопросами управления, то всего удобнее сделать это именно в указанный момент, как совпадающий, с одной стороны, с окончанием периода выработки исключительно посадки, а, с другой стороны, с началом перехода на управление.

В общем и целом выезды в поле в период развития и укрепления посадки преследуют цель натаскать обучаемых в преодолении

различных характерных естественных препятствий, на шагу, и с чисто учебными целями.

Езда врознь, т. е. в данном случае без определенного строя, должна найти себе и здесь широкое применение на тех же идейных началах и основаниях, что и в манеже. На первых порах лучше водить смену сильно разомкнутыми шеренгами; впоследствии следует допускать движение каждого всадника самостоятельно. От времени же до времени следует брать людей в руки, пропуская их в удобных для этого местах мимо себя по одному или же быстро собирая их за собой в разомкнутую шеренгу, что само по себе поддерживает внимание и подготовляет к езде в строю и к сбору за начальником, дающим направление.

Одним словом, ничего принципиально нового в смысле приемов и методов обучения при выездах в поле нет—есть только внешние разновидности, вызываемые переносом занятий на местность с движением вперед.

Этим и исчерпываются, в сущности, те указания, которые можно дать по совокупности всех этих сложных вопросов в рамках журнальной статьи.

Стимулы соревнования.

Теперь мы остановим вкратце внимание читателей на одном существенно важном моменте—на создании стимулов для соревнования между обучаемыми.

Еще Наполеон сказал, что можно потребовать жизнь человека за данную ему оловянную пуговицу. Это глубоко верно подмечено и на принципиальной психологической основе этого изречения и приходится строить систему подталкивания. *Последнее необходимо, почти независимо от степени старания самих обучаемых,* как предупредительное средство для того, чтобы не дать этому старанию заглохнуть. Практически надо считаться с известной неустойчивостью массы в этом отношении, зачастую под влиянием самых случайных причин, неимеющих иногда даже прямого отношения к занятиям ездою, как к таковым, и поэтому поправка на человеческую слабость необходима.

Опыт подсказывает конкретные формы решения вопроса—это награждение *шпорами.*

Шпоры, помимо их чисто рабочего значения, как необходимая принадлежность наездника, имеют для кавалериста еще и традиционный смысл, как неот'емлемая принадлежность его формы и даже быта. Это положение, освященное временем, не приходится оспаривать, и из него то и нужно исходить, разжигая естественный фетишизм.

Погоня за шпорами должна быть сделана стараниями инструкторов заветной целью каждого обучаемого. Сами же шпоры должны служить наградой за такие успехи ученика, которые позволят считать его уже *вполне подготовленным* к практическому восприятию принципов управления лошадью. Эти соображения следует, кстати, внушить и обучаемым, дабы в их представлении вопрос о шпорах был бы тесно

переплетен с чисто деловой стороной обучения—бытовые мотивы приложатся сами собой.

Констатировать такие успехи бывает возможно обычно не ранее *конца второго месяца* обучения, таким образом награждение шпорами лучших из обучаемых целесообразно подогнать к первому дню третьего месяца обучения.

Всего правильнее сделать день получения первых шпор традиционным днем торжества всей части, отмечая его чествованием награжденных, об'явлением списка их в приказе по части и т. д., вообще не скупясь на декоративные подробности.

Система будет выдержана до конца лишь в том случае, если до момента получения шпор ношение их будет запрещено (не на словах, а на деле) не только во время езды, но и в остальное время и даже *вне* службы—в отпуску, например. Моральная ценность шпор от этого только выгадает, что и требуется. Кроме этого, необходимо предупредить всех обучаемых, что торжественный день награждения шпорами—всего один, и что всякий, непопавший в число награждаемых и чествуемых, этим самым навсегда теряет эту возможность, так как в дальнейшем шпоры будут даваться индивидуальным порядком, хотя и в зависимости успехов обучаемых, но уже без всякой почетной торжественности.

Опыт показывает, что, играя этим путем на самолюбии и ведя вокруг вопроса о шпорах с первого же дня обучения умелую агитацию, усиливаемую сообразно с близостью дня награждения, удается добиться очень многого, и этот прием должен быть тактически использован.

К награждению шпорами может быть создан подготовительный момент, будирующий вопрос о лучших и худших и о необходимости для последних подтягиваться. Это—постановка ездоков в смене справа налево не по строевому ранжиру, *а по степени успешности.* Такая группировка, облегчая одновременно и работу инструктора по наблюдению за сменой, дает ему в руки вспомогательное средство поощрения, вплоть до торжественного дня награждения шпорами, которое механически выпадет на долю лучших из головных номеров.

Таким образом, *постепенно* передвигая заслуживающих того вперед к головному номеру, инструктор не дает ослабнуть интересу к поощрению и методически ведет последнее к завершению.

Сказанного достаточно, чтобы осветить внутреннюю сущность и методику приемов поощрения и подчеркнуть их роль и значение в ходе обучения.

От изобретательности инструктора зависит установить в пределах своей смены те или иные дополнительные (местные) меры поощрения, если это возможно и окажется полезным в смысле оживления работы.

Заключение.

В заключение мы полагаем нужным дать еще несколько общих указаний организационного характера.

Обычно обучение молодых кр-цев езде начинается со стременами, чтобы дать им „освоиться“ в седле. Этот прием по существу дела совершенно бесцельный и влечет лишь к потере времени. Действительно, громадное большинство обучаемых еще с ребяческого возраста ездила по многу и при том именно без стремян (дома, в деревне) и поэтому сознательно создавать в их глазах атмосферу трудности вокруг возможности удержаться в седле—прием искусственный, явно не педагогичный и вполне бесцельный.

Мы предлагаем езду начинать *с первого же дня без стремян*, снимая их вместе с путлищем (чтобы последние не мешали), и продолжать ее так в течении первых двух месяцев, т. е. приблизительно в течении времени, необходимого для достижения среднего уровня развития шлюсса и баланса; в дальнейшем, по мере выдачи стремян, необходимо *ежедневно* уделять некоторую часть времени езде с брошенными стременами и гимнастике.

Точно также мы считаем совершенно бесполезным времяпрепровождением „выработку“ посадки на деревянной лошади. На последней можно выработать лишь автомата, столь же деревянного, как и его конь, и которого живая лошадь с места же растрясет окончательно. Поэтому с живой лошади и следует начинать. Деревянная же полезна лишь для об'яснения гимнастических упражнений на живой лошади и для начальной практики в этих упражнениях.

Наконец, нужно коснуться еще одного вопроса, который естественно станет перед каждым, внимательно прочитавшим нашу статью.

Как быть с управлением, навязывающимся само собой в продолжении предлагаемого нами двухмесячного периода выработки посадки, поскольку в программу этого периода входят и выезды в поле, и езда врозь, и т. п.?

Выход из этого весьма прост, без какого либо ущерба для будущей работы по выработке приемов управления.

В начальный период от ученика потребуется, в конце концов, самое примитивное управление, с целью, гл. обр., менять направление своего движения (езда врозь и в поле)—и только. В этих пределах достаточно дать самые элементарные указания и приглядывать за их исполнением, *отнюдь не настаивая* на какой либо особой чистоте приемов. Отделка их будет производиться впоследствии, здесь же даются лишь самые грубые, общие понятия.

Чтобы не забегать вперед и не допускать *случайного* исполнения более сложных приемов управления, езду в смене в течении всего начального периода следует производить только по головному номеру, ограничиваясь переменой направления, как средством сменить руку при езде.

С той же целью поводья следует разбирать исключительно по строевому, в одну руку, имея другую наложенной на нее; впоследствии правая рука может быть свободно опущена. Этого положения ее следует избегать в начале, так как ученики могут сесть боком.

В общем и целом, посадка и управление в начальном периоде не разобщаются, но первая детализируется, а второе направляется лишь в самых общих чертах. Инструктору следует помнить о том, чтобы не упустить последней своей обязанности из виду. Такая разделенность его работы даст впоследствии самые благотворные результаты, так как позволит ему говорить об управлении с учениками, не поглощенными всецело положением своих плеч, носков, рук и т. п.

Что же касается аллюров, то движение галопом следует начать, примерно, к середине третьего месяца обучения и продолжать его дальше в целях укрепления посадки на этом аллюре еще некоторое время без стремян, примерно до конца третьего месяца; таким образом в это же время на шагу и на рыси будет уже вестись обучение управлению.

Продолжив укрепление посадки на галопе без стремян сколько потребуется, надо дать стремена и на этом аллюре, а несколько спустя начать и на нем обучение управлению.

Наконец, движение облегченной рысью следует начать *сейчас же* по выдаче стремян, чтобы не дать ученикам возможности инстинктивно облегчаться, впредь до получения руководящих указаний инструктора. При этом необходимо с самого начала *совершенно равномерно обучать езде облегченной рысью под правую и под левую ногу*, об'яснив значение этого приема в манеже и на походе.

На этом мы и считаем возможным закончить предпринятую нами работу.

Приступая к ней, мы менее всего задавались целью дать исчерпывающее руководство. 1-ая часть строевого кавалерийского устава, наставление для ведения занятий в кавалерии и прочие оффициальные руководства могут претендовать на такое значение с гораздо большим правом. Но им не достает одного—это углубленного изложения подхода к обучению и к обучаемому, между тем как в этом то и лежит залог успеха.

Учитывая это, мы и стремились в пределах нашего личного опыта помочь советом тем товарищам по оружию, которые будут стоять у дела обучения езде молодого пополнения. Это дело чрезвычайно интересное, дающее богатые впечатления, но надо нащупать его пульс. Иначе оно неизменно превращается в томительное мотание на лошадях, томительное и для обучаемых и для инструктора, а главное—не дающее никаких реальных результатов, которыми мы считаем лишь выработку сознательного всадника, отдающего себе ясный отчет в своих телодвижениях и в совершенстве в них напрактикованного.

Этого достижения мы и желаем читателям, предлагая их вниманию материал нашей долгой и не безуспешной практики.





В. Фомин.

Газовая война 1915—1919 г.г.

(Критический очерк средств газонападения).

Минувшая мировая война при всестороннем и внимательном ее изучении дает нам много нового, как в деле применения уже известных ранее средств борьбы и разрушения, так и в использовании новых, появление коих вызвано особыми специфическими условиями этой мировой бойни.

Затяжка войны и переход ее к позиционному сидению, необходимость огромного расхода боевых припасов при ограниченной наличности их, связанной с экономическим состоянием государства, а также и стремление к нанесению возможно больших поражений для живой силы противника, при сохранении таковой у себя, привели к необходимости широкого использования техники, как в виде уже ранее известных способов, так и подыскания новых возможностей в этой области. К числу последних и принадлежат химические средства борьбы.

Инициатива боевого употребления химических средств принадлежит Германии, впервые применившей их в апреле м-це 1915 года на Западном фронте и в мае и июне на нашем.

Новизна этого рода оружия и неожиданность его появления дали возможность достигнуть больших результатов в смысле поражения живой силы противника, при полном отсутствии такового у себя, несмотря на примитивность технического выполнения газонападения.

Первые газовые атаки состояли из выпуска с передовых позиций из стальных баллонов тяжелого удушливого газа—хлора. Как движущая сила, для переноса получающегося при выходе из баллона газового облака в сторону противника, был использован ветер, причем, на первых порах, почти совершенно не учитывались многие условия, как метеорологические, так и топографические, влияющие на движение и концентрацию газового облака, и только, как сказано выше, фактор неожиданности и полной неподготовленности к газонападению дали возможность немцам нанести своим противникам почти 100% потери.

В дальнейшем же обстановка меняется. Подвергшиеся газонападению стороны знакомятся с этим новым оружием, узнают его свойства и состав, что при однообразии химических веществ первых газовых атак сделать было нетрудно, и организуют у себя противогазовую службу. Это, так сказать, с одной стороны; с другой же—сама слабость технического выполнения газовых атак и упущение многих факторов, влияющих на их продуктивность—все это заставляет инициаторов газовой войны подыскивать новые боевые химические средства и совершенствовать способы их применения.

Искания в этой области привели к массе новых химических средств, годных для боевых целей, и соответственно с этим появились также и новые способы их выпуска.

Остановимся более детально на этом вопросе.

Все применения газов в прошлой мировой войне можно разделить по физиологическому их действию на два периода: первый период—от апреля 1915 года до июля 1917 года и второй—от июля 1917 года до декабря 1918 года, т. е. до окончания войны.

В первом периоде имели место лишь удушающие, слезоточивые и ядовитые газы, в виде собственно газов или жидкостей. Во втором же появляются газы, вызывающие воспаление кожи и слизистых оболочек, как внешних, так и внутренних (так называемого нарывного действия) и газы раздражающие горло и причиняющие боли в носу и челюстях (так называемого чихательного действия); последняя категория газов по физическому состоянию являлась уже твердым телом.

Перечень газов с указанием их физиологического действия, времени и места применения указаны в приводимой таблице.

Таблица

боевых газов.

Наименование газа.	Кем применялся.	Время первого появления.	Физическое состояние.	Физиологическое действие
Хлор	Германией	апрель 1915	Газ	Удушающий.
Бром	"	июнь "	Жидкость.	"
Бромистый бензил	"	" "	"	Слезоточивый.
Бромацетон . . .	"	июль "	"	Слезоточивый и удушающий.
"	Францией	конец 1916	"	"
Метилхлорсульфат	Германией	август 1915	"	Удушающий.
Хлороформиат однохлорированного метила . .	"	" "	"	"
Бромметилэтилкетон	"	" "	"	"
Четыреххлористый сероуглерод . .	Францией	сент. 1915	"	"

Иодацетон	„	„ „	„	Слезоточивый.
Иодистый бензил .	„	конец 1915	„	„
Хлороформиат трихлорметила .	Германией	июль 1916	„	Удушающий.
Фосген	Францией	февр. 1916	Газ.	„
„	Германией	ноябрь 1916	„	„
Винсеннит	Францией	июль 1916	„	Ядовитый.
Хлорпикрин . . .	„	конец 1916	Жидкость.	Слезоточивый и
„ . . .	Германией	май 1917	„	удушающий.
Этилхлорсульфат .	Францией	конец 1916	„	Удушающая.
Дихлордиэтилсульфид	Германией	июль 1917	„	Удушающая, слезоточивая и
„	Францией	„ май 1918	„	нарывная.
Дифенилхлорарсин	Германией	сент. 1917	Твердое.	Чихательное.
Монофенилдихлорарсин	„	„ „	Жидкость.	
Фенилкарбиламинхлорит	„	„ „	„	Ядовитая.
Дихлоридэтиларсин	Германией	март 1918		Ядовитая и чихательная.
Дибромидэтиларсин	„	„ „	„	„
Цианиддифениларсин	„	май 1918	Твердое.	Чихательное.
Этилкарбазол . .	„	сент. 1918	„	„

Перечисленные категории газов, как видно из таблицы, имели первоначальное применение со стороны германцев, а затем уже появлялись у французов и англичан. Как на самостоятельный интересный боевой газ, применявшийся лишь Францией можно указать на *„винсеннит“*, состоящий из смеси синильной кислоты с хлорным оловом, хлористым мышьяком и с прибавлением к этому хлороформа для стойкости смеси.

Появление газов второго периода, т. е. нарывного и чихательного действий, об'ясняется тем, что противогазовые средства стали уже настолько совершенны, что газы первого периода не давали боевого успеха. Необходимо было добиться того, чтобы устранить эту защиту. Это достигалось двояким способом: или применением таких химических веществ, которые бы не обнаруживали своего присутствия с внешней стороны, или же заставить, при помощи какого либо сильно раздражающего газа, способного проникать через имевшиеся противогазы, снять последние, а после того отравить беззащитных людей.

Для достижения первого, т. е. для обмана и захвата врасплох, германцы первые прибегли к „дихлордиэтилсульфиду“ в июле 1917 г. на Ипре, откуда он и получил свое название „иперит“. Выбор для этой цели дихлордиэтилсульфида был вполне удачен, так как, будучи бесцветен и почти без запаха, он не вызвал быстрого отравления и, благодаря этому, не замечался продолжительное время, а, вместе с тем нахождение в атмосфере, отравленной этим газом, приводило к тяжелым расстройствам дыхательных путей и, кроме того, поражало кожу в виде сильных и болезненных ожогов, трудно поддававшихся лечению. Столь губительные действия „иперита“, благодаря медленности испарения, сохраняли свою силу довольно продолжительное время, доходившее до одной недели.

Вторая цель, т. е. принуждение снимать противогазы, достигалась путем применения арсинов, проникающих через имевшиеся противогазы и вызывающих усиленное чихание, благодаря коему оставаться в маске было невозможно. Но коль скоро противогаз снимался, сейчас же начинал действовать удушливый или ядовитый газ, примешанный к арсинам. Из газов такого двойного действия можно назвать дихлоридэтиларсин, обладающий чихательным и ядовитым свойствами, примененный в марте 1918 года на Западном фронте.

Перейдем теперь к обзору способов применения всех вышеназванных боевых химических веществ.

Первый и наиболее простой способ, как уже упоминалось, состоял из выпуска газа из баллонов, так называемая газобаллонная атака. Выпущенный в атмосферу газ, будучи большого удельного веса (по отношению к воздуху), смешивался с воздухом, создавая газовое облако, и плыл, гонимый ветром, стелясь по земле, к позициям противника, которые вскоре же после начала выпуска оказывались погруженными в отравленную атмосферу, дышать в коей без защитных приспособлений было невозможно.

В первый период газовой войны для газовых атак применялся чистый хлор, а затем уже стали составлять смеси хлора и фосгена. Иногда к волнам примешивались дымообразующие вещества, заключавшие в себе смесь серного ангидрида с небольшим количеством хлоросульфоновой кислоты.

Позднейшие газобаллонные атаки по своему составу были более сложными. Так, в 1917 году германская газовая атака между Водезинкуром и Рувруа состояла из первой волны раздражающего газа, способного проникнуть через противогазовую маску, и заставившей снять последнюю (таковым был дифенилхлорарсин, выпускаемый из особых подогреваемых аппаратов). А вторая волна заключала в себе уже настоящий боевой газ, обладающий удушливыми или ядовитыми свойствами и предназначалась для отравления людей, снявших, под влиянием первой волны, свои противогазы. Правда, необходимо оговориться, что столь хорошо задуманное газонападение не принесло положительных результатов, благодаря артиллерийскому огню французов, направленному по траншеям с установками для выпуска газа.

Второй способ газонападения, имевший гораздо большее применение, состоял в том, что боевые химические вещества помещались в артиллерийские снаряды, бомбы и мины, которые при разрыве отравляли определенные участки местности. Здесь необходимо указать на то, что этот способ газонападения имел два самостоятельных вида применения—газовую артиллерийскую стрельбу и газоминометание.

Химические снаряды являлись наиболее распространенным типом газонападения. Применение их все возрастало до самого заключения мира. По своему физиологическому действию и связанному с этим тактическому их применению они разделялись на несколько категорий—снаряды удушающие и ядовитые, снаряды нарывного действия и ядовито-чихательные снаряды.

Все названные типы снарядов, применявшиеся почти всеми государствами, участвовавшими в прошлой войне, отличались друг от друга особыми клеймами и буквами, выбиваемыми на корпусе снаряда, а также и соответствующей окраской.

Так, Германия имела три основных типа химических снарядов: снаряды зеленого креста, снаряженные удушающими и ядовитыми веществами, снаряды желтого креста—всегда содержали дихлордиэтилсульфид (иперит) и, наконец, синий крест, снаряженный арсинами ароматического ряда. Кроме этих трех основных типов у Германии были еще химснаряды—зеленый крест 1, 2 и 3 и снаряды двойного желтого и зеленого крестов.

Франция и Англия имела химические снаряды, аналогичные германским, но только с другими клеймами.

Что касается до химических мин, то таковые были однотипны, как по своим химическим веществам, так и связанным с ними клеймами, с химическими снарядами, то есть были мины удушающего, ядовитого, нарывного и чихательного действий.

Для стрельбы химическими снарядами пользовались орудиями даже очень крупных калибров, включительно до 24 сантиметровых.

Стрельба химическими минами велась сначала из обыкновенных минометов, а затем, начиная с конца 1917 года, появились специальные газометы с электрическим запалом, в первое время ненарезные, а затем и нарезные 16 сантиметровые с дальностью до 3500 метров.

Этим исчерпываются все способы газонападения. Остается только еще упомянуть о ручных химических гранатах и бомбах. Но снаряжение их ничем не отличается от такового же для химснарядов, так что здесь останавливаться не приходится.

Попробуем теперь дать оценку всех перечисленных способов газонападения со стороны их продуктивности и удобств технического и тактического применения.

Газобалонная атака, открывшая собой эру боевого применения химии, по самой технике своего выполнения связана с рядом условий, независящих от воли человека. Благодаря этому, она, будучи по своей сущности могущественным оружием, не всегда может быть приурочена к стратегическим требованиям момента. Это с одной стороны.

С другой же—она для своего выполнения требует большой предварительной работы, которая может быть осуществлена лишь при условии продолжительного пребывания в данной местности и на данной позиции, с коей мы собираемся ее производить.

Уже эти два чисто технических условия строго ограничивают возможность производства газобаллонной атаки, не давая фактически выполнять ее при всякой боевой обстановке, исключая лишь случая позиционной войны.

Если теперь оставить в стороне техническую сторону и перейти на тактическую, то и здесь газобаллонная атака мало найдет места для удачного применения.

Всякое нападение достигает благоприятных результатов в большинстве случаев тогда, когда оно производится внезапно. Внезапность и неожиданность, это—основные факторы успеха для всякого нападения, в том числе и газового. А можно-ли надеяться на внезапность производства газобаллонной атаки? Я бы на этот вопрос ответил отрицательно в виду того, что газобаллонная атака требует для своего выполнения большой технической подготовки, которая при существующих средствах разведки и наблюдения не может остаться незамеченной и всегда будет во время ликвидирована. Но допустим, что, так или иначе, подготовку упустили и атака на лицо. В таком случае у нас еще остается средство предохранить себя от внезапности—это хорошо налаженная противогазовая служба (а таковая должна быть во всякой обученной надлежащим образом воинской части), имеющая органами наблюдения газовые секреты и наблюдательные посты, цель коих следить и во время предупредить с начавшихся газонападениях. Этим ликвидируется фактор внезапности; а коль скоро войска предупреждены о выпуске газа, то можно сказать наверное, что они сумеют принять меры защиты, которые сведут на нет газобаллонную атаку.

Для подтверждения этого можно сослаться на пример прошлой мировой войны. Немцы, начавшие газовую войну с газобаллонных атак как на нашем, так и на Западном фронте, на последнем, к концу 1917 года, заменили ее стрельбой химическими снарядами и минами, так как отлично налаженная противогазовая служба французов и англичан не только сводила на нет результаты газобаллонной атаки, но прямо таки фактически не позволяла ее осуществить в надлежащих размерах.

Из всего вышеизложенного можно вывести только одно заключение—газобаллонная атака является хорошим оружием против людей впервые видящих газы, но она не может принести положительных результатов против надлежащим образом обученной в противогазовом отношении армии, а потому не будет крайностью, если сказать, что газобаллонная атака отойдет в область предания также, как отошли кремневые ружья.

Перейдем теперь к оценке стрельбы химическими снарядами.

Здесь уже получается совершенно иная картина.

Артиллерийская газовая стрельба по своей сущности ничем не отличается от обыкновенной артиллерийской стрельбы и начавшийся обстрел химическими снарядами узнается лишь по первым разрывающимся снарядам.

Зависимость газовой стрельбы от метеорологических и топографических условий очень слабая. Только сильный ветер и дождь могут помешать газовому обстрелу в смысле нанесения поражений.

Благодаря этому, артиллерийской газовой стрельбой можно пользоваться всякий раз, когда это желательно. Это, так сказать, технические преимущества.

Если теперь мы обратимся к веществам годным для снаряжения химических снарядов, то здесь органическая химия дает нам очень большие возможности. Разбирая лишь вещества, уже имевшие применение, мы встречаемся с твердыми, жидкими и газообразными химическими элементами удушающего, ядовитого, нарывного и чихательного действий; тогда как для газобаллонной атаки мы имели, в виду требования большого удельного веса и легкой сжижаемости и испаряемости, лишь очень ограниченное количество веществ.

Благодаря этому разнообразию, химические снаряды могут применяться соответственно тактическим требованиям.

Так, германские и австрийские инструкции по применению химических снарядов трактуют, что зеленый крест из-за большой летучести заключающихся в нем химических веществ, должен применяться преимущественно при наступлении, также и синий крест; желтый крест, содержащий мало летучие и очень стойкие вещества— при обороне.

Большое преимущество газовой артиллерийской стрельбы по сравнению с газобаллонной атакой состоит также и в том, что газовая стрельба всегда бывает неожиданна и никакими мерами предвидеть ее нельзя. В начале своего применения химические снаряды определялись лишь по слабому звуку разрыва, но уже в конце прошлой войны, именно во второй половине 1918 года, это обстоятельство было устранено путем применения в снарядах зеленого и желтых крестов больших разрывных зарядов, и звук разрыва был весьма близок к разрыву обыкновенного нехимического снаряда.

Все эти положительные стороны газовой стрельбы, так выгодно отличающие ее от газобаллонной атаки, были учтены, как германцами, так и их противниками. Химические снаряды применялись как при оборонительных, так и наступательных операциях, то в качестве стрельбы врасплох, то для заражения местности и создания этим препятствия к ее занятию. Одновременный выпуск снарядов доходил до колоссальных размеров, что можно видеть из того факта, что на участке фронта протяжением около 10 километров за одну ночь выпускалось до 500.000 химических снарядов. Такой ураган, несмотря ни на какие принятые меры защиты, всегда наносил большой урон.

Теперь остается рассмотреть последний вид газонападения, это— газоминометание.

Газоминометание является как-бы промежуточным способом между газобаллонной атакой и стрельбой химическими снарядами. Оно выгодно отличается от первого вида газонападения и походит на второй своей сравнительно небольшой зависимостью от топографических и метеорологических условий, а также и фактором неожиданности. и, наоборот, возможностью создавать очень большие концентрации, не достигаемые при обстреле химическими снарядами, приближается к газобаллонной атаке.

Концентрация газового облака, получающаяся при одновременном разрыве большого количества химических мин, бывает настолько велика, что даже самые лучшие противогазы дают проскок газа; а что же получится, если снарядить химическую мину веществом, подобным дихлоридэтиларсину, обладающему ядовитым и чихательным действиями. Ответ конечно ясен; люди, под влиянием раздражающего действия газа, сорвут свои предохранительные маски и смертельно отравятся.

Разнообразие химических веществ, применяемых для снаряжения мин, аналогичное с таковым для химических снарядов, позволяет применять их при различных тактических требованиях.

Единственным минусом в газоминометании является необходимость, хотя и небольших, но все же предварительных работ для подготовки этого рода газонападения, по которым оно может быть заранее обнаружено и путем принятия мер активной газообороны сведено на нет.

Но этот минус слишком мал и не может умалить большого значения газоминометания, так как подготовительные работы, состоящие из установки газометов, слишком непродолжительны, и самый обстрел из них производится очень недолго, так что едва-ли хватит времени на принятие мер к его противодействию.

Вот и все, что можно сказать про способы газовой войны, имевшие применение в период 1915—1919 г. г. Вывод отсюда ясный. В будущих войнах газовая артиллерийская стрельба и газоминометание займут одно из главных мест среди прочих средств ведения войны.

Работы в области химии безусловно дадут ряд новых боевых газов, трудно даже заранее сказать какого физиологического действия вернее всего—смешанного.

Из способов газонападения наверное, в связи с прогрессом авиации, широко разовьется метание с аэропланов химических бомб с большим содержанием химических веществ по армейским и фронтовым, а может быть и более глубоким тылам.

Этот способ, при наличии сильно действующих веществ, может дать большие результаты ввиду неожиданности и замкнутости пространства (при разрыве бомбы внутри здания) и если не окончательно парализовать, то, во всяком случае, сильно расстроить, может быть, очень важный орган управления армии или фронта.

Наша Красная Армия должна все это учесть. Противогазовая подготовка ее состава, начиная с рядового красноармейца и кончая высшим штабным работником, должна быть поставлена на надлежащую высоту и именно теперь, т. е. в мирное время, так как учиться этому делу на войне будет слишком поздно, ибо эта отрасль боевого обучения требует продолжительной и методической работы.

Н. Пуц.

Радио-маневр.

Если раньше внезапность, хитрость, обман, неожиданность и т. п. требовали применения и участия живой силы, то теперешнее развитие техники дает возможность применять для этих целей технические средства, как более могущественные средства воздействия для поколебания морального состояния противника.

Стремление к получению непрерывного, вполне обеспеченного управления войсками на войне выдвинуло необходимость применения средств сношений для вышеуказанной цели. В числе средств сношений, призванных для военных целей, современной войной выдвинут радио-телеграф, несмотря на то, что ряд отрицательных свойств технического характера делает применение радиотелеграфа в военном деле до некоторой степени стеснительным.

Применение радиотелеграфа сводится главным образом для следующих целей:

1) Для связи между воздушными аппаратами и землей.

2) Для связи между летательными аппаратами в воздухе, а также танковыми отрядами между собой.

3) Для связи в исключительных случаях между войсковыми соединениями, раз'единенными противником, местностью и т. д. (горная война, осада крепостей), в первой линии во время артиллерийских обстрелов, выпусков газов и т. д., и

4) для корректирования артиллерийской стрельбы; воспрепятствования работе радиотелеграфом противнику; для передачи сведений, добытых шпионами в глубоком тылу неприятеля; для радиоразведки и т. д.

Указанный пунктом 3 случай применения радиотелеграфа во время военных действий для оперативной связи между штабами и войсковыми соединениями строго ограничен и применяется только в исключительных случаях, когда по условиям боевой обстановки управление войсками не может быть вполне обеспечено другими средствами связи. Что же касается применения радиотелеграфа для целей управления воздушными силами, то таковое должно получить широкое распространение, так как радиотелеграф в этой области является единственно надежным и действительным средством, дающим возможность успешно управлять воздушными эскадрильями и согласовать

их действия. Тоже самое можно отнести и к применению радиотелеграфа, как средства управления танковыми отрядами Ограниченность применения радиотелеграфа сухопутными войсками вызывается тем обстоятельством, что работу радиотелеграфа может перехватить противник и тем самым раскрыть план действий и, наконец, ввиду того, что при помощи особых (пеленгаторных) радиокомпасных станций противнику легко определить место расположения наших работающих радиостанций, их путь движения, что раскрывает расположение штабов и группировку сил. Конечно и воздушные силы не гарантированы при применении радиосвязи от определения со стороны противника пути их движения, но указанный вред парализуется способностью быстрых изменений направления полетов воздушных эскадрилий и не приносит существенной пользы противнику. Опыт мировой войны показал, однако, несколько удачных случаев пеленгирования в отношении определения линии полетов воздушных сил. Так, например, путь полетов германских цеппелинов при их налетах на английское побережье всегда с точностью отмечался английскими радиостанциями, чем и достигалась возможность своевременного принятия мер англичанами к отражению воздушных налетов. Успех англичан был обусловлен особенной тщательностью их наблюдения, а главным образом неумением немцев замаскировать работу радиостанций на цеппелинах и произвести ложный маневр в отношении пути движения цеппелинов.

Вообще вопрос о применении радиотелеграфа для различных целей военных действий еще конкретно не решен. Только что минувшая война наметила современной технике ряд вех, по которым должно происходить дальнейшее его развитие и применение. Эти вехи, намеченные войной, суть следующие:

1) Радиотелеграф, как средство управления.

2) Маскировка работы собственных радиостанций.

3) Производство ложного маневра с целью отвлечения внимания и бдительности противника.

В дальнейшем изложении коснемся последнего пункта, а именно возможности воспользоваться радиотелеграфом, как средством для искусственного производства в сознании противника внезапности удара с нашей стороны, создания ложного превосходства сил на известном участке фронта, иными словами, как средством военной хитрости в отношении всех факторов, из коих слагается стратегическая обстановка. Если раньше для этой цели требовалась людская сила, то теперь этого же можно достичь при помощи технических средств. Одним из таких средств и служит радиотелеграф. Современные условия военной обстановки в некоторых случаях дают полную возможность к производству ложного радиоманевра, успешность коего обусловливается внезапностью и быстротой действия. Действуя на психику противника своей неожиданностью и расстраивая его планы и намерения на непродолжительное сравнительно время, ложный радиоманевр, в конце концов, раскрывается противником, что, однако, не

ослабляет эффекта, произведенного на противника. Применению радиоманевра благоприятствует возможность создания неожиданных сосредоточений и молниеносных перебросок войск, что приводит иногда напряженного противника к неправильным выводам в отношении определения действий наших сил. Широко развитая сеть железных дорог, быстрота прокладки таковых на новых направлениях, применение автосредств и т. п. поколебали величину суточных переходов войск на театре военных действий, особенно при позиционной войне. Если раньше переходы войск можно было высчитать с значительной точностью, то теперь перегруппировка войск требует более тщательного изучения, так как зависит не столько от ног солдата, сколько от технических средств транспорта. Сейчас, как никогда, предоставляется полная возможность различных неожиданностей и нанесения внезапных ударов противной стороне.

Сущность радиоманевра заключается в сосредоточении на известном участке группы радиостанций, которые при помощи своей работы должны создать у противника ложное впечатление об известной перегруппировке наших войск с целью удара или соответствующего маневра. Для большей успешности радиоманевра таковой следует сопровождать и согласовать с другими способами введения противника в заблуждение, как, например, путем ложных переговоров в передовой линии по телефону, каковые могут быть подслушаны противником, усилением воздушной разведки, усилением артиллерийского обстрела и т. п. Только радиоманевр, подкрепленный демонстративными атаками, ложными разговорами одиночных солдат, временно прикомандированных из других участков и других частей, будет иметь успех.

Таким образом радиотелеграф, имея под собой соответствующую реальную почву, приобретает значение средства, могущего создать на мгновение у противника ложное впечатление превосходства наших сил на известном участке, что и вызовет до некоторой степени замешательство в планах и распоряжениях противника. Без предварительной проверки противник, конечно, мало поверит полученным сведениям от своих пеленгаторных радиостанций и немедленно же усилит разведку в нужных направлениях. Принимая во внимание, что районы пешей и конной разведки ограничены, а при укрепленных полосах совсем почти не применимы, вполне последовательным явится со стороны противника выделение для целей разведки в ложно маскируемом направлении части своих воздушных сил, чем, помимо других выгод, предоставляется большая свобода действий собственных воздушных эскадрилий. В таких случаях внимание за движением противника должно быть с нашей стороны особо тщательным по всему фронту.

Особенное значение радиоманевр приобретает при отступательных движениях. В данном случае применение радиоманевра производится с целью отпарирования ударов наседающего противника. Именно в этом случае, для достижения и полного использования достигнутого

успеха, противнику особенно важно знать намерения отступающей стороны и иметь все время с ней самое тесное соприкосновение. Малейший разрыв порождает неточность обстановки и ведет к неправильным выводам в отношении действий противника. В то же время работа радиотелеграфа у отступающей стороны усилится и станет более интенсивной, что вызовет у противника тщательную радиослежку и поверку добываемых радиоразведкой сведений путем сличения таковых с результатами, полученными другими способами и средствами. Конечно, нет никакой гарантии в том, что, ошеломив противника путем удачного радиоманевра, комбинированного другими средствами, можно нарваться на должный с его стороны отпор. Но так как быстро меняющаяся обстановка при громадных протяжениях фронта требует скорых решений, принимаемых единолично старшим начальником, который должен предвидеть всевозможные шаги противника, то радиоманевр и подчинит его волю и заставит принять решение, далекое от действительно сложившейся обстановки и группировки сил. Сам по себе радиоманевр должен производиться: 1) путем заблаговременного расположения радио-станций в известном направлении с целью отвлечения внимания противника от сосредоточиваемой нами в другом месте ударной группы, 2) быстротой перебросок радиостанций с других участков и работой этих станций в пути движения для создания ложного впечатления у противника о превосходстве и усилении наших сил, что и должно расстроить его намерения и планы. В первом случае радиоманевр имеет своим результатом активные действия, во втором же случае он носит чисто пассивный оборонительный характер. К решению обоих задач следует подходить скрытно. Только тщательное сохранение в тайне всех распоряжений, относящихся к использованию станций радио-маневренных частей, даст благоприятные результаты и скроет до некоторой степени совершающийся обман противника. Принятие предохранительных мер при производстве ложного радиоманевра должно производиться с таким расчетом, чтобы войсковая сила, находящаяся на участке, где предполагается производство радиоманевра, смогла бы, в случае нажима со стороны противника, выдержать удар в достаточной мере до обозначения успеха действительной контрударной группы. Эффект радиоманевра производит впечатление на противника только на незначительное время, на каковой промежуток времени и парализует энергию и план, выработанный противником на время операции. Этим то мгновением и нужно пользоваться.

Радио-маневр приносит пользу также при производстве демонстраций, с целью мнимого увеличения силы, предназначенной для демонстрации, чем достигается значительная экономия сил.

При современных войнах, когда сражение продолжается по нескольку недель и на разных участках, успех радиоманевра почти обеспечен, так как обеим сторонам приходится зорко наблюдать за усилением участков укрепленной полосы. Вечный страх за свою линию и возможность прорыва держат обе стороны в напряженном состоянии,

и малейшее движение, лишний выстрел орудия, калибра которого не замечалось ранее, акцент солдат, ранее не слышанный в первой линии,—заставляют предполагать о сосредоточении противника и об его усилении. Это напряжение вызывает большую чувствительность морального состояния воюющих сторон, чем и уменьшается стойкость войск и достигается реальная почва для производства ложных радиоманевров.

Таким образом эта область применения радио телеграфа дает полную возможность извлечь пользу не только как средства, обеспечивающего управление, но и как средства, могущего оказать влияние на ход военных событий. Дальнейшая работа в данной области, хотя бы на маневрах войск в мирное время, покажет реальность и необходимость производства ложных радиоманевров, как заменяющих другие, более примитивные способы создания внезапности и военной хитрости, т. е. тех аттрибутов, которые необходимы для знания военного ремесла.



Из архива военной истории

Е. Марьенков.

Бандитизм в Белоруссии и борьба с ним.

По окончании боевых действий с Польшей, нам пришлось на территории Западного фронта вести борьбу с партизанами, во главе которых стояли русские белогвардейцы: Савинков, как организатор, и Булак-Булахович, как командующий отрядами партизан. Они ставили целью очистить Белоруссию от Красной армии и, опираясь на кулацко-буржуазные слои населения, свергнуть в Белоруссии советское правительство и восстановить свою, так называемую „Демократическую Республику".

Польша, хотя и закончила с нами военные действия, тем не менее способствовала ослаблению нашей мощи и поддерживала партизанов. Она, по общему плану Антанты, хотела и надеялась очищением Белоруссии от красных войск создать Белорусский буфер соприкосновения Польши с Сов. Россией *).

Отряды партизанов формировались на ее территории и снабжались продовольствием и оружием. К 18 октября 1920 года отряды Булак-Булаховича сосредоточились в Турове, Давид Городке, из которых организовалась „Народная Добровольческая армия" в составе 4-х дивизий, из них одной кавдивизии и приданной им крестьянской бригады. С этими силами Булак-Булахович, по окончании с Польшей военных действий, и перешел в наступление на Мозырь и Овруч. Наступление его носило довольно энергичный характер, имело временный успех, который обусловливался, во первых, разбросанным положением наших частей, во вторых—превосходством сил Булаховича, сосредоточенных для удара. И, в третьих, умелым и толковым применением Булак-Булаховичем методов приема малой партизанской войны.

Борьба с Булак-Булаховичем приняла вид чисто маневренной малой войны, в которой сильной стороной являлись мы и, дабы покончить с Булак-Булаховичем, нам пришлось сделать перегруппи-

---

*) Очевидно, что в случае успешного насаждения бандитизма в Белоруссии, это обстоятельство не замедлило бы быть использованным Польшей в осуществлении ее планов о создании „Великой" Польши. Ред.

ровки в армиях и самим перейти в немедленное наступление, тем самым лишив Булак Булаховича инициативы.

Наше концентрическое наступление мы начали 16 ноября, в результате которого, после упорных боев, некоторого успеха Булаховича, мы начали одерживать победу, развивая ее все более и более, вплоть до ликвидации армии Булаховича, которая частью перешла к нам, частью—на территорию Польши, и часть, рассеявшись на мелкие отряды, ушла в нейтральную зону. Казалось бы, что с ликвидацией армии Булак-Булаховича должно настать затишье, но, потерпев поражение в открытом бою, Савинков и Булак-Булахович не отказались от своей цели—очищения Белоруссии от Красной армии и восстановления „Демократии", и только приняли несколько иной метод к осуществлению своих замыслов. Они создали „союз спасения родины и революции", который и должен был действовать, организуя партизанские отряды и посылая их в Белоруссию, где они, под руководством созданных союзом политических комитетов, и должны были подготовлять местное население к восстанию против Советского Правительства.

В прошлое лето 21 года Белоруссия была насыщена небольшими бандитскими отрядами, которые были в каждом уезде, скрываясь в лесах.

Бандитские шайки разбросаны по Белоруссии небольшими отрядами; несмотря на ряд принятых мер, шайки пока еще не ликвидированы и нам для уничтожения их предстоит вести борьбу и нынешнее лето.

Банды, переходившие через границу, организуемые союзом „защиты родины и революции", имели свой главный штаб в Лиде и ряд мелких штабов, разбросанных по границе. Вербовка в эти отряды на территории Польши производилась агентами Савинкова открыто. В состав банд входили оставшиеся от отрядов Булаховича дезертиры Красной армии и часть местного кулацкого населения.

Нравственный уровень банд был слишком низок. Из них 75% шли не ради достижения политических идей, а ради легкой наживы. Отвыкшие за время войны от труда, они не захотели вновь возвращаться к нему и, дабы возможно легче обеспечить себе материальное существование, становились профессионалами грабителями.

Руководящая же часть преследовала политическую цель, направленную к закабалению рабочих и крестьян, к возвращению польских панов и белорусских помещиков.

Вербованные отправлялись в тыл Польши, где сводились в отряды, обучались, затем, вооруженные винтовками, гранатами и автоматами, переходили через гос. границу на нашу территорию, где распространяли белогвардейскую литературу, совершали террористические акты, собирали сведения о расположении наших частей и вообще заставляли нашу армию быть в напряженном состоянии.

Организованные Савинковым союзы широко проявляли свою деятельность; в каждом уезде Белоруссии имелись отделения союза

уезд разбивался на районы, где создавались политические комитеты, на которых, как мною сказано выше, и лежала подготовка к восстанию.

В момент обострения дипломатических отношений Сов. России с Польшей, в июле м-це банды давали о себе знать; в августе м-це предполагалось всеобщее выступление этих отрядов. К этому времени за границей, в районе Глубокое, Свенцяны, сосредоточились ударные группы банд: одна—в 2000 чел. и вторая—полк Васильева 1500 чел. Сигналом общего выступления было взятие этими группами Полоцка и налет на Борисовский район.

Бандам, перебрасываемым на нашу территорию, конкретных задач не давалось; эти задачи определялись уездными и волостными организациями. Перейдя границу и продвигаясь в наш тыл, банды рассыпались на мелкие отряды 15—20 человек (иногда и более).

Вырождение политического бандитизма и превращение его в грабительские шайки значительно облегчает борьбу с ним, т. к. местное крестьянское население, в известной своей части, поддерживающее бандитов, теперь энергично поддерживает действия красной армии и сов. власти.

Борьба с бандитизмом в Белоруссии имела иной характер, по сравнению с другими районами Республики, например Тамбовским. Там нужно было оккупировать местность, создавать советский аппарат, разрушенный антоновцами. В Белоруссии советский аппарат существовал непрерывно и только нужно было привлечь его к интенсивной работе по искоренению бандитизма, улучшить качественно.

В Тамбовщине первой целью было разбить живую силу противника, которая имела в том же районе свое ядро, представляющее собою реальную вооруженную силу, и затем уничтожить живительный центр бандитизма. В Белоруссии же в районе оперирования банд основного ядра бандитизма не было, оно было за границей. Уничтожение живой силы бандитизма не требовало операций крупных войсковых соединений, как в Тамбовщине, так как здесь были мелкие отряды, и трудность борьбы с ними заключалась не в их вооруженной силе, а в их скрытности. Трудно было найти банду, а разбить ее большой силы не требовалось.

Живительный центр бандитизма в Белоруссии был тоже не так велик, как в Тамбовщине, и если там целые селения, волости и уезды являлись источником снабжения и пополнения живой силой банд, то в Белоруссии таким живительным центром бандитизма являлась только исключительная часть населения—шляхта. Она снабжала банды продовольствием и оружием. Трудность уничтожения живительного центра бандитов в Белоруссии была в способе отыскания его. Здесь требовалась усиленная работа агентуры.

Остальная же часть населения Белоруссии, в начале некоторое время и сочувствовавшая бандитизму, впоследствии откололась; а когда бандитизм принял грабительский характер, то стала относиться к нему даже враждебно.

Перейдя границу, банда, как я уже сказал, в своем полном составе далеко в глубь не заходила, а рассыпалась на несколько мелких отрядов, имея в каждом отряде своего главаря, и затем уже двигалась в глубь, маскируя свое направление: спрашивала дороги в совершенно противоположные стороны их движению, шла по лесам, делая свое движение зигзагами, стараясь вводить в заблуждение наши оперирующие отряды.

Нападению банд подвергались приимущественно в лесах одиночные люди (их ограбляли), еврейские местечки, отдельные хутора, мельницы, а под конец и крестьянские селения,*) а иногда налеты были и на наши небольшие гарнизоны, но последние, если заблаговременно обнаруживали подход банды, с успехом отражали нападения.

Вообще банда не искала боя с нашими отрядами, а, наоборот, уклонялась от них и принимала только в случае крайней неизбежности и чувствуя свое превосходство в силах.

Банда не сходилась, а только группировалась для налета. Налеты делались чрезвычайно обдуманно и осторожно. К месту, где предполагался налет, заранее выставлялись посты, а банда, к условленному часу и месту, подходила различными дорогами, преимущественно лесными тропками и затем делала налет, подходя к селению или мельницам с разных сторон. Часть банды остается на дозорах, а часть предается грабежу. Сделав налет, банда всей своей нестройной массой уходила в одном направлении, а, пройдя некоторое расстояние, скрывшись от глаз жителей, расходилась по разным направлениям, маскируя свое движение. Вот почему наши отряды, обыкновенно высылаемые на места нападений банд, никогда их не обнаруживали. Если первое время и находили их след, то при дальнейшем его движении теряли.

Нашу борьбу с бандитизмом можно разделить на три периода. В первый период особых методов борьбы выработано не было. Она велась кем и как попало: исполкомами, политбюро, военными комиссариатами и отдельными политическими работниками. Высылались отряды различной численности и состава, но не было выработано общего плана; политработники работали не в контакте с строевыми начальниками. Такая борьба с бандитизмом безусловно мало имела успеха, и наша неудача разжигала пыл бандитов; ими в течение трех месяцев—января, февраля, марта сделано в Минской губернии до 40 налетов, большинство—в Мозырском уезде, при чем из числа 40—30 налетов булаховцами и остальные—другими бандами.

К весне было заметно усиленное формирование банд за государственной границей. В Докшицах было около 6 тыс. человек, у Радошковичей 700 чел., у Свенцян до 2½ тыс. человек, у Лунинца до 4 тыс. чел. бандитов.

*) Бандитизм прежде старался разжигать антагонизм между крестьянством и еврейством, натравляя первых, но, не видя успеха, начал тормошить и крестьян.

Видя такую подготовку банд, и мы должны были применять более обдуманные и решительные меры борьбы. 26 мая 1921 года были организованы губернские и уездные комиссии по борьбе с бандитизмом. Уезд разделялся на военные участки, начальниками которых являлись ответственные партийные работники. По деревням рассылались члены партии для разведки и усиленной агитации среди крестьянства. Обратили внимание на живительный центр бандитизма и начали конфисковать имущество семей бандитов и их сообщников. Такая мера среди мирных крестьян, желавших спокойного труда, находила сочувствие и многие из них способствовали выяснению семей, имеющих прямую или косвенную связь с бандитизмом. Кроме того, был об'явлен приказ о добровольной явке бандитов и дезертиров. Эта мера также имела хороший результат, т. к. многие из числа скрывающихся по лесам прежде добровольно не являлись из-за боязни. К сожалению, при проведении в жизнь приказа не был сохранен срок явки, он продлялся и тем самым давал право думать, что срок явки будет и еще продлен, а такая неопределенность давала надежду, что приказы будут повторяться. Нужно было дать один, но большой срок, дабы приказ своевременно мог проникнуть во все уголки бандитизма. Главное—во всех действиях должна выдерживаться решимость. Говорить только то, что можно сделать, и делать то, о чем говорить, дабы не было напрасных угроз.

Работа во второй период борьбы дала более благоприятные результаты, чем в первый период, когда отсутствовал общий план борьбы, и неудивительно, что в течении времени до второго периода бандами в Минской губернии было сделано до 100 налетов. Но, несмотря на принятие вышеуказанных мер, бандитизм все-таки развивался, т. к. цель его—общее восстание, захват Полоцка, налет на Борисовский район ударными группами, еще был впереди, да и, кроме того, к этому времени наши дипломатические отношения с Польшей носили довольно обостренный характер, что также являлось поводом к большой интенсивности бандитизма в пределах Белоруссии.

7 июля в Минске организовался штаб революционного военного совета Белоруссии (Мин. район), которому и было приказано ликвидировать бандитизм в пределах Белоруссии. Все отряды, оперирующие по бандам, и воинские части перешли в подчинение Минрайона и ему же была придана кавдивизия. Ко дню сформирования Минрайона были зарегистрированы банды: в районе Борисовского у. 7 банд, численностью до 270 чел., в Минском уезде 1 банда небольшой численности, в Бобруйском уезде 12 банд разной численности, всего до 980 чел. и других до 10 банд, численностью до 400 чел. Начало и затем последовательные действия Минрайона мы отнесем к III периоду борьбы с бандитизмом.

Учитывая группировку банд за рубежом в районе Глубокое—Свенцяны, дабы прикрыть Борисовский тед-до-пон, Минрайон оккупировал губернию сетью гарнизонов, разделил на уездные боевые участки, начальником которого являлся старший войсковой началь-

ник. Состав и численность гарнизонов были в зависимости от числа оперирующих в уезде банд, с таким расчетом, чтобы наши силы количественно превосходили силы бандитов в данном районе в $1^1/_2$ раза. Каждый уездный боевой участок был разделен на гарнизоны (уезд был покрыт сетью гарнизонов) и каждый гарнизон так же имел свой боевой участок. Несколько волостей давалось в участок полка, последний делил их на свои гарнизоны, выделяя или целые батальоны, или роты. Кроме того, был разбросан в наиболее зараженных бандитизмом местах ряд летучих и истребительных отрядов небольшой численности—до 40—50 человек с автоматами. К этим отрядам придавалась агентурная разведка. Отряды эти в оперативном отношении подчинены были непосредственно начальникам дивизий *).

На каждом боевом участке (не включая батальонных и ротных), создавалась политкомиссия в составе члена исполкома, представителя О. О. и строевого н—ка. Задачей комиссии было поставлено всемерное содействие командному составу и урегулированию дела между строевыми начальниками и политическими работниками.

Общей же задачей гарнизонов являлось очищение района от бандитского элемента.

В течении последнего периода борьбы были приняты еще дополнительные меры, деревни разбивались на пятидворки, один из домохозяев являлся старшим и ответственным за свои 5 дворов, что ни укрывать, ни вообще способствовать бандитам и дезертирам в его пятидворке не будут, а, в случае обнаружения таковых, немедленно будет заявлено, в чем и отбирались подписки. Так же были привлечены к активной работе по искоренению бандитизма сельские советы и волисполкомы.

В период наиболее сильного распространения бандитизма, от председателей сельских советов брались подписки с требованием, под угрозой смертной казни, обследования всего района селения, всех принадлежащих им и граничащих с ними лесов и, в случае обнаружения банд немедленно доносить.

Такое привлечение населения к активной борьбе безусловно имело большой результат. Этим, хотя и не совсем уничтожался, то, по крайней мере, был взят под надзор живительный центр бандитизма и последнему было крайне трудно держать связь с частью сочувствующего ему населения.

Выезжала на места для суда над участниками бандитизма сессия рев. трибунала, которая при открытом заседании и массе скопления крестьян выносила свой суровый приговор причастникам бандитизма. Это безусловно морально действовало на население и после приговора мало у кого являлось желание быть сообщником бандитизма.

Третий период борьбы с бандитизмом безусловно дал больше результатов, чем первые два. Правда, воинские части—отряды и в этот период очень мало имели столкновений с бандами и не благо-

*) В районе боеучастка 4 дивизии.

даря им бандитизм пошел на убыль, а благодаря обще проведенных мер борьбы, особенно привлечением к активным действиям против банд самого населения.

Хождение отрядов по поискам банд, если и мало имело последствий, то банды все же чувствовали расставленные на них пикеты, что заставляло их быть более осторожными и морально чувствовать бесполезность своих действий, исключая грабежа, где они только и могли извлекать себе пользу.

Тактические действия отрядов против бандитизма велись не правильно, что и мешало возможности отрядов обнаруживать и сталкиваться с бандами. Банда делала налет или проходила в какомнибудь районе, а спустя 3—4 дня на то место приходил отряд, окружал место и безусловно ее не находил.

Сведений о бандитизме больше имела агентурная разведка, которая, к сожалению, мало, а иногда и вовсе не делилась своими сведениями с оперирующими отрядами, а передавала их непосредственно своим старшим, последние передавали их по дистанции высшим, и, наконец, высший эти сведения сообщал высшему строевому н—ку и уже от строевого н—ка, через ряд дистанций, отряд получал сведения и приказания об уничтожении появившейся в таком то районе банды; такие распоряжения безусловно всегда опаздывали. Так например: В сентябре м—це 21 года, в Борисовском уезде около северн. Березины, через лес на Совский Бор, двигалась из за границы банда численностью до 250 чел. с автоматами, руководимая, по сведениям, польскими офицерами. Она останавливалась в лесу на отдых и высылала в деревни разведки. Агентурная разведка, получив эти сведения, сообщила по инстанции, не уведомив воинскую часть (ближайшая воинская часть—батальон находился верстах в 15). 14-го сентября в 22 часа от комполка было распоряжение комбату выслать „для уничтожения банды“ засаду 15 чел. на 6 дней (по 3 дня на смену), снабдив продовольствием из „собственных средств“. Средств этих, как комполка, так и высшая инстанция, давшая эту задачу полку - дивизия, отлично должны были знать, что в батальоне, входящем в состав полка, безусловно, собственных средств быть не могло, тем паче, что продовольствием оперирующие части снабжались весьма не систематично.

Засада была выслана, и первая смена выяснила, что банда прошла уже 4 дня тому назад, т. е. 11 сентября. Не говоря уже о том, что приказание было не весьма обдумано и безусловно не могло бы быть исполнено в случае столкновения с бандой, я хочу отметить, что если бы сведения о движении банды агентурной разведкой одновременно были сообщены и ближайшей войсковой части, то можно было бы ожидать лучшего результата.

Войсковая разведка действовала во время всех операций вообще весьма плохо. Если ей давалось задание обследовать район, то она ограничивалась прохождением только населенных пунктов и шла по дорогам. Пешая разведка высылалась днем на дальние расстояния.

Это, безусловно, не имело ни малейшего успеха. Были случаи, когда разведка и наталкивалась на разведку бандитов, но, не допуская последнюю к себе, начинала ее обстреливать, в результате чего бандитская разведка скрывалась, и отряд банды изменял свое направление и тем самым уклонялся от нашего отряда, а наш отряд, приближавшийся к своей цели—обнаружения банды, вновь начинал свои поиски, пока окончательно не изматывались силы красноармейцев.

Отряды, высланные для поимки банды, нигде не находя следа банды, окружают место, где раньше была банда и, в результате, ничего не находят Были случаи, когда банды уходили на глазах отряда и их не с'умели обезоружить. Или высланная разведка, обнаружив движение банды, прекращала дальнейшую разведку только потому, что численность банды превосходила численность разведки. Так например: 3 июня 1921 года комполка 30 донес в штабриг, что высланный накануне отряд в разведку возвратился, обследовав район д. Рованичи, Борисовск. у. и что 2 июля банда ограбила д. Юрзыки (23 в. сев.-вост. Рованичи).

И, по словам жителей, банда в 60 чел. находится в лесу (5 в. с.-зап. д. Рованичи—район обследуемый разведкой). В лес отряд не заходил, т. к. в отряде всего 26 чел., а лес густ и н-к отряда „убедился“, что обследование—„напрасный труд“ и прекратил дальнейшую разведку. Безусловно, что такие действия разведки допускаемы быть не должны. Если число разведчиков было 26 чел., а бандитов 60, то не только разведать движение банды, но атаковать ее можно (все-таки здесь не 15 против 250 чел., как была дана задача засаде). Все же разведка, если она считала себя бессильной атаковать 60 чел. банды, то ни в коем случае не могла считать себя бессильной искать след движения и нахождения банды. Она могла своими силами и не атаковать, а хоть только выследить банду и не выпускать из под надзора, а для уничтожения ее можно было сосредоточить и более сильный отряд. Необходимо было, взять проводников, обследовать лес на расстоянии 6—7 и 8 верст вдоль и поперек, в противном случае войсковая разведка никогда не даст положительных результатов.

Иногда же отряды наталкивались на банду и прекращали дальнейшее преследование только благодаря ночи, как например: в районе того же 30 полка 11 июля в 3 часа на юго-восточн. окраине с. Верхлякова в $1^1/_2$ верстах показалась банда. Гарнизон ее обстрелял и она скрылась. В то же время на южной стороне за деревней банда 6—8 человек останавливала проезжавшаго верхом комвзвода и по нем стреляла. Банду не следовало обстреливать, не подпустив на ближнее расстояние, а если она имела направление на гарнизон, то тем паче,—а необходимо было сейчас же выслать вслед и на пересечение ей хотя небольшие отряды, человек по 10 и ни в коем случае не прекращать свои действия, только потому, что ночь.

Младшие начальники не проявили инициативы, а действовали так, как было приказано свыше, несмотря на то, что обстановка изменилась.

Высшие начальники отнимали инициативу у младших, подчинение начдивам непосредственно себе мелких летучих отрядов являлось плохим результатом. Из штадива за 50—70 верст начдив управлять отрядом по карте за поисками небольшой банды, безусловно успешно не мог, тогда как гораздо ближе к этим отрядам находились батальоны; командирам их нужно и должно было доверить и подчинить в оперативном отношении эти и летучие отряды. Они при необходимости сами могли взять руководство операцией.

Связь действовала весьма плохо, а особенно это чувствовалось в связи между отрядами.

Не сохранялась втайне предполагаемая операция; жители, сочувствующие бандитам, свободно могли ставить их в известность о предполагаемых действиях наших отрядов.

Расквартирование и охранение своих гарнизонов также не отвечало требованиям обстановки и случалось, что банда обстреливала караульные помещения.

Например, в Волосовичах (15 в. южнее Лепеля) банда, отлично зная расположение дежурного взвода, т. к. накануне один из захваченных бандитов, содержавшийся под стражей в караульном помещении, бежал, начальник же отряда караульного помещения (место размещения на ночь дежурного взвода) не переменил, воспользовавшись этим случаем, ночью, подойдя на близкое расстояние, обстреляла, предварительно обезоружив часовых, в результате чего были убитые и раненые.

Все эти недостатки безусловно имели свой отрицательный результат в деле борьбы с бандитизмом.

Для выяснения в будущем общего взгляда и правил по ведению небольшими отрядами борьбы с бандитизмом я и хочу высказать свои соображения.

Численность и состав отрядов, представляющих собою малые гарнизоны.

Указать на определенную численность гарнизонов в определенном месте невозможно, они могут изменяться от находящихся в том районе банд и их интенсивности. Во всяком случае, отряд должен быть такой силы, чтобы мог выдержать бой с бандой численностью до 100 человек, чтобы он не терял своей подвижности. Такой единицей является рота пехоты с приданными ей пулеметами, особенно автоматическими ружьями, которые не будут затруднять движение по лесам и болотам и 8—10 чел. конных.

При чем, на несколько таких отрядов (3—4) назначить одного из старших строевых н-ков, независимо от какой части будут высланы отряды.

Он и будет ими руководить и начдив может (желая держать близкую связь с отрядами) подчинить непосредственно себе не каждый отряд отдельно, а начальника нескольких истребительных отрядов, который должен иметь свой штаб в районе расположения отрядов. Таким начальником может быть строевой командир не ниже 10 или 11 разряда—обязанность его будет руководить операциями своих отрядов.

Обязанности начальников малых гарнизонов.

I) Каждый начальник отряда (гарнизона), придя на данный ему участок, должен обстоятельно самолично, с младшим комсоставом (помкомротами, комвзводами) ознакомиться с местностью. Обследовать населенные пункты, леса, дороги, тропинки, болота, и детально изучить, где банда может проходить скрытно и находить себе пристанище. Особенное внимание начальников должно быть обращено на отдельные хутора, захолустные, окруженные лесами деревни, местечки, где преимущественно живут евреи и мельницы, т. к все указанные пункты в большей мере подвергаются нападению бандитов.

II) Изучить местное население: насколько оно сочувствует бандитизму и брать таковых на особый учет, а сочувствующих советской власти с'уметь привлекать к выяснению первых личностей.

III) Каждый начальник должен завоевать себе уважение и доверие местного населения, для этого он сам должен быть политически развит и уметь отвечать крестьянам на все вопросы политического характера. С'уметь внушить им, что бандитизм является разрушением крестьянского хозяйства. Умелые ответы и об'яснения располагают крестьян к доверию, а тем самым и к сочувствию.

IV) Распространять среди крестьян сведения о фактах грабежей и убийств крестьян бандитами, тем самым создавая среди крестьян негодование и среду сопротивления бандитизму. Для большей наглядности я приведу пример. В августе месяце 21 года в дер. Совский Бор (45 в. сев. Борисова) под вечер зашла банда и ею были ограблены и избиты крестьяне. Этот случай вскоре стал известен окружным деревням. По прошествии некоторого времени около д. Кветче (6 вер. юго-вост. Сов. Бора) показалась банда небольшой численности, намереваясь итти в деревню. Крестьяне, узнав, что подходит банда, вооружились охотничьими ружьями, топорами и косами и сами бросились на банду, которая моментально рассеялась, скрывшись в лесу.

V) Обязать представителей сельских советов иметь в своих селениях ночью сторожей, которые, в случае захода в селение банды на ночь, должны сами или через председателя немедленно извещать н-ка ближайшего отряда. В тех селениях, которые подвергались

нападению банды, эти посты „сторожей“ назначались по собственной инициативе селения.

VI) Знать о всех деревенских сборищах, вечеринках, ярмарках, свадьбах, так как все эти сборища часто посещаются бандитами (так например, в мае м-це 1922 г. на одну из ярмарок Краснолуцкой вол. днем пришла банда, зная, что она не будет наказана за свое нахальство), и периодически высылать туда небольшую разведку.

VII) Держать в секрете свои намерения и план действий, как во время операций, так и во время стоянии на месте. Внушать красноармейцам, чтобы они ни с кем не говорили о численности отряда, его вооружении, мест нахождения пулеметов, караульных помещений, постов и т. д. и всех, пытающихся узнать, доставлять своему начальнику.

VIII) Обязать председателей исполкомов и сельских советов, а также войти в связь с представителями О. О., чтобы получаемые ими сведения о банде, немедленно сообщались ему. И вменить в обязанность сельским советам не менее одного раза в неделю обследовать свои районы.

Следить за выполнением сельскими советами приказа об охранении технической связи, т. к. опыт прошлого лета показал, что линии, не будучи охраняемы, часто вырезались и тем нарушалась связь.

Для поддержания связи с соседними гарнизонами и частью, выславшей отряд (или кому отряд подчинен) иметь, кроме технической связи, которая весьма часто нарушается, еще и живую связь, выставляя летучие посты на расстоянии 12—15 верст, по 2—3 человека на пост, конными, а за отсутствием конных—пешими, обязав сельский совет (посредством Укомтрудов) предоставлять для летпочты подводы, в случае экстренных надобностей. Для переправы же простой корреспонденции ни в коем случае обывательские подводы не использовывать. Расстояние 12—15 в. между постами для пешего не будет служить тормазом для передачи простой корреспонденции. Не забывать, что гужевая повинность нужна для более важных государственных задач.

Желательно было бы, чтобы отряды в районах, наиболее зараженных бандитизмом, не были прикрепляемы к одному месту, а периодически переходили из одного населенного пункта в другой, избрав в своем районе таких 2—3 населенных пункта.

Разведка.

Пешую разведку вести небольшими партиями (1 отделение), высылая их периодически через 48 час. не далее 4—5 вер. от расположения. Дальняя разведка, как показал опыт, была лишь изнурением людей: 1) люди сильно утомлялись и поэтому были не так настойчивы в выполнении задачи, 2) если бы разведка и столкнулась с бандой, то она с дальнего расстояния не может своевременно доставлять донесения. Гораздо целесообразнее высылать, как мною уже сказано, ближнюю разведку, но чтобы она обследовала не только селения и дороги, но леса и болота.

Разведку для обследования лесов и болот высылать днем, а для обследования дорог (через лес) и селения—ночью. Банда ночью движется только по дорогам, если она проходит и по лесу.

В случае необходимости войсковой разведки на дальние расстояния (тому должны предшествовать важные сведения, полученные или от агент. разведки или от жителей) таковую посылать ночью. Командир, коему поручено обследование района, может двигаться или по указанному маршруту, или, если найдет нужным, то и уклониться от него, во не уклоняясь от данной ему задачи.

При чем желательно было бы, в более серьезных случаях, высылать в известный район не 1 партию разведчиков, а 2, указав отдельно каждой марштрут и пункт соединения.

Действие разведки при наталкивании на банду.

По получении разведкой сведений о близком нахождении банды, ни в коем случае не ограничиваться этими сведениями, а необходимо их проверить лично.

При обнаружении банды, если она небольшой численности, атаковать, если же банда гораздо многочисленнее разведки, то, взяв ее под наблюдение, немедленно доносить нач. отряда, выславшему разведку, а если будет и другой отряд, но больше, чем свой, то одновременно уведомить и ближайший отряд.

Ни в коем случае не открывать по банде безрезультатный огонь. При движении ночью соблюдать тишину, во избежание случайных выстрелов винтовку заряжать не 5, а 4 патронами.

Агентурная разведка должна быть широко поставлена; это дело политических органов. Она должна способствовать облегчению и взаимодействовать с войсковой разведкой.

Необходимо, чтобы органы снабжения своевременно снабжали отряды продуктами, и тем самым не ставили отряд в некоторую зависимость от местного населения. К сожалению, до сих пор снабжение продовольствием истреботрядов было весьма не упорядочено, и отряды, в силу необходимости, должны были поддерживаться местным населением.

Дабы в будущем не слишком обременять население, необходимо более свободное расквартирование и, как выше сказано—не прикреплять отряд к одному месту.

Расквартирование.

Расквартирование отряда в деревне (селе, местечке) более целесообразно, как в материальном, так и в гигиеническом отношениях не более, как по 1—2 человеку в дом. При чем красноармейцы, не в ущерб своим занятиям, должны помогать хозяевам в работе. Летнее время в крестьянстве рабочая сила нужна, и 1—2 к-ца, хоть несколько помогающие хозяевам в работе, не будут обременять семейство, а наоборот, хозяева будут ими дорожить и „подкармливать". Но ни в

коем случае не допускать того, чтобы отряд стал на иждивение местного населения, и тем самым попал-бы под его зависимость.

Принимать строгие меры, чтобы красноармейцы самовольно не забирались в сады и огороды жителей, в противном случае отряд будет подрывать свой авторитет и возбуждать недоброжелательность населения.

Меры предосторожности на ночь.

При наступлении ночи не оставлять красноармейцев в занимаемых ими халупах, но и не размещать их в одной халупе или сарае, а распределять группами по взводно *), располагая на ночь (летом) не по халупам, а по сараям, каждый взвод отдельно, выставляя от каждой группы пост для собственного отражения. Один взвод должен быть назначен дежурным, от него же должен быть наряд охранения гарнизона.

Взводы на ночь располагать, не растягивая их по всему селению, а гораздо целесообразнее сосредоточивать их на одной из окраин селения, таким способом, чтобы, в случае тревоги, рота в течении 10 мин. могла быть на сборном месте. Менять периодически места расположения на ночь взводов, для этого лучше 1—2 ночи занимать северную окраину деревни, вторую—южную—и т. д., но будет совершенно бесполезно растягивать роту по всему селению. Это возможно только в случае небольшого селения, где не будет нарушаться взаимодействие взводов, и отряд всегда весь будет в руках его начальника.

Выставлять с вечера на окраине селения 1—2 полевых караула, но к ночи для сбережения сил их можно снять, дабы это не было известно жителям и заменять под внешним постом—патрулями (не снимая посты для непосредственного охранения взводов).

Дежурным по гарнизону и начальникам следует поверять ночью посты у взводов и патрулей.

Игры—вечеринки и вообще скопление народа поздно не допускать, прекращая их с наступлением ночи, крестьян же ночью, которым нужно итти на работы, или приезжающих, проходящих, патрули должны останавливать, осмотреть и только в случаях подозрительности (что может быть у проезжающих и проходящих), препровождать таковых к дежурному, а остальных пропускать. Но при особо важных случаях, когда отряд оперирует, нужно применять более тщательные меры охранения, а именно: выставлять на всю ночь полевые караулы, наблюдательные посты, патрули и усиливать дежурный взвод.

Днем должен быть 1 наблюдатель на возвышенном месте.

Для поверки боевой готовности гарнизона, н-ку следует делать пробные тревоги, преимущественно ночью. По сигналу тревога (колокольному звону, ракете, и в крайнем случае, за отсутствием первых двух средств—выстрелом) все группы немедленно собираются на сборный пункт, который должен быть найден заранее. Затем началь-

*) О чем и было распоряжение штадива.

ник отряда поверяет, все-ли присутствуют, у всех ли имеются патроны и т. д., и затем группы распускает по своим местам.

Движение к сборному пункту ни в коем случае не должно быть по одиночке, а каждый старший группы целиком ведет свою группу на сборное место; посты, выставляемые для собственного охранения групп при тревоге, вливаются в свои группы, а посты внутреннего и внешнего (пол. караулы) охранения гарнизона могут оставаться на своих местах, а могут и вливаться в дежурный взвод, затем в отряд; отряду, принявшему боеготовность, нападение банды должно быть только желательным.

Действие отряда при нападении банды.

В случае своевременного выяснения о приближении к гарнизону банды, гораздо целесообразнее тревогу делать не условным сигналам, а посредством посыльных, дабы не было известно банде о готовности гарнизона.

В случае нападения банды на гарнизон, оказывать энергичное сопротивление. Если мы приведем примеры случаев нападения банд на гарнизоны, и со стороны гарнизонов оказывалось сопротивление, то мы увидим, что гарнизоны всегда имели успех. Так, например, в Волосовичах банда напала на гарнизон и чувствовала себя хозяевами, до тех пор, пока гарнизон начал ее обстреливать.

В июле м-це в д. Мачужичах (7 в. юг.-вост. Логойска) банда натолкнулась на заставы отряда и, несмотря на свое превосходство, обстрелянная заставой, рассеялась.

Еще более наглядный пример дает нам Франко-Прусская война нападение французов на Арражи 21 сентября 1870 года: 12 рота при 1 офицере и 12 драгунах была расположена по отдельным квартирам. Для охранения гарнизона были выставлены полевой и внутренний караулы.

Утром 21-го французы численностью до 450 чел. произвели нечаянное нападение на гарнизон.

Немцы, не будучи расположены по группам, собираются к сборному пункту по одиночке.

Внутренний караул, с несколькими присоединившимися к нему людьми, пытается удержать противника огнем. Французы заняли селение, но контр-атакой немцев были вытеснены, и немцы, потеряв временно гарнизон, ударом в контр-атаку потеряли всего 7 чел. убитыми и 25 пленными. Если бы немцы не пошли в контр-атаку, у них были бы потери гораздо больше, т. к. часть из них, оставшаяся по квартирам, несомненно попала бы в руки французам. А если-бы они были расположены по группам, то они огнем отбили бы нападение

Действие отряда при операции против банды.

Н-к отряда, получив сведения о движении или месте нахождения банды, дабы убедиться, высылает разведку, как мною уже сказано

выше. Если же данные ему сведения не требуют дополнительного обследования, то он должен немедленно действовать своим отрядом. Итти в предполагаемое место нахождения банды, разделив свой отряд на группы не менее 25 чел. (в зависимости от числа банды), а иногда и вовсе не разделяя. Направлять группы по различным дорогам. Если движение происходит днем и по лесу, то для скрытности следует двигаться не по дороге, а в нескольких саженях от дороги, по лесу.

Группа в 25 чел., натолкнувшись на банду, может, если не уничтожить ее, то не терять из виду, впредь до подхода остальных групп. В данном случае командный состав должен твердо держать связь и не забывать правила движения на выстрел. Обнаружив банду, не открывать беспорядочной стрельбы, а по возможности подойти ближе, дать один выдержанный залп и затем немедленно броситься в атаку. Ни в коем случае не оставлять банду без преследования. Отряд должен всосаться в нее и преследовать до полного уничтожения днем, ночью, даже в разных направлениях, разделив отряд на части.



[illegible] Прежде чем развить работу, понадобилось собрать и подготовить местный [illegible] материал. В общем написаны [illegible] кружком [illegible] с тесной связью [illegible] развития прозы [illegible] для [illegible] к [illegible] по [illegible] из [illegible] которых [illegible] для которых [illegible] новых материалов.

Ф. Сосновщиков.

Литкружок [illegible] клуба

[illegible] при [illegible] клубе [illegible] фронта [illegible]

[illegible] от [illegible] дня [illegible] Литкружок [illegible]

[illegible] по [illegible]

[illegible] художественной [illegible]

[illegible] красноармейцев [illegible] Армии, [illegible] кружка [illegible]

[illegible] красноармейцев. Чем [illegible] (группово) [illegible] тем более [illegible]

[illegible] на [illegible] [illegible] и т. д.

Кружковая работа [illegible] клуба

На занятиях [illegible] клубе [illegible] ряд объективных условий, в [illegible] числе — ряд [illegible] и командиров, [illegible] более активных работников, а затем подготовка к [illegible] занятий.

[illegible] работа [illegible] в том направлении, которое [illegible] наиболее [illegible] кружка [illegible] стрелковому делу [illegible] сутствовали [illegible] полка, [illegible] ратных в [illegible] тодучих [illegible] положения [illegible] становка стрелкового дела во французской и германской армиях, последние строевые и [illegible] как для винтовки, так и для пулемета, с выбором [illegible] стрельбы, с наложением [illegible] с показом образцов [illegible] мишеней. Доклады возбудили большой интерес командного состава, вызвали живой обмен мнений.

Особенное внимание [illegible] учебные стрельбы [illegible] а также [illegible] на [illegible] в [illegible] с [illegible] как [illegible] стрельбы [illegible] у германцев. Наши способы учебной стрельбы, [illegible] на [illegible] в [illegible] [illegible] на [illegible] [illegible] на [illegible] были [illegible] по [illegible] образом и [illegible] для стрельбы [illegible] наиболее правильных методов.

Занятия [illegible] несколько [illegible] по тем же причинам, которые указаны выше, тем более, что [illegible]

Кружковые работы Военно-Научного клуба.

На занятиях пехотного (стрелкового) кружка в клубе неблагоприятно отразился целый ряд об'ективных условий, в том числе—ряд с'ездов и конференций, которые отвлекли более активных работников, а затем—подготовка к лагерным сборам и начало летних занятий.

Но за-то работы эти расширились в том направлении, которое, по существу, наиболее желательно: руководство кружка организовало ряд докладов по стрелковому делу в 80-м стрелковом полку, на которых присутствовал весь командный состав полка, без всякой необходимости собираться в Смоленск и отрываться от текущих занятий. Была доложена постановка стрелкового дела во французской и германской армиях, по последним стрелковым наставлениям, как для винтовок, так и для легких пулеметов, с разбором таблиц стрельбы, с изложением курсов стрельбы и с показом образцов различного рода мишеней. Доклады возбудили большой интерес командного состава, вызвали живой обмен мнений.

Особенное внимание сосредоточили учебные стрельбы уменьшенным зарядом, а также боевыми патронами на уменьшенные расстояния. Заинтересовала стрельба в круглые мишени, с головными и поясными мишенями в центре, равно как курсы стрельбы для легких пулеметов, принятые во французской армии, и разного рода боевые стрельбы, особенно широко развитые у германцев. Наши способы учебной стрельбы, закрепленные наставлением 1921 года, по фигурным мишеням на щитах и у нижнего края щита, не дающие точного учета попаданий из общего количества выпущенных пуль, подверглись справедливой критике. В результате было решено построить несколько мишеней по иностранным образцам и произвести в них стрельбы для выработки наиболее правильных методов.

Занятия экономического кружка несколько затормозились по тем же причинам, которые указаны выше-тем более, что подготовка к ним гораздо сложнее. Прежде чем развить работы, понадобилось собрать и подготовить необходимый материал. В общем намечается работа, исходя из формулы Энгельса о тесной зависимости войны „от ступеней развития производства“, но, кроме общих взглядов, необходим и более конкретный подход к делу, который рисуется в исследованиях по экономическим вопросам, в связи с военной подготовкой на западном фронте, а также в исследованиях военных планов Польши с экономической точки зрения, для которых за последнее время появился целый ряд новых источников.

Ф. Огородников.

Литкружок При Военно-Научном Клубе.

Образовавшийся при Военно-Научном Клубе Западного фронта Литературный Кружок начал работать.

В отличие от обычного типа кружков этого рода Литкружок В. Н. К. не ставит своей задачей *самообразовательные* (в узком смысле этого слова) цели.

Напротив, по мысли организаторов, это скорее лаборатория, где должна квалифицированными силами вестись непосредственно творческая работа по созданию художественной литературы для красноармейцев.

Вся система политико-просветительной работы в Красной Армии, даже и в ограниченных пределах усиления боевого могущества армии, направлена к воздействию на классовое сознание красноармейца. Чем лучше красноармеец осознает, осмыслит свои классовые (групповые) интересы, тем яснее ему будет представляться неизбежность войны и необходимость быть в ней активным участником.

Однако, здесь мы наталкиваемся на один чрезвычайно показательный факт. Красноармейцы, прошедшие усиленную обработку лучшими силами, сплошь и рядом затрудняются дать ответ на простой, казалось бы, вопрос: „Что такое Советская Власть“ или „кто такие коммунисты“ и т. д. и т. п.

Этот факт настолько *постоянен*, что не так давно нашлись охотники сделать из него заключение, по которому все существующие методы работы должны быть заменены универсальным методом „зубрежки“, чуть ли не царской „словесностью“. Конечно, этот вывод совершенно, в корне, неправилен.

Красноармеец, на разум, на сознание которого воздействует политпросветработник, способен *понять*, „учувствовать“ правильность того, что ему рассказано, и тем скорее и тверже, чем менее тут будет формального заучивания.

Но даже привыкший мыслить отвлеченными понятиями интеллигент не всегда и не всякий способен дать быстро точную, законченную формулировку *понимаемых* им вещей. Тем более красноармеец. Нужно не только понимать, но и научиться *самостоятельно мыслить*. Если бы могли предполагать, что красноармеец за $1^1/_2$ года этому искусству научится—мы могли бы требовать от него быстрых и точных формулировок.

Но так как это, конечно, утопия, то и очевидно, что пределы нашей задачи—это добиться того, чтобы каждый красноармеец *понимал* то, что ему преподают.

А если это так, то нужно твердо помнить, что понимание достигается тем легче, чем более требования, пред'являемые к рассудку красноармейца, будут в то же время основываться и на его *эмоциях*. Отсюда необходимость живого, легкого, интересного обучения, обучения, переплетаемого с развлечением.

Между тем, на метод воспитания красноармейца, путем воздействия на его эмоции, обращали до сих пор очень немного внимания.

В „Красноармейской Правде“ мы уже имели случай привести некоторые цифры, характеризующие интересы молодых крестьянских парней, находящихся в Красной Армии. Округляя их, можно сказать, что не меньше (если не больше) 50% всех красноармейцев в возрасте от 18 до 25 лет интересуются любовью, приключениями, тем, „как люди на свете живут“, путешествиями, техникой и т. п. *Главным образом. А не* главным образом—почти наверняка—все 100%.

Вот эти то интересы, находящиеся в непосредственной связи с возрастом, для которого характерна *повышенная эмоциональность*, остаются нами почти совершенно не унитченными на практике в нашей методике политического просвещения.

Если бы это было иначе—у нас уже существовала бы массовая литература для красноармейца, как метод воспитания наиболее широкого охвата, наиболее легко достигающий цели. Театр, да к тому же не располагающий репертуаром (что свидетельствует о том же невнимании), дал бы значительно меньшие результаты, в силу своих технических особенностей (ограниченность использования).

Перечисленные выше интересы красноармейцев *удовлетворяют* так или иначе, но что может ему послужить (и служит) средством для этого?—Беллетристика, содержащаяся в наших библиотеках. А что в них есть?

Таким образом, задача создания литературы для чтения, для организации эмоций красноармейцев—задача вполне назревшая. Эту-то задачу и имеет в виду преследовать указанный Литкружок В. Н. К.

Она не легкая. Здесь постоянно будет иметь место опасность удариться в пинкертоновщину, в худшем смысле слова, не суметь сочетать необходимую простоту и ясность с не менее необходимой художественностью и т. д. Самое же главное, что задача эта почти совершенно новая, что почти никаких опытов в этом направлении не имеется.

Однако, надо думать, что упорной систематической работой все же, если не целиком, то частично, ее разрешить удастся.

Основной темой для работ кружка, естественно, является сама революция, борьба за нее, борьба на красных фронтах, борьба за технику и т. д.

жимут", путешествием, техникой и [illegible] с „Рабочей Нивой". А в главных образом — книги и литература — все 100%.

Вот эти-то интересы, находящиеся в непосредственной связи с контингентом, для которого художественная [illegible] литература [illegible], остались нами почти совершенно не учитываемыми на практике в нашей методике политического просвещения.

Если бы это было иначе — у нас уже существовала бы масса литературы для красноармейцев, как метода воспитания наиболее широкого охвата, наиболее легко доступной [illegible]. Только дать тому, что не рассматривающий репертуаром (что само [illegible] уже [illegible] дал бы значительно [illegible] результаты в силу своих технических особенностей (специальности, метода [illegible]).

Перечисленные выше интересы красноармейцев обеспечиваются так или иначе, но что может ему по пути [illegible] средствами для этого — [illegible] в наших библиотеках? А что в них есть?

Таким образом, задача создания литературы для чтения, как организации и воспитания красноармейцев — задача крайне назревшая. Эту-то задачу и имеет в виду предпринять [illegible] В. П. К.

Она же должна. Здесь постоянно будет много места опасности увлекаться [illegible] в худшем смысле слова, не сумев сочетать необходимую простоту и ясность с необходимой художественностью и т. п. Самое же главное, что нужна эта литература возможно скорее, — что почти никаких опытов в этом направлении не имеется.

Однако надо думать, что при серьезной систематической работе все же [illegible] [illegible] удастся.

Остановлюсь теперь на работе кружков [illegible] [illegible] [illegible] на этих [illegible] [illegible] 30 [illegible] и [illegible]

Этот факт, настолько [illegible], что на так давно начали скликаться на него внимание [illegible] [illegible] все существующие методы работы должны быть изменены [illegible] [illegible] методом „[illegible]" [illegible] [illegible] „специальность" [illegible] этот [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible].

[illegible] и [illegible] на [illegible] которого [illegible] [illegible] способы [illegible] [illegible] правильность того, что ему рассказали, и тем скорее и лучше, чем меньше [illegible] будет формального [illegible].

Но даже привыкшие мыслить отвлеченными понятиями интеллигенты [illegible] и не всегда способны дать быструю и [illegible] [illegible] оценку [illegible] [illegible]. Тем более красноармеец. Нужно не только [illegible], но и научиться [illegible] [illegible] мыслить. Если бы могли предположить, что красноармеец [illegible] этому искусству научиться — [illegible] [illegible] требовать от него быстрых и точных формулировок.

Но так как это, конечно, нужно [illegible] и [illegible], что процесс [illegible] [illegible] [illegible] того, чтобы [illegible] красноармеец понимал то, что [illegible].

А если это так, то нужно [illegible] [illegible], что понимание достигается [illegible] [illegible] тем более требовательно [illegible] к [illegible] [illegible] [illegible] и то на время [illegible] и на это [illegible]. Отсюда необходимость [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] с [illegible].

Может [illegible] на месте [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] внимание.

В „Красноармейской Правде" [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], молодых [illegible] [illegible], находящихся в Красной Армии [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] [illegible] не больше 50% [illegible] [illegible] [illegible] 18 и 20 [illegible] [illegible] [illegible], [illegible], как [illegible] на [illegible]

ними в строй, т. е. 80% своего состава, не считая легких поражений, от которых после которых больные возвращались на фронт, причем ... же в лазаретах 10—5 дней.

Ф. Б.

Опустошения и возмещения Франции

Согласно официальным данным, количество разрушенных домов во Франции составляет 741.993, восстановлено в общей сложности:

На 1-е января 1921 г.—278.834
„ 1-е „ 1922 г.—363.430
„ 1-е „ 1923 г.—530.977

Изрыто земель 3.300.000 гектаров, в том числе 1.923.477 гект. пахотной, восстановлено и вновь засеяно:

На 1-е янв. 1921 г.—1.807.240 гект.
„ 1-е „ 1922 г.—1.808.200 „

Из числа 333.000.000 куб. метров окопов, подлежащих засыпке, засыпано:

На 1-е янв. 1921 г.—213.310.000 куб. метр.
„ 1-е „ 1922 г.—[illegible]
„ 1-е „ 1923 г.—280.130.000 „

Проволочных заграждений должно было сняться 375.000.000 кв. метров, из которых снято:

На 1-е янв. 1921 г.—[illegible] кв. метр.
„ 1-е „ 1922 г.—[illegible]
„ 1-е „ 1923 г.—[illegible]

Разрушено фабрик в 1921 г. 21.000 тонн и на 1-е янв. 1923 г.—1.035.200 тонн.

Фабричных построек разрушено 22.900, отстроено:

На 1-е января 1921 г.—18.001
„ 1-е „ 1922 г.—19.442
„ 1-е „ 1923 г.—19.946

Художественно-промышленных предприятий разрушено—6.128, отстроено:

На 1-е января 1921 г.—2.658
„ 1-е „ 1922 г.—3.538
„ 1-е „ 1923 г.—5.189

Общественных дорог разрушено 58.497 километров, отстроено:

На 1-е янв. 1921 г.—8.085 килом.
„ 1-е „ 1922 г.—29.074 „
„ 1-е „ 1923 г.—32.650 „

Довоенное состояние животноводства на территории военных действий:

Крупного скота	892.819 голов
Лошадей	407.968 „
Овец	949.774 „
Свиней	356.610 „

От воздушных бомб ... 144
ручных гранат ... [illegible]
[illegible] ... [illegible]
ружейных пуль ... 443.000
штыковых ран ... 45

Итого ... [illegible]

Потери от удушливых газов составят пока 7%, но вместе с самими потерями и увеличилось, что объясняется [illegible] орудия.

Однако же потери от удушливых газов на всех фронтах составили 6,6% по отношению уже к потерям от огнестрельного оружия [illegible].

В 1915 г. [illegible] американского [illegible] рабочих [illegible] в отдельное министерство [illegible] как орудия, так и для этого крупные силы.

Таким образом, С. А. Соединенные Штаты являются первым государством в мире, где существует министерство, как [illegible] парламентами.

Потери английских армий от удушливых газов были совершенно иные. Для примера можно указать на газовую атаку на западном фронте 22 апр. 1915 г. (под Ипром), продолжавшуюся 45 минут. Никакое другое оружие не действовало. На участке одной дивизии было 12.000 комбатантов солдат, т. е. 99% общего количества солдат на этом участке. Колониальные солдаты совершенно не ожидали газовой атаки и не имели противогазовых масок. Когда немецкие солдаты в масках появились вслед за газовыми волнами, ищущие и непривычные окопы, они заметили, что часть французов была мертвыми, часть была наполовину отравлена, а часть казалась не под заразой, но уже деморализованной, что их никакому и в голову не приходило обороняться какими-либо другими способами.

Вычисления медицинских отделов 3-ей дивизии 1-ой английской армии, стоявшей на участке Мейц, от 1 июля 1917 г. показывают, что из 280 батарей потери от газовых снарядов 60 батарей—21% всего количества, [illegible] при чем 10 батарей из 100 отравлены

От воздушных боев	148
„ ручных гранат . . .	870
„ удушл. газов	75.000
„ с арядов и пуль	199.000
„ штыковых ран	195
Итого	270.000

Потери от удушливых газов составляют почти 28% по отношению к общим потерям и указывают, что они являются довольно значительным родом оружия.

Общие же потери от удушливых газов во всех армиях составляют 6,6%, по отношению же к другим родам. оружия—7,8%.

В 1919 г. военная комиссия американского сената решила выделить в отдельное министерство департам. хим. оружия, назначив для этого крупные суммы

Таким образом, С.-А. Соедин. Штаты являются первым государством во всем мире, где существует министерство хим. оружия, с пятью департаментами.

Потери европейских армий от удушливых газов были совершенно иные. Для примера можно указать на газовую атаку на западном фронте 22 апр. 1915 г. (под Ипром), продолжавшуюся 45 минут. Никакое другое оружие не действовало. На участке одной дивизии пало 12 000 коалиционных солдат, т. е. 99% общего количества солдат на этом участке. Коалиционные солдаты совершенно не ожидали газовой атаки и не имели противогазовых масок. Когда немецкие солдаты в масках, продвигаясь вслед за газовыми волнами, вошли в неприятельские окопы, они заметили, что часть французов была трупами, часть была наполовину отравлена, а часть казалась на вид здоровой, но так деморализованной, что из них никому и в голову не приходило обороняться каким-либо другим способом.

Вычисления начальника штаба артиллерии второй английской армии, стоявшей на участке Мозы, от 1/VIII 1917 г., показывают, что на 230 батарей потери от иприта составляли:

80 батарей—20% общего количества людей и
130 „ 55% „ „ „

при чем 10 батарей из 130 отправили в глубокий тыл 80% своего состава, не считая легких повреждений от иперита, после которых больные возвращались на фронт, пролежав все же в лазаретах 10—15 дней.

А. Б.

Восстановление и возмещения Франции.

Согласно французских оффициальных данных, количество разрушенных домов во Франции составляет 741 993, взамен которых было отстроено:

На 1-е января 1921 г.—273.834
„ 1-е „ 1922 г.—355.479
„ 1-е „ 1923 г.—532.977

Изрыто земель: 3.306.350 гектаров, в том числе 1.923.479 гект. пахотной, и приведено в годное состояние:

На 1 янв. 1921 г.—1.007.240 гект.
„ 1 „ 1922 г.—1.698.200 „

Из числа 333.000.000 куб. метров окопов, подлежащих срытию, срыто:

На 1-е янв. 1921 г.—218.934.793 куб. метра.
„ 1-е „ 1922 г.—259.793.437 „ „
„ 1-е „ 1923 г.—280.102.300 „ „

Проволочных заграждений подлежало из'ятию 375.000.000 кв. метров, из которых из'ято:

На 1-е янв. 1921 г.—249.014.302 кв. метр.
„ 1-е „ 1922 г.—275.544.612 „ „
„ 1-е „ 1923 г.—287.200.815 „ „

Собрано снарядов: в 1921 г.—21.000 тонн и на 1-е янв. 1923 г.—1.035.200 тонн.

Фабричных построек: разрушено—22.900, отстроено:

На 1-е января 1921 г.—18.091
„ 1-е „ 1922 г.—19.442
„ 1-е „ 1923 г.—19.946

Художественно-промышленных предприятий: разрушено—6123, отстроено:

На 1-е января 1921 г.—2 653
„ 1-е „ 1922 г.—3 688
„ 1-е „ 1923 г.—5.189

Общественных дорог: разрушено—58.697 километров, отстроено:

На 1-е янв. 1921 г.— 8.965 килом.
„ 1-е „ 1922 г.—22 074 „
„ 1-е „ 1923 г.—32.650 „

Довоенное состояние животноводства на территории военных действий:

Рогатого скота. .	892.329 голов
Лошадей.	407.988 „
Овец	949.774 „
Свиней	356.610 „

Отправлено туда же:

	На 1/I 192 г.	На 1/I 1923 г.
Рог. скота	129.975 гол.	523 848 гол.
Лошадей	118.695 „	299.690 „
Овец	118.738 „	407.782 „
Свиней	3.561 „	184.251 „

Из 4.890.183 беженцев с французского фронта возвратилось:

На 1 янв. 1919 г.—2.075.067 чел.
„ 1 „ 1921 г.—3.288.152 „
„ 1 „ 1922 г.—3.985.913 „
„ 1 „ 1923 г.—4.074.970 „

А. Б.

Новый способ обнаружения подводных лодок.

До последнего времени все способы обнаружения подводных лодок были акустического (слухового) характера: шум, производимый подводными лодками, улавливался особыми приборами—микрофонами (усилителями звука).

Теперь изобретен новый способ, основанный на доказанном факте, что присутствие подводной лодки в морской воде увеличивает электропроводимость последней. К сожалению, способ этот может применяться пока только в узких проходах, например, при входе в порт.

Поперек узкого водного пространства протягиваются на значительном расстоянии один от другого два голые провода, присоединенные своими концами к источнику тока на берегу. Ток, идя по одному проводу, проходит чрез воду, вступает в другой провод и возвращается обратно.

Если между этими проводами окажется подводная лодка, то сопротивление морской воды току уменьшается, а потому особый прибор на берегу укажет на увеличение тока. Это увеличение тока с несомненностью укажет на появление подводной лодки.

Достоинства этого изобретения были проверены опытами в Тулонском порту (во Франции). *Г. Гр.*

Приспособление для бомбометания с самолетов.

Как показали произведенные в различных странах, главным образом в Соединенных Штатах Северной Америки, опыты бомбометания с самолетов по броненосным морским судам, бомбы в несколько десятков пудов обладают громадной разрушительной силой и в случае попадания в цель или даже вблизи цели—выводят из строя или даже топят самые крупные броненосцы.

Вполне понятно, что попадать в движущиеся цели значительно труднее, чем в цели неподвижные.

Для бомбометания по движущимся целям, для достижения успеха, необходимо устройство прицельного приспособления.

У нас в России разработан автоматический прицельный прибор для точного сбрасывания бомб с автоматов.

В этом приборе имеется прицельное приспособление, постоянно указывающее место падения бомбы, если ее сбросить в тот или иной момент. Таким образом, получается непрерывная корректировка—поправка бомбометания.

Прибором этим, кроме того, учитываются сопротивление воздуха и влияние ветра на линию полета (траекторию) сброшенной бомбы. При этом скорость и направление ветра, скорость и направление самого самолета и высота точки спуска от точки падения бомбы на землю или в воду учитываются в самый момент спуска бомбы.

При помощи этого прибора можно вести бомбометание, не уступающее по точности артиллерийской стрельбе.

Если принять во внимание, что современные крупные броненосные суда ходят приблизительно со скоростью 24 узлов (узел=1¾ версты) в час, то станет ясным, что без помощи описанного прицельного приспособления бомбометание по таким судам на ходу окажется мало действительным. Для достижения без этого приспособления хотя бы одного попадания потребуется сбросить очень много бомб.

Г. Григоросуло.

Количество подводных лодок в главных государствах.

Согласно германских источников, подводные лодки в главнейших государствах составляют в данное время: Соединен. Штаты—76, Англия—52, Италия—43, Япония—43, Франция—41

в 1, 2, 4 и 7 полках 3-я школьная батарея вооружена 12 с/м. гаубицами; в 3, 5, 6 и 8 полках 3-я школьная батарея имеет 15 с/м. гаубицы Л. 17. 2-й пеший арт. полк является учебным полком.

Корпус конной артиллерии: штаб, 1 школьная и 1 инструкторская батареи. Арт. бригады и конная артиллерия входят в состав дивизий: 2 и 6-й пешие арт. полки—1-я бригада 1-й дивизии, 4 и 8 полки—2-я бригада 2-й дивизии, 3 и 7-й полки—3-я бриг. 3-й дивизии и 1 и 5-й полки—4-я бриг. 4-й арт. дивизии. Полк крепостной артиллерии состоит из штаба, 8 школьных и 1 учебной рот.

Корпус зенитной артиллерии—штаб и школьная рота.

Понтонно-подрывной корпус—штаб, 2 понтонных и 1 подрывная роты.

Саперы: штаб, инженерный отряд полка (штаб, 1, 2 и 3 батар.), 1 бат. со штабом, 2 школьные роты и 1 взвод желдорвойск, 1 телегр. б-н со штабом, 1 б-н разведчиков со штабом и 2 школьными ротами.

Греция.

Численный состав армии.—За последние месяцы, после окончательного разгрома Турцией, греческая армия, при содействии союзников, достигла численности в 180 000 чел. Впредь до выяснения ситуации на Ближнем Востоке, греческое правительство не намерено сокращать армии.

Дания.

Стрелковые и гимнастические союзы.—Количество членов стрелковых и спортивно-гимнастических союзов возросло с 72.827 в 1921 г. до 78.208 в 1922 г. Иначе говоря, к вышеуказанным союзам принадлежит 0,7% всего населения, вместо 2% в Норвегии и 2,2%—в Швеции. Из 21.900 членов стрелковых союзов 5200 моложе 20 лет, 12.000—в возрасте между 20 и 36 годами и 4700—свыше 36 лет. Занятия в стрелковых союзах ведутся из расчета 164 патронов на каждого стрелка, т. е. 3,35 миллиона патронов в год для всех стрелковых союзов.

Италия.

Обучение армии.—Советом министров принят законопроэкт о введении 18 месячной действительной военной службы. Увеличение срока службы мотивируется количественным сокращением более важных родов оружия, несущих в данное время полицейскую службу.

Судостроение.—4 эскадренных миноносца (1150 т.), построенные по новой программе, получат наименования: „Кинтинно Селлах", „Беттино Риказоли", „Франческо Криспи" и „Джиованни Никотева".

Испания.

Усиление воздушного флота.—Правительством заказано в Англии 50 аэропланов де—Хавилланда и во Франции—40 Ньюпора и столько же—Бреге.

Латвия.

Организация армии.—Продолжительность военной службы—с 20 до 30 летнего возраста. Срок действительной службы—$1^{1}/_{2}$ года. Первые 7 возрастных классов составляют полевую армию, остальные—запас. В мирное время армия состоит из 4 дивизий, в состав которых входят: 12 пех. полков, 3 полка погран. стражи 1 резервный полк, 1 кав. полк, 4 легк. арт. полка, 1 группа тяж. артилерии, (3 батареи по 4 15 с/м. мортиры в каждой), 7 танков, 56 обыкновенных и 6 броневых автомобилей, 4 бронепоезда, 30 аэропланов и 2 радио-станции. Пех. полк состоит из 4 б-нов и 1 пулем. роты (20 пул.). Кав. полк—4 эскадрона, 1 пулем. эскадрон, 1 арт. эскадрон с 2 орудиями. Легк. арт. полк—3 батареи по 4—7, 6 с/м. орудия в каждой.

Литва.

Организация армии.—Военная служба продолжается с 20 до 45 летнего возраста, из которых на действительной службе: в пехоте—2 года

и в остальных родах оружия—3 года. Затем в первом резерве—5 лет, во втором—8 и в ополчении—10 лет. Армия мирного времени делится на 4 дивизии (Вилькомир, Кейданы, Ковно и Олита) и 1 кав. дивизию (Вильковишки). Меньшие единицы: 12 пех. полков, 3 кав. полка, 4 группы артиллерии, 1 сапер. б-н, 1 б-н военных сообщений, 1 авто-отделение, 7 броневиков и 1 авио-отряд (29 аэропланов). Пех полк—3 б на трехротного состава (в военное время придается 1 пулеметная рота с 15 тяж. и 15 легк пулеметами), 1 сигнальн. взвода, 1 минометный взвод и 1 рота техн. войск. Кав. полк—4 эскадрона, 1 пулем. эскадрон и 1 техн. эскадрон Арт. группа—5 батарей (3 батареи по 4—7,6 с/м. орудия, 1 бат. тяж. мортир и 1 бат. тяж. орудий) Б-н военных сообщений—1 транспортный отдел, 1 санит. отдел и 1 легк. колонна.

Польша.

Организация армии.—По слухам, предстоят изменения в организации тяжелой артиллерии. Кроме того, утверждают, что пулеметные роты в пех. полках будут вооружены 12 тяжелыми пулеметами, вместо бывших 8, благодаря чему упростится проведение мобилизации, при которой каждая пулеметная рота выделяет очередные 4 роты.

По сообщению „Германского Справочника“ тяжелая артиллерия и специальные войска армии, благодаря содействию Франции, поставлены на весьма значительную высоту.

Иррегулярные соединения. — „Стрелковый Союз , представляющий из себя иррегулярные соединения и насчитывающий в данное время около 300.000 членов. предположено использовать в качестве резерва или войск второй очереди. Среди членов „Стрелкового Союза“ ведется усиленная военная подготовка, благодаря чему проэкт всеобщего военного обучения проявляет некоторые признаки осуществления.

Противогазовая оборона.—В статье „О задачах Польши в области газовой техники“, помещенной в „Дзеннике Гданском“ указывается на необходимость основания в Польше химических фабрик для изготовления военных материалов. „Мы должны,—заявляет газета, изобрести и производить газы для военных целей, с одной стороны, и изыскать средства против них—с другой“. В оправдание этого, газета указывает на неблагоприятное финансовое положение страны, вынуждающее сократить армию, что, по мнению газеты, не должно успокоить мнение правительства и широкой общественности. „Польша, возрождающаяся для новых подвигов, должна следовать примеру Запада и не забывать принципа: „Хочешь мира—готовься к войне“. Будем же по образцу немецких союзов воинов и солдат,—заканчивает газета,—организовывать польские союзы повстанцев и воинов. Если Германия сумела организовать в союзы 200 (?) офицеров и более 3 миллионов ун.-офицеров резерва (?!), не может оставаться сомнений в важности организации в Польше подобной самообороны“.

Состав населения.—Согласно последних польских официальных данных, национальные меньшинства в Польше распределяются следующим образом: восточные окраины—70,9% Галиция—42,5%, Виленщина—37,6%, В. Силезия—30,8%, Тешен—23,7%, Померания—12,6%, Познань—17% и Конгрессовая Польша 15,7%. Разноплеменность Польши очевидно велика.

Румыния.

Высылка врангелевцев.—Румынский совет министров, получив сообщение от союзных правительств об отказе последних от заключенного ранее условия о возвращении расходов по содержанию врангелевцев, постановил выслать эту категорию беженцев. Постановление это касается лишь тех врангелевцев, которые находятся в концентрационных лагерях и содержатся на государственный счет.

С. А. Соединенные Штаты.

Испытание новой ружейной пули. —По указаниям военного министерст

Тов. Л. Д. ТРОЦКИЙ—почетный авиамоторист.

2 мая с. г. в г. Смоленске состоялось празднование годовщины существования „Ремвоздухмастерских № 2“. На торжественном заседании было сделано единогласное постановление об избрании т. Троцкого почетным авиамотористом мастерских, о чем была т. Троцкому послана телеграмма, на которую получен следующий ответ от т. Троцкого.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Революционного Военного Совета Республики.

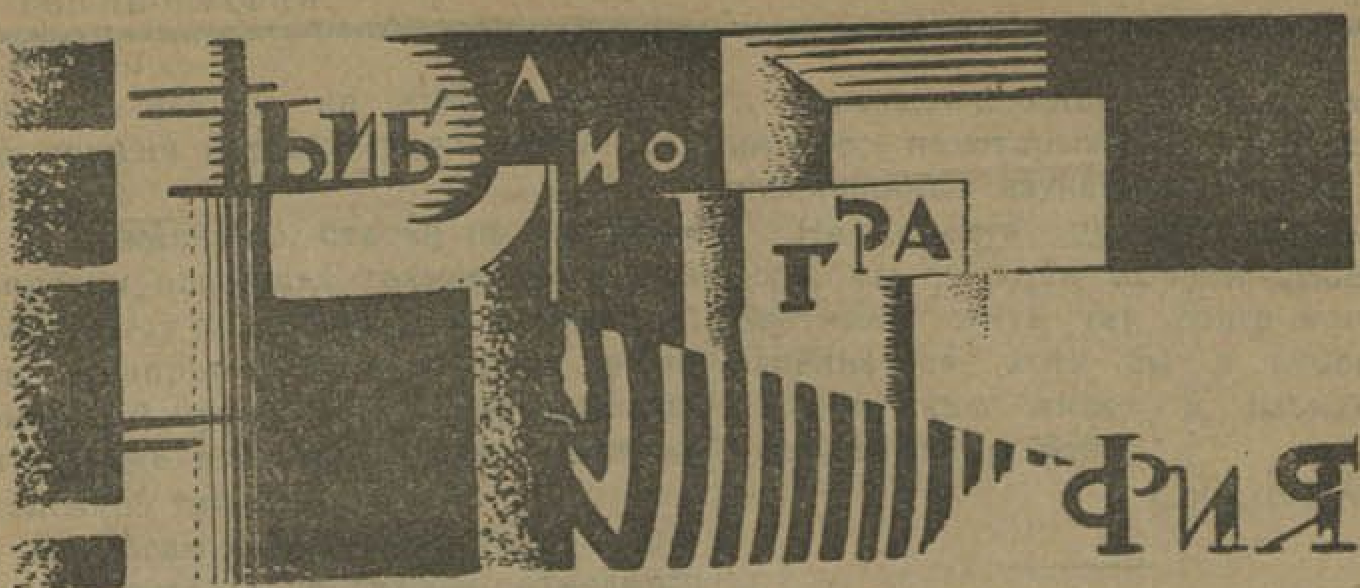
№ 1094.

Москва.

СМОЛЕНСКИМ РЕМОНТНЫМ ВОЗДУХОМАСТЕРСКИМ № 2.

Звание авиамоториста принимаю с великой благодарностью. В присвоении мастерскими своего имени рассматриваю, как высокую для себя честь. Очень жалею, что не имел возможности до 1-го мая ответить на Ваше письмо. Большое спасибо Вам от Красной Армии за подарок самолета НЬЮПОР. Развитие авиации будет стоять в ближайшее время в центре внимания всей страны. Ваша работа имеет огромное значение государственной безопасности, для развития хозяйства и культуры.

С горячим приветом *Л. Троцкий.*



„Военный вестник".

Военно-политический еженедельник. 500 стр. 1923 г. №№ 1—11.

Перед нами „Военный Вестник" в новом издании, другого формата, с расширенным содержанием. К сожалению, не достает №№ 8 и 10, которые почему то не дошли. Внешность оставляет самое благоприятное впечатление, а с номера 11-го (с иллюстрированной обложкой)—прямо подкупающая. По сравнению с прошлым годом вновь появился военно-политический отдел и, сверх того, отдел беллетристики. Довольно много иллюстраций. Статьи военного содержания обнимают очень широкую программу, затрагивая самые разнообразные стороны дела. Все вообще статьи не большие (не более 5-6 двойных столбцов), много мелких заметок.

Они не имеют оффициального, сухого тона. В самых заглавиях чувствуется жизнь. Такой же характер носит и их содержание, давая ответы на злободневные вопросы. Во всех этих отношениях надо воздать должное редакции журнала, которая с'умела сделать его живым и интересным.

Но, как водится, есть и недостатки. Трудно сократить об'ем журнала (до 60 страниц, но меньшего формата) и одновременно расширить его содержание. Этого можно достигнуть лишь, действительно, строгой злободневностью статей, тщательностью их подбора и очень хорошим, сжатым изложением. Но эти условия не всегда удается сочетать. В связи с этим весь журнал имеет также слишком пестрое содержание. Если мы ниже приводим краткий обзор важнейших отделов, то это не значит, что они в действительности, существуют хотя в заглавии каждого номера статьи разделены черточками по 6—7 группам, но эти группы не имеют заголовков и распределение по ним статей носит случайный характер, в котором трудно уловить последовательность. Так, например, даже в последнем, 11-м номере, политическая передовица „Сплоченной фалангой" (на тему о рабоче-крестьянском единстве) соединена в первой группе со статьями об огневой роте и по стрелковому делу; во второй группе, почему то названной „Наша трибуна", наряду с заметками о форме одежды, снова статья о питании патронами огневых рот; третья группа носит заголовок „На разные темы" и заключает заметки о заведывающих оружием, об организации воздушного флота, о коннице и опять о машинизированной роте; в четвертом отделе — ряд статей о занятиях лагерным сбором и тут же затерялась важнейшая оффициозная статья „Основные положения пехотного устава", заключающая наиболее важные и интересные тезисы последнего тактическо-стрелкового совещания, которое было в Москве, в последних числах апреля.

Если попробовать свести в более цельные группы разбросанные по журналу статьи, то мы получим следующие отделы: I) передовой, на злободневные, преимущественно политические темы, II) внешне-военно-политический, с краткими обзорами политических событий и иностранных армий, а также с заметками по поводу приезда к нам выдающихся политических деятелей из за границы (Ньюболт, Мак-Кей, Домбаль), III) внутренно-военно-политический, касающийся полит-просветительной работы, IV) по общим вопросам подготовки армии, в

„Военный вестник".

Военно-политический еженедельник. Москва. 1923 г. №№ 1—11.

Перед нами „Военный Вестник" в новом издании, другого формата, с расширенным содержанием. К сожалению, не достает №№ 8 и 10, которые почему то не дошли. Внешность оставляет самое благоприятное впечатление, а с номера 11-го (с иллюстрированной обложкой) прямо подкупающее. По сравнению с прежним типом журнала появился военно-политический отдел и, сверх того, отдел библиографии. Довольно много иллюстраций. Статьи военного содержания обнимают очень широкую программу, затрагивая самые разнообразные стороны дела. Все вообще статьи небольшие (не более 5—6 двойных столбцов), много мелких заметок.

Они не имеют официального сухого тона. В самых заглавиях чувствуется жизнь. Такой же характер носят и их содержание, давая ответы на злободневные вопросы. Во всех этих отношениях надо воздать должное редакции журнала, которая сумела сделать его живым и интересным.

Как же водится, есть и недостатки. Трудно сократить объем журнала (до 60 страниц, но нового формата) и одновременно расширить его содержание. Этого можно достигнуть лишь, действительно, строгой обоснованностью статей, тщательностью их подбора и очень хорошим, сжатым изложением. Но эти условия не всегда удается сочетать. В связи с этим весь журнал имеет также слишком пестрое содержание. Если мы даже присоединим краткий обзор важнейших отделов, то это не значит, что они в действительности существуют хотя в журнале каждого номера статьи разделены черточками по 6—7 группам, но эти группы не имеют заголовков, и распределение по ним статей носит случайный характер, в котором трудно уловить последовательность. Так, например, даже в последнем, 11-м номере, политическая передовица „Оправданная фанатизмом" (на тему о рабоче-крестьянском единстве) соединена в первой группе со статьями об огневом бое и по строевому делу, во второй группе, почему то названной „Наша трибуна", наряду с заметками о форме одежды, снова статья о питании патронами огневых рот; третья группа носит заголовок „На разные темы" и заключает заметки о заводских оружием, об организации воздушного флота, о коннице и опять о машинизированной роте; в четвертом отделе — ряд статей о занятиях летними сбором и тут же затерялась важнейшая официальная статья „Основные положения тактического устава", заключающая наиболее важные и интересные темы последнего тактическо-стрелкового совещания, которое было в Москве, в последних числах апреля.

Если попробовать свести в более цельные группы разбросанные по журналу статьи, то мы получим следующие отделы: I) передовой, не злободневные, преимущественно политические темы, II) внешне-военно-политически, с краткими обзорами политических событий и иностранных армий, а также с заметками по поводу приезда к нам виднейших политических деятелей из за границы (Ньюболт, Мак Кей, Дэмбалл), III) внутренне-военно-политический, касающийся вопросов просветительной работы, IV) по общим вопросам подготовки армии, в

ведения пехоты на второстепенный род оружия в угоду современной техники.

К сожалению, статьи по частным вопросам новейшей техники не всегда отличаются популярностью изложения: так, например, устройство электрической пушки (в № 2) трудно понять, даже имея некоторые познания в электро-технике.

Вопросам о показной роте и о современной подготовке пехоты отводится место в каждом номере, но они пока не выходят из плоскости общих исканий, что, конечно, немного может дать нашему командному составу.

В № 11 напечатаны, как уже сказано, тезисы техническо-стрелкового совещания под заглавием „Основные положения пехотного устава", но и они не разрешают многих вопросов", к тому же, видимо, на спех составлены... между партийной конференцией и первомайскими праздниками...

Стрелковый отдел слабоват. Статьи М. Энвальда „Стрелковое дело и техника" (№№ 3 и 4) заключают метофизические рассуждения на тему „в какой мере пехотная часть может расчитывать на боевое содействие пулеметов"!!! или сбивчивы, указывая ближний огонь с 1000—1200 шагов?!!

Из остальных отделов сравнительно полнее представлен отдел воздухофлота, есть очень хорошие статьи по маскировке, в особенности,—статья Двинского в № 11, также военно-исторические заметки (Сиваш—Перекоп). Военно-литературный отдел поставлен хорошо; он, несомненно, оживляет все содержание журнала и защищает от проникновения скучно-казенього тона. Очень полно представлены отделы хроники и библиографии. Непонятно лишь, зачем понадобилось подкапывать репутацию нашей „Революции и Войны" слабым пером т. К. Ливенцова, разобрав всего один номер 18. Этот вседовольный рецензент приходит к заключению, что содержание журнала становится „*все бледнее и бледнее*", ему не нравится, что в этом номере журнала много переводных статей, но ведь „Революция и Война" одновременно является, как-бы, „зарубежником" Зап. Фронта. К тому же, сам т. Ливенцов в конце заметки отмечает интерес некоторых из этих статей, посвященных изучению Польши.

Не следуя примеру т. Ливенцова, мы от души желаем „Военному Вестнику" жить так долго и все же развиваться, хотя бы в отношении тиража, как живет и развивается „Революция и Война".

Смоленский.

„Военная Мысль и Революция".

1923. Книга первая В.В.Р.С. Москва, 237 стр.

Приходится отметить, что „Книга первая" 1923 года дошла до нас очень поздно. В какие сроки надо ожидать выхода журнала—не сказано. Сохранить роль руководящего журнала при таких условиях затруднительно.

Кроме юбилейной статьи к пятилетию Красной Армии, статей военно-исторического содержания: С. М. Буденого „Действия 1-й конной армии с 6 января по 3 марта 1920 г." и Б. Смирнова „Краткий очерк кампании 1920 г. на Каспийском море", текущий номер заключает еще 10 статей различного достоинства.

К Скерский в связном очерке „Красная армия в оценке белогвардейцев 1917 и 1920 гг." дает ряд белогвардейских характеристик Красной Армии на основании целого ряда источников; они относятся преимущественно к нашей коннице и ее вождям, Буденому и Думенко, отдавая должное, но местами впадая в грубые ошибки и не примечая „слона" в том переломе психики масс, которую вызвала Октябрьская революция.

И. Соколовский в статье „Полковая артиллерия" не дает ничего особенно нового по этому вопросу, но имеют ценность некоторые указания, выведенные из боевого опыта. Ценный вклад в нашу военно-инженерную литературу составляет статья Н Шелавина „Военно-инженерное дело зимой" с целым рядом чертежей. Было-бы желательно ее распространение отдельным оттиском, чтобы восполнить пробел по этому вопросу в существующих изданиях.

Нельзя дать такого же благопри-

ятного отзыва о статье М. Энвальда „Устав и самодеятельность“, в которой, по отзывам самой редакции журнала, нет самого главного—„указаний на содержание и методы осуществления самодеятельности“, также не оттенено различие в использовании самодеятельности в старой и Красной Армии. В конце концов автор рекомендует лишь „крайне осторожное составление уставов“, как будто в этом корень зла!

Выдающийся интерес и значение имеет статья К. Скерского „Организация высшего органа обороны страны“, в которой автор излагает исторический очерк возникновения и современную организацию нашего „СТО“, проводя параллель с французским Высшим Советом национальной обороны. Параллель оказывается далеко не в нашу пользу, т. е. не в пользу интересов обороны Республики. Ясно видно, что военному представительству в нашем органе отведено слишком мало места; уклоны его работ направлены преимущественно в область чисто экономическую, могущую иметь лишь отдаленное отношение к специальным вопросам обороны государства; последние занимают едва одну пятую часть в программе его деятельности; образованная при СТО особая междуведомственная комиссия не имеет организации того делового, технического органа, как французский генеральный секретариат при „комиссии изучений“, приданный „Высшему Совету национальной обороны“, во главе которого стоит такой выдающийся специалист ген. штаба, как генерал Серреньи. Нельзя не приветствовать направления нашей „Военной мысли“ именно в эту сторону, над которой приподнял завесу тов. Скерский.

Очень хороша и своевременна статья К. Механошина „К вопросу о физической подготовке Красной Армии“, которая в ярких выражениях напоминает о важности для нас этого вопроса... увы! и по ныне не поставленного на рельсы. Можно пожалеть, что за статьей Механошина помещена такая старая и слабая статья, как „Военная психология и ее приложение в тактике“ А. Васильева. После тех исканий и работ по психологии, которые получили за последнее время достаточно широкое распространение, странно читать устаревшие и сбивчивые рассуждения А. Васильева, которые к тому же, неверны даже и со специально-военной точки зрения. Автор выражает, например, мнение, что прикладная тактика есть ни что иное, как организованная взаимопомощь и борьба с внезапностью; в скобках написано „страхом“. Оказывать взаимную поддержку и бороться со страхом, конечно, нужно, но утверждать, что тактика ничто иное, как это, значит не понимать военного дела.

Заметка Д. Петровского „Московская конференция разоружения“ дает сжатую сводку результатов этого „последнего звена в той цепи конференций, которые формально ставили своей задачей освобождение мира от повторения ужасов войны, а в действительности преследовали совсем другие цели. Особенно хорошо очерчена роль Польши, которую поймали на грубом обмане.

Очень большой интерес, в особенности для Западного фронта, имеет статья „Польша в мировой войне“, составленная по докладу доктора обществ. наук Яна Домбровского.

Отдел библиографии очень богат, занимает целую треть номера и дает обзор целого ряда книг и журналов, как на русском, так и на иностранных языках.

Армия и Революция.

Научный Военно-Политический журнал № 3—4 Харьков, 1923 г. Изд. В. Р. С. У. В. О.

Наша военная литература совершенствуется и все становится интереснее, направляя внимание читателей на важные и серьезные вопросы уже не с общей точки, не с высоты птичьего полета, а по деловому. Разбираемый журнал особенно резко выделяется в этом отношении. В статье „Регулярная армия и милиция“ тов. Фрунзе предлагает, наконец, отбросить „пассивное равнодушное отношение

командного состава к делаемой сейчас попытке частичного перехода армии на милиционные рельсы".

Выдвинув, как общую задачу, серьзно и по деловому работать „по проведению нашего серьезного опыта применения милиционнных методов", он совершенно правильно указывает, что отрицательное отношение к милиционной системе „не является итогом продуманного тщательного анализа сравнительных достоинств и недостатков той и другой системы, а просто результатом предвзятого, безжизненного, сумбурно-рационалистического отношения к действительности". Действительно пора перестать теоретизировать, ибо жизнь, требуя от нас крепкой и в то же время дешевой армии, уже натолкнула нас на строительство армии на милиционных началах. Можно с отдельными положениями и предложениями не соглашаться, да и сам т Фрунзе выдвигает их только, как абрис, как первые шаги, но приветствовать практическую постановку и призыв предоставить решить вопрос лучшему учителю — опыту—надо. Важно указание, что милицоинные части должны быть не второочередными, а „войсками первой очереди, идущими в бой одновременно и наравне с постоянными войсками". Э ту мысль должен хорошо усвоить командный состав, эту мысль надо прививать везде и всюду, и тогда дело сдвинется с мертвой точки. Поэтому чрезвычайно важно заключение статьи: „Необходимо принятие решительных мер, прежде всего, для того, чтобы создать правильную перспективу для партийных работников Затем ту же работу надо будет проделать в отношении всего населения тех районов, где намечено развертывание милиционных дивизий. Работу эту можно провести путем организации особой милиционной кампании".

Полезна заметка, в виду ее важности, помещенная не в отделе „библиографии", а в статье, тов Харламова „Огневая рота", знакомящая с книжкой того же имени.

Современна статья тов. Махрова „Боевая подготовка пехоты", дающая выдержки из иностранных уставов о технике обучения звена. Большинство как младшего, так и среднего, а часто и старшего комсостава уже ставило в порядке дня вопрос о подаче команд, о перестроениях и строях. Для комсостава, которому приходится по старому уставу обучать войска, эта статья дает много и натолкнет их мысль на творческую работу, если только они сообщенные статьей положения не будут рассматривать, как „шаблоны и трафарет".

Интересны и поучительны статьи т. Макшеева „Пулемет в войсках германской армии" и „Германская кавалерия".

Полезна и нужна статья проф. Каратыгина „Газовая война". Статья составлена серьезно, с таблицами, и знакомит с постановкой этого вопроса за границей.

В отделе „Отклики читателей" интересна и очень полезна заметка „Подготовка к ночным действиям".

Живо и интересно составлен отдел „Зарубежные новости". Особенно не только интересна, но и важна заметка т. Евг. Кагарова „Психотехнические испытания в американской армии". Хорошо, что указаны книги, имеющиеся на русском языке по этому вопросу. Нам очень важно знакомство с этим вопросом, тем более, что уже давно говорилось о таких же испытаниях в В. У. З., но пока дело не движется. Примечание редакции говорит, что испытания в Америке дали такой отзыв: „Рабочие, кузнецы, маляры и парикмахеры составляют группу, непригодную для замещения командных должностей". Наша практика показала как раз обратное и поэтому, если бы нам заняться этим вопросом, можно внести много нового.

В общем, журнал живой, интересный, близок к жизни, ставит практически все вопросы, а в политических статьях Скрынника и Раковского знакомит с историей борьбы революции.

Н. Кузьмин.

———

Военно-Инженерный Зарубежник.

Последняя книжка издаваемого Военно-Инженерной Редакцией ГВИУ РККА журнала „Военно-Инженерный Зарубежник“ вышла в 1922 году под № 11—12.

Этот номер начинается переведенной из французского журнала „Военно-Инженерное Обозрение“ статьей полковника Ленека *„Опыт исследования долговременной фортификации“*.

В отделе „Принципы долговременной фортификации на основании уроков войны“ подробно рассматриваются элементы долговременной фортификации: продолжительность службы, бруствер, препятствия, убежища, сообщения, мины, маскировка. Высказываются положения: укрепления долговременной фортификации не будут иметь больше высоких брустверов; главным препятствием являются: проволочная сеть, бетонный контр-эскарп, минные поля и электризация; препятствие должно быть в связи с огнем; хорошо укрепленный лес стоит иногда крепости; ложные укрепления будут иметь значение и особенно те из них, которые построены в течение войны.

Разбирая основные положения Вобана, автор утверждает, что элементарной постройкой современной долговременной фортификации будет укрепленный средствами долговременной фортификации участок фронта, обороняемый определенной тактической единицей. Это будет баталионный участок.

Для расчленения огневых органов и убежищ, в комбинации с препятствиями, устанавливаются следующие идеи отдельных принципов: принцип расстояний—избежать эффекта концентрации огня атаки; принцип производительности — подавить атакующего концентрированным огнем обороны; принцип сосредоточенности—изгнать атакующего из укрепленной позиции.

В отделе „исследование долговременно-укрепленной позиции“ рассматривается укрепление участка протяжением в глубину один километр, а по фронту 1200 метров.—позиции баталиона. Эта позиция должна быть оборудована убежищами, препятствиями, сообщениями и маскирована. Она будет обстреливаться во всех направлениях перекрестным огнем всякого оружия, согласованным со всеми линиями участка и комбинированным с действием всех других средств: танков обороны, автоматических мин, химической энергии и контр-ударом войск. Она все время будет находиться под наблюдением из безопасных пунктов.

Статья майора Сэдлера *„Перемены в военно-морском деле в отношении к береговым укреплениям“* заимствована в извлечении из английского „Журнала королевской артиллерии“. В статье указывается колоссальный рост боевых кораблей и подводных лодок. В Японии и Соединенных Штатах проектируются суда водоизмещением в 43,000 тонн с 12-ю 16-ти дюймовыми орудиями. Один конструктор проектирует даже «главное судно будущего» в 57,000 тонн, вооруженное 8-ю 18-дюймовыми орудиями. В Англии уже имеются подводные лодки, вооруженные 12-дюймовыми орудиями.

Автор приходит к выводу, что, если Англия допустит, чтобы ее флот уступил по силе флоту какой-либо другой страны, ей необходимо увеличить свои береговые укрепления.

Статья *„Заметки о понтонных мостах“* составлена по статье поручика Клецке, помещенной в польском журнале „Войсковой сапер и инженер“.

В статье подробно разбираются: австрийская система понтонов Бираго, германская, французская и бельгийская системы понтонов с описанием самих понтонов, козел, смычковых брусьев, наводки мостов, состава автомобильного понтонного парка и парка с конной тягой.

В статье *„Системы прожекторов“* описывается пять групп прожекторов: 1) сигнализационные и аэропланные — малого диаметра, переносные; 2) для выполнения задач полевой войны—малого, среднего—большого диаметров—подвижные; 3) для крепостной, береговой и воздушной обороны—большого диаметра, неподвижные; 4) мор-

ские, судовые — всех размеров и 5) различного назначения.

Статья снабжена целым рядом рисунков прожекторов различных типов — дает указания о наводке прожекторов.

В статье „*Новые предложения и изобретения*“ содержатся описания: 1) механизма, регулирующего подачу газа и зажигание; 2) новой системы регулирования клапанов; 3) скоросчетчиков; 4) нового тракторного экскаватора, построенного исключительно из стали; 5) тяги сжатым воздухом; 6) складной тачки Дартона и 7) снаряда, разрезающего проволочные заграждения.

В отделе „*Библиография*“ разбирается австрийское наставление „Оборона и оборонительный бой“, изданное в июне 1918 г., как восьмая часть всеоб'емлющего руководства „Учение о бое“, состоящего всего из 22 частей.

В отделе „*Обзор журналов*“ дается отзыв о помещенных во французском „Военно - Инженерном Обозрении“ статьях: „Заметка о военных постройках, выполненных в работе (Марокко) в 1914—1921 г. г.“ и „Рота 1 саперного полка при атаке форта Дуомон в мае месяце 1916 года“; содержится разбор статей английских инженерных журналов и делается обзор польского военного журнала и „Беллона“ за май, июнь и июль 1922 года и за июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1921 года.

Номер составлен разнообразно и интересно. Журнал оставляет впечатление содержательного и серьезного.

„Война и Мир“.

Вестник военной науки и техники. № 5. Стр. 215. Берлин, 1923.

Ряд интересных статей в области стратегии и тактики. Интересен разбор „Устава полевой службы французской артиллерии (от 15/VI—1919)“. С самого начала капитан Гаршин указывает, что „устав первой своей страницей оказался вынесенным на арену политических страстей“. На первой странице устава указано, что „о применении ядовитых снарядов упомянуто потому в этом уставе, что немцы впервые — в нарушение постановлений Гаагской конференции, подписанных разными сторонами — стали применять ядовитые вещества во время войны 1914—1918 г. г., и мы, следовательно, были вынуждены отвечать тем же способом.

Капитан Гаршин утверждает: „Определенно доказано, что французские войска задолго до 23/IV—1915 года, день, когда 4-ой германской армией около Ипра впервые был применен ядовитый газ, пользовались гранатами и бомбами, выделявшими ядовитые газы. Определенно также известно, что во французской армии в довоенный период существовала инструкция, касавшаяся применения ядовитых газов“. Таким образом, басня о германцах отпадает и надо нашим преподавателям „газового дела“ в школах и на курсах это усвоить, а то, говоря об истории, они все начинают с германцев.

В дальнейшем капитан Гаршин подвергает критике весь устав, видя его характерной особенностью „одностороннее учитывание основ и тактических особенностей позиционной войны“. Почти все положения, которые он приводит из устава, ясно указывают, что он „вполне проникнут основами позиционной войны, которые должны оказать сильное отрицательное влияние на тактику подвижной войны“.

Устав правильно указывает, что и роль артиллерии не может рассматриваться, как нечто самостоятельное, а только в рамках боевых действий, в которых ее деятельность должна быть приведена в соответствии с действиями других родов войск, особенно пехоты“. Кап. Гаршин отмечает слишком большой централизм.

Введен принцип пополнения снарядами преимущественно средствами самих частей. Шрапнель „исчезла из всех таблиц и уступила место гранате“. Общий вывод: „Рассматривая устав с общей точки зрения, надо признать, что он почти исключительно составлен, как инструкция для позиционной войны, и этим яснее всего отражает французскую военную психику. Французская тактика до сих пор не может свыкнуться с мыслью о смелом решении руководителя боя взять ини-

циативу в свои руки, даже при невыяснившейся обстановке".

Интересная статья проф. Келчевского „Все ново, что хорошо забыто". Он дает разбор брошюрки кап. французской службы Лафарга. —„Пехотная атака в настоящем периоде войны". Брошюрка эта была переведена на русский язык в 1916 г. Автор брошюрки писал под впечатлением первых боев во Франции и говорит „штурм—самая тяжелая часть боя, чтобы его вести и закончить, необходимо волю каждого отдельного лица заменить в возможно большей степени привычкой и рефлекторными действиями Поэтому следует ежедневно делать репетиции штурма в условиях местности, схожей с избранным для прорыва участком".

Интересны указания о применении пулеметов во время приступа.

„Отделения пулеметов, пишет автор, следуя за последними волнами первой линии атаки, не всегда должны немедленно вступать в бой: следя за боем первой линии, они могут подготовляться к своему губительному действию лишь в момент ввода в бой войск второй линии.

Пулемет—элемент атаки и самое ужасное оружие ближнего боя Обычно их употребляют во время атаки или для увенчания уже захваченных позиций, или для поддержки дальним огнем продвижения пехоты. Последнее бессмысленно: такое применение им могут давать лишь люди, которые никогда не дрожали от ярости и сознания своего бессилия, лежа в нескольких шагах от противника и не имея средств, чтобы все сразу снести перед собой.

Пулемет должен продвигаться дальше вперед, за остановившуюся стрелковую цепь. В тылу стрелковой цепи его обстрел почти всегда закрыт, в цепи он стеснен каждым движением цепи, и лишь впереди он даст возможность пехоте двигаться вперед под прикрытием огня его.

Пулемет—зуб атаки. Пулемет *может* итти впереди; его малочисленная прислуга использует малейшую складку: для его укрытия достаточно воронки, тогда как пехотной цепи нужен целый ров.

Хватит ли патронов в тех ящиках, которые приносятся прислугой? Да, хватит, так как пулемет открывает огонь лишь в исключительных случаях, например, в момент штурма. Мне скажут, что при таких условиях пулемет может быть захвачен—пусть, зато мы возьмем у врага десяток.

Задача эта значительно упрощается при помощи применения нескольких автоматических ружей.

Нашим командирам полезно усвоить такие места, очень необходимые в боевой обстановке.

„Окопная жизнь—отличное средство для спайки; но вряд ли часть, непосредственно выведенная из окопов, способна на тот штурм, который мы от нее ждем. *Жизнь в окопах—убивает у людей чувство органической принадлежности к данной крупной единице; вот почему опыт этой жизни должен быть пополнен периодом обучения.*"

„Запас энергии расходуется быстро, а пополняется—медленно; необходимо, чтобы из памяти изгладились впечатления о пережитых ужасах. В бою происходит расходование энергии нервной и физической, при чем первая расходуется скорее, чем вторая. Вот почему часто ошибаются, полагая, что часть восстановлена для боя, как только она приобрела отдохнувший вид. Несколько хороших ночей и дней усиленного питания достаточны лишь для восстановления физических сил; что же касается до нервных, то они восстанавливаются лишь с присущей им медленностью.

Сколько раз, через несколько лишь дней по окончании кровавых схваток, из которых я возвращался истощенным и обессиленным, я, чувствуя себя пышущим здоровьем, все же ощущал свое мужество сильно ослабленным.

Атаковать подавленными или недостаточно восстановленными войсками—значит сознательно итти на кровавую неудачу".

„Второе условие, которое поможет части броситься вперед без колебаний и размышлений, это—уверенность в наступательной необходимости и важности дела, за которое она жертвует жизнью.

Каждый, самый смиренный человек, отлично сознает, насколько жизнь его дорога, сколько трудов, забот и привязанностей с ней связано.

Пехотинец имеет так много случаев умереть, что он решает отдаться смерти лишь в действительно нужную минуту, и это его спокойное самопожертвование является актом величайшей духовной красоты."

„Следует помнить, что *окопная война имеет способность убивать в частях наступательный дух. Все время думают лишь об укрытии, постоянно сидят по блиндажам, ходят по ходам сообщения; все это возбуждает страх перед открытым полем. Ежедневный опыт, указывающий, что нельзя высунуть головы из окопа, не получив при этом пули в лоб, воспитывает преувеличенное представление об опасности. Люди боятся пошевелиться и одна только мысль атаковать неприятельскую траншею—ту самую, на которую нельзя даже посмотреть, кажется им невыполнимой и безумной.*

Позиционная война создает ужас перед неприятельским окопом.

Поэтому *нужно приучить людей к движению вперед*

Раньше всего нужно вывести людей на простор, заставить их бегать, прыгать, опьянить их вольным воздухом и движением. Внешние признаки укажут и на внутреннее возрождение: лишь только люди потеряют привычку ходить полусогнувшись, с опущенной головой, то они избавятся и от излишней осторожности и боязни открытых незащищенных пространств."

Интересен разбор американского пехотного устава, о котором проф. Келчевский в своем редакционном предисловии к статье полк. Клосовского говорит:

„Устав этот заслуживает внимания по многим причинам. Он практичен, прост, ясно изложен и не страдает теми увлечениями, которые так ярко бросаются в глаза в современных французских уставах."

„Американский пехотный устав ценен тем, что в нем каждая строчка, каждый штрих, каждое отдельное замечание проникнуты бодрым и живым наступательным духом и что обороне в нем отведено подобающее место, как неизбежному злу.

Нельзя также не отметить того, что составители устава, несмотря на высокий интеллект и сознательность американского бойца, считали необходимым особенно подчеркнуть и указать на преобладающее значение в бою начальников всех степеней, считая их, а особенно ротных командиров, душою пехотной атаки. Тот, кто побывал в современном бою, тот знает цену этому замечанию ..

В отделе боя хотелось бы обратить особенное внимание читателя на целый ряд жизненных указаний устава по вопросам связи, разведки, сближения с противником и на характернейшее и настойчивое подчеркивание уставом того, что во время боя главные силы резервов и поддержек направляются на помощь тем частям, которые встретили слабое сопротивление неприятеля и продвинулись дальше вперед. Части же, нарвавшиеся на узлы сопротивления противника, в принципе не усиливаются. Они обязаны, говорит устав, пользуясь могущественным содействием своего огня и огня орудий сопровождения, нейтрализовать узлы сопротивления и замаскировать маневр активно-действующих частей.

Про пулеметы устав говорит, что они всегда должны действовать парами. Про боевую работу он говорит, что „пехота для достижения решительных результатов должна действовать наступательно."

От артиллерии американский устав требует интенсивной, но короткой подготовки и не идет за французским уставом, который считает, что артиллерия должна уничтожить anihiler противника, а подчеркивает, что полного разрушения оборонительных сооружений противника невозможно осуществить.

В общем: 1) отчетливо проводится идея смены частей, утомленных боем, отдыха, разредоточения моральных и физических усилий,—с целью не доводить частей до полного изнашивания, в чем так грешны были русские во время великой войны.

2) Схема встречного боя построена на идее широкой активности и импровизации.

3) При атаке укрепленных позиций вначале требуется расчет, методизм, работа высших начальников, —со стеснением инициативы подчиненных, а в последние периоды боя, наоборот,—дается широкий простор иницативе, смелости и находчивости младших начальников.

4) „Боевая разведка" рассматривается уставом,—в противоположность французским уставам—не как независимая фаза сражения, а лишь как простой эпизод боя, как завязка его, короткая и поверхностная (во встречном бою), связанная с следующим за нею развертыванием и операциями главных сил."

Главный его интерес это то, что он почти исключительно посвящен разбору и разработке всех видов наступательных операций, подчеркивает маневренное значение пехоты и говорит, что „несмотря на снабжение пехоты многочисленными новыми средствами боя, винтовка есть оружие наиболее страшное, которым располагает пех."

Интересны и поучительны статьи о танках, о германской полевой фортификации, о войне на море.

Но самый живой и интересный для нас отдел это „Военная жизнь за границей". Здесь собраны все новинки военного дела, и они дают нам хорошую ориентировку.

Отдел библиографии вообще интересно и богато составлен: особенно интересен для нас, благодаря помещению двух рецензий о статье 1) Фурнье „Красная большевистская армия" и 2) о книге капитана Кунца—„Военное наступление Красной Звезды против Польши". В первом труде слабо изображена первая часть нашего строительства, более подробно и интересно он описывает польскую операцию. Он дает правильную оценку причин возникновения войны, считая, что причиной возникновения враждебных действий было стремление Варшавского правительства вынести восточную границу Польши на Березину и Днепр и создать из Украины „союзное с Польшей" государство-буфер в границах между Днестром и Днепром до берегов Черного моря".

Фурнье, так об'ясняет: „Двойная победа большевиков на Украине и в Белоруссии—окончилась позже крахом, потому что „высшее большевистское командование считало возможным бросить управление операциями". Две группы армий—западная и юго-западная—действовали в полной независимости друг от друга. Только в начале августа высшее командование поняло опасность этого и захотело согласовать действия обеих групп, но было уже поздно".

Другой причиной неудачи автор считает то, что „операции большевистских армий, в общем, имели характер рейда. Службы тыла и транспорта, можно сказать, не существовало. Недостаток компентентных специалистов и материальных средств не позволил организовать ни занятых территорий, ни этапных линий. При этих условиях—заключает автор—победоносные армии были во власти контрнаступления".

Общее заключение автора;

„Хотя красная армия сейчас и представляет собой вооруженную силу численно превосходящую всякую другую европейскую армию, но она остается еще военным организмом невысокого качества,—главным образом, в силу слабости обучения кадров и недостатков, количественных и качественных, материальной части.

Красная армия одерживала победы. Причиной их был дух решимости и энергии ее вождей.

Сейчас она кажется неспособной вести, вне пределов русской территории, глубокое и продолжительное наступление.

Командирам и комиссарам надо подумать над этим и нажать на обучение.

Второй автор, Кунц, бывший офицером в составе военной французской мисси в Варшаве, не так об'ективен. Он пишет, что с февраля 1920 года будто бы советское правительство подготовляет поход на Польшу. Как образчики его „осведомленности" можно указать, что будто „Скороход" (изготовляющий обувь) начал готовить ору-

дия и бронированные поезда, а заводы Wozuw, Panza, Wjazma, Bologoje приготовлять ручное оружие и огнестрельные припасы. Преувеличив наши силы, он говорит, что поляков было меньше. Он откровенно пишет: „Франция широко снабжала поляков орудиями, огнестрельными припасами, танками и пр., прибывающими через Данциг. Многочисленная французская военная миссия прибыла в Варшаву и занялась инструктированием польской армии на основах опыта Великой войны".

Описывая начальный успех красной армии, автор дает такую характеристику маневренности ее: „Успех русских об'ясняется тем, что они до сих пор „всегда были хозяевами сюрприза" (неожиданности). Русские действовали „по германскому методу, удваивая стратегический и тактический сюрприз неожиданными изменениями внутри своей организации. Они не только применяли свои силы там, где неприятель их не ожидал, но они его сбивали еще в том, что касается характера этих сил.

Кроме того, советское командование широко прибегало „даже во время самих боев к быстрым перемещениям при помощи железных дорог и таким образом внезапно перемещало центр тяжести сил и, следовательно, тактическое равновесие". Напр., 6 июля, 10-я дивизия была в несколько часов, совершенно незаметно для поляков, переброшена из района южнее Бобруйска в район Борисова, где она решила вопрос о форсировании Березины.

Но мед сдобрен ложкой дегтя. Автор пишет: „Трудно представить, чтобы в рядах красной армии не было германских техников".

Относительно неудачи автор начинает фантазировать: „Власть Советов обратила русский народ в автоматические стада, которые пашут, сеют, работают, бьются и умирают, покорные мистической воле коллективного мозга". Это все, по мнению автора, непонятно русскому солдату, который „сегодня, как и вчера, умеет любить свое отечество и свои знамена" и который не понимает, „зачем чуждые пастухи гонят его по этим дорогам" на Варшаву. Не помогает и обещание Советов отдать Варшаву на разграбление, — „подобно Валленштейну под Магдебургом"—добавляет просвещенный автор.

Но дальше пишет: „В это время Франция делает чрезвычайные усилия для того, чтобы спасти свой „передовой военный бастион на востоке Европы". 25 июля в Варшаву прибывает миссия Жюссеран'а и Веган'а, для того, чтобы „принести материальное и моральное подкрепление" потерявшим голову полякам.

6 августа в Варшаве состоялся военный совет, на котором был выработан план польского контр-наступления. В основу этого плана был положен излюбленнейший в последнее время французами принцип „сюрприза". Сам план заключался в следующем:

Группа армий Галлера (в составе: 5-й армии, опирающейся на Ново-Георгиевск; 1-й армии, опирающейся на Варшаву, и 2-й армии, опирающейся на Ивангород) была предназначена для фронтальных операций пассивного значения—удержать линию Вислы, привлечь внимание противника, парализовать обход левого польского крыла.

Группа армий Пилсудского (лучшие армии—4-я и 3-я) должна была, тайно сосредоточившись в районе между Ивангородом и Холмом, нанести главный удар по способу сюрприза,—действуя в северном направлении, во фланг и в тыл русским, атакующим линию Вислы.

Южная группа (6-я армия, кавалерийский корпус, петлюровские дивизии) имела второстепенное значение—прикрыть Львов и галицкий нефтяной район.

Выполнение операции было назначено на 16-е августа.

На красную армию он смотрит так; „красная армия не сильна; она не имеет спайки, она всегда приходит слишком поздно".

Поживем—увидим.

В общем, журнал очень интересен, содержателен, дает массу ценных—и, что главное, новых сведений и потому работники красной армии могут быть благодарны его редакции.

Бюллетень Окружного Об'единения Отделений ВНО-ПВО. 1923. № 1, стр. 32, 16°.

Бюллетень ставит себе задачей держать в курсе деятельности ВНО ПВО членов отделений и всех интересующихся военным делом. Эту задачу, как и программу, намеченную в соответствующей декларации, Бюллетень выполняет успешно.

Но самый факт издания в богатом военно-научными силами, в средоточии почти всех Академий РККА— Петрограде узко-информационного органа очень показателен для того тяжелого положения, в котором очутилась наша военная мысль, уложенная в Прокрустово ложе самоокупаемости. Конечно, смешно было бы требовать для военных органов субсидий в стране, ограбленной и 5 лет душившейся „друзьями русского народа" всех категорий—их почти не отпускалось и в „добрые" старые времена. Но от Питера с его учеными и техническими средствами следовало бы ожидать большего.

Правда, Бюллетень жалуется, что „военно-периодическая литература сведена ныне в Республике к двум органам, издающимся в Москве—толстому журналу „Военная мысль и Революция" и тонкому—„Военному Вестнику". Эта жалоба показывает, прежде всего, что экспедиция у нас вообще хромает: нам известно еще 2 толстых (Украинская „Армия и Революция" и „Революция и Война", в благополучном здравствовании которой может убедиться всякий, читающий эту заметку *), и 2 тонких (Харьковская „Красная Рота" и „Красная Присяга" Запфронта) журнала, которые не захирели и в условиях НЭП'а, несмотря на отсутствие искусственного питания и, может быть наоборот, принужденные надеяться только на себя, выиграли и во внешности и по содержанию. Во-вторых, самый факт существования провинциальных органов военной мысли подтверждает, что НЭП способствовал, путем естественного отбора, сохранению только жизнеспособных видов.

Вот с этой точки зрения нам кажется резонным пожурить наших питерских товарищей, что они, имея под рукой больше интеллектуальных и технических сил, чем провинциальные редакции, ограничились тоненьким бюллетенем и не изыскали средств, чтобы рискнуть на издание органа, более соответствующего „политическому и стратегическому значению Петрограда и его военного округа" и „интересам того дела, ради которого в Петрограде сосредоточен ряд высших в.-уч. заведений и значительное количество войсковых частей". Об'ективные условия Питера нам неизвестны, но вряд ли они разнятся от тех, в которых *живут* и, надо надеяться, *будут жить развивающиеся* провинциальные военные журналы, кстати сказать, иногда черпающие свои статьи из того же Питера.

По содержанию Бюллетеня, кроме отмеченного выше соответствия поставленным задачам, можно сказать, что, судя по отчетам деятельности ВНО при заведениях и частях Округа, материала на издание своего хорошего журнала хватило бы.

Остается только пожелать Петрограду, чтобы его Бюллетень вырос в хороший, ценный для Красной Армии военно-научный и политический журнал.

Ив. М.

„Красная рота".

Политуправлением Украинского Военного Округа издается двухнедельный орган под названием „Красная рота". Орган этот представляет собою журнал малого формата, в виде небольшой книжки, удобно помещается в кармане шинели. В каждом из последних номеров этого журнала около 130—150 страниц, очень отчетливо отпечатанных. В марте текущего года журнал выходил всего в количестве 5000 номеров, затем тираж журнала

*) Впрочем, существование „Рев. и Войны" не было секретом и для Бюллетеня, высланного редакцией для обмена по ее адресу. Надо добавить, что и „Револ. и Война" неизменно высылается в Питерские ПУОКР и ВРС.

постепенно повышается и в настоящее время журнал выходит в количестве 7500 экземпляров.

В журнале отводится много страниц отделу „Военное обучение“, в котором помещаются краткие статьи и заметки по вопросам подготовки всех родов оружия

Не меньше внимания уделяется отделу „Партийная работа“, дающему практические указания по ведению партийной работы в войсковых частях и знакомящему с достигнутыми в этой области результатами.

Отдел „Наша агитация“ знакомит с работами с'ездов Р. К. П. (б). мероприятиями по восстановлению государственного хозяйства, системой налогов, государственной промышленностью, воинскими преступлениями, социальным обеспечением и другими формами помощи нуждающимся.

В отделе „Политграмота“ читатели находят ряд заметок историко-политического характера о развитии коммунизма и ряд практических указаний по ведению культурно-просветительной работы в частях.

Отдел „Методика военно-политического воспитания“, распадаясь на несколько подотделов, дает статьи и заметки о системе и методе занятий политчасом, о выборе книг для чтения, о постановке клубной работы, о роли и значении библиотек и о тщательных усовершенствованиях в их организации и работе.

Отдел „Военно-научная работа“ знакомит с задачами и работой военно-научных кружков при штабах и воинских частях Украины.

В отделе „Политобзор“ дается обозрение международного положения, группировки держав, развития в них политических партий, выясняются стремления держав—победительниц, отношение держав к советской России и классовая борьба в буржуазных государствах.

Отдел „Санитарное просвещение“ знакомит с опасностью заразных болезней и способами их избежать и делает ряд практических указаний по санитарии и гигиене.

Журнал в отделе „Герои и победы Красной Армии“ отводит место воспоминаниям о подвигах отдельных лиц и об одержанных на Украинском фронте победах.

В журнале печатаются красноармейские письма и письма читателей по различным вопросам, затронутым в журнале или требующим раз'яснения. Такие раз'яснения даются редакцией журнала, по возможности, в исчерпывающем об'еме.

Отрицательные стороны в работе отдельных лиц или учреждений и замеченные неправильности и проступки освещаются в отделах „и за ушко, да на солнышко“.

Журнал дает географический очерк Украины и знакомит с ее богатствами и промышленностью.

Отводится в журнале место и спорту. Во многих номерах содержится описание различных подвижных игр и их организации.

В журнале помещаются, кроме того, рассказы, стихотворения и небольшие драматические произведения, в виде отдельных сценок на злободневные темы

Журнал об'явил конкурс „Красная казарма“ и стремится создать связь казармы с пролетарскими массами, а в самой казарме создать товарищескую спайку.

В каждом номере журнала имеется указатель полезных книг.

Журнал издается, очевидно, под умелым руководством, с большим вниманием к различным запросам военнослужащих. Статьи написаны простым, понятным языком и вполне доступны для красноармейцев.

В журнале красноармеец найдет для себя полезное, поучительное чтение, а командный состав, особенно младший и средний, и политруки—необходимые теоретические и практические указания по подготовке и воспитанию красноармейских масс.

Издание такого журнала можно от души приветствовать.

Г. Григоросуло.

Б. Верховский.

„Пеший бой пехоты в современных условиях“. Петроград. В. Н. О. В. К. Ш. Р. К. К. А., 1923 г.

Военно-Научным Обществом Выс-

шей Кавалерийской Школы Р. К. К. А. издан труд Бориса Верховского „Пеший бой конницы в современных условиях“.

В наше время ломки взглядов на боевое использование конницы, после войн 1914—1918 г. г. и, в особенности, гражданской, появление труда, трактующего вопрос такого использования, можно только приветствовать. Истина ищется в спорах, и чем шире разовьется дискуссия вокруг установления единого и правильного взгляда на боевую роль и работу конницы, тем лучше.

Казалось бы странным спорить о том, что должно представляться таким простым и ясным. Тем не менее, не только у нас, но и за границей, в иностранных армиях, мы наблюдаем большой разнобой взглядов на боевое применение конницы, как таковой. Причина этому—современный колоссальный рост техники, так сильно видоизменившей картину теперешних сражений. Уже давно прошли те времена, когда одно появление конных масс решало участь боя. Техника, непрерывно прогрессируя огонь, внесла громадный коректив в деле боевого использования конницы. Приходилось отказываться от взгляда на конницу исключительно, как на представительницу сильнейшего удара холодным оружием: от конницы в современных условиях ее работы требовалось уже нечто гораздо большее. Конница времен Зейдлица и Виттена исчезла и вернулась вновь на поля сражений, но уже сопровождаемая могуществом огня. Однако, это приобретение, усилив конницу, в то же время ввело ее работу в известные рамки. Получив на свое вооружение современное огнестрельное оружие и технические средства, вынужденная считаться с новой тактикой пехоты, с новыми приемами борьбы и формами боевых действий—конница неминуемо должна была пережить известную эволюцию в тактике и технике своей боевой работы, придя в итоге к некоторым уже вполне установленным выводам.

В результате этих выводов, вопрос о боевом использовании конницы решен в различных армиях далеко не однообразно. Так, Франция является сторонницей крайнего взгляда на конницу, рассматривая его с точки зрения „ездящей пехоты“ и учитывая ее способность быстро перебрасываться, полагает центр тяжести и боевых действий в боях пешком с широким применением огневых и технических средств. Поэтому вполне логично французы придали своей коннице и танков. отряды и роты самокатчиков, не говоря уже о большом количестве легких и тяжелых пулеметов. Германия, мирным договором стесненная в строительстве своих вооруженных сил, выжидая, сохраняет, однако, весьма высокий процент конницы по отношению к остальной армии. Уверенно можно сказать, что и Германия выведет в бой свою конницу с вполне установившимся взглядом о полной необходимости ведения огневого боя в спешенном порядке. Из наших соседей наиболее интересным явится проследить взгляд на боевое использование конницы в польской армии. Польша, как известно, усиленно подражая своей высокой покровительнице—Франции, проводит, однако, в своих уставах мысль, что основная работа конницы это—работа на коне, при чем к пешему бою конница прибегает тогда, когда тактическая обстановка и свойства местности не позволяют ей достигнуть тех же целей в конном строю. Вместе с тем, однако, правильно устанавливая задачи для действий спешенной конницы, польский устав предлагает не отвечающие способы формы действий, слишком сильно приближая их к формам пехотного боя, между тем как между этим последним и боем спешенной конницы имеется определенная разница, справедливо отмеченная автором разбираемого труда. Что касается нашей красной конницы, то, к сожалению, приходится констатировать еще не изжитый разнобой взглядов на боевую работу конницы. В то время, как на Западе с большим или меньшим уклоном пришли к выводу о преимущественном применении конницей пешего боя, у нас на этот счет единство

взглядов отсутствует. Наши военные мыслители и теоретики находятся в противоречии с практиками гражданской войны, каковое противоречие особенно рельефно выразилось на кавалерийском совещании в Москве в апреле 1922 года. На этом совещании наши кавалерийские верхи провели мысль, что нормальная деятельн. конницы это—работа в конном строю. Таким образом, наша Красная Конница, в противовес иностранной коннице, осталась при старом (довоенном, так сказать) мнении: конница применяет пеший бой лишь при невозможности разрешить поставленную задачу работой в конном строю. Следует отметить также, что толща командного состава конницы отдает конной атаке явное предпочтение.

Вышеизложенное характерное явление есть прямое следствие опыта гражданской войны с ее очень широким применением крупных конных масс, действовавших в конных строях. Следует ли, однако, успокоиться на этом, расчитывая, что в будущих столкновениях мы пойдем успешно по уже приобретенному пути. Нет, конечно, нет. Надо учесть, что: 1) наши возможные враги будут применять преимущественно пеший бой, 2) личный состав пехоты по сравнению с гражданской войной 1918—1920 г.г. сильно изменится в сторону большей устойчивости, 3) даже при „оперативной" деятельности конницы, т. е. тогда, когда конница перенесет свою работу с полей сражений на театр военных действий, то и тогда эскадронам и полкам, в конечном итоге, придется все же действовать тактически. Эти доводы, приводящиеся Б. Верховским, естественно говорят в пользу обращения большего, чем наблюдается, внимания на пеший бой конницы.

Заканчивая первую главу своей брошюры (стр. 1 — 12), в коей Б. Верховский приводит краткую историю эволюции взглядов на применение конницей пешего боя, автор задается вопросом, что же нам нужно,—конный или пеший строй? Не будет ли ошибкой, если мы будем продолжать культивировать конный бой? Или, может быть, нам „надо пренебречь огнем современных пулеметов и смело итти на них по старинке, с пикой на бедре?" В ответ на эти вопросы тов. Верховский указывает, что „победы дать не могут ни упрямое отстаивание старых форм при новой технике поражения, ни слепое копирование чужих положений, выработанных в иных условияхборьбы".

Мы, в массе бедные техникой, не можем воспринимать длительных затяжных боев. Это было бы для нашей конницы безусловно гибельно. Другими словами, вести пешие бои в коннице по образцу пехотных боев—нельзя. Ища решения в быстроте и энергии действий, следует признать в этом случае целесообразность конных атак, тем более, что наша конница привыкла к действиям на коне и верит в конную атаку Наконец, необходимо всемерно беречь кровь бойцов, не проливая ее даром. „Где же выход"? спрашивает автор—и отвечает: „В маневре, сочетаемом с боем. Надо сковать противника на фронте (огневой бой спешенных частей) и ударить во фланг (конная атака)"—такова, по мысли автора идейная схема боя.

Вот заключения, к каким приходит т. Верховский в первой главе. Комбинированный удар конницы, сочетание действий пешком и на коне, с учетом технических средств огневого боя и всей вообще обстановки, в связи с полученной задачей. Надо согласиться, что автор вполне прав.

В дальнейшем изложении своего краткого исследования пешего боя конницы в условиях современности автор анализирует общий характер и тактику и технику пешего боя конницы, и приводит расчеты спешивания, предлагая от себя проект должной (с точки зрения автора) организации конницы и расчетов для конного и пешего боя; заканчивается брошюра краткими сведениями о питании в бою огнеприпасами.

Во II главе т. Верховский, устанавливая общий характер пешего боя конницы, берет за отправную данную два положения: 1) должна ли спешенная конница копировать формы пехоты и 2) ведя пеший бой, будет

ли конница придерживаться тех же приемов и способов боя, каким пользуется пехота, или ее боевые действия будут отличаться от тактики боя пехоты. Другими словами, правильна ли будет постановка коннице длительного, упорного и методического пешего боя, т. е. употреблять ее, как пехоту, считая это (добавим от себя) за общее правило, потому что, как исключение, это вполне допустимо и правильно. Основываясь на опыте мировой и гражданской войн, автор дает отрицательный ответ. Автор утверждает, что если в 1914 г., при разных *способах* действий, конница могла руководствоваться одинаковыми с пехотой *формами* (что об'яснялось одинаковостью вооружения), то внедрение в толщу пехоты и в ряды конницы современной техники уничтожило эту возможность, а следовательно, настаивать на ней, а, следовательно, требовать от конницы того методизма и упорства огневого боя, как и от пехоты, является не только нецелесообразным, но и просто вредным. С этим мнением автора нельзя не согласиться, так как оно становится совершенно очевидным, если проанализировать природу современного боя пехоты, что и делает кратко автор. Бой пехоты слагается из ряда последовательных усилий. Развертывание на широком фронте и сближение с противником под прикрытием артиллерии, ввод в дело всех огневых машин, к каковым относятся орудия сопровождения, тяжелые и легкие пулеметы; движение маленьких огневых групп; сильнейший и методический огонь; сближение на близкую дистанцию; ближняя схватка; ближнее преследование — таковы характерные черты пехотного боя. Мы присоединяемся к мнению автора, полагающему, что подобные методические, длительные и настойчивые действия не в характере и духе пешего боя конницы. Как же действовать? По мнению автора, конница сама создает формы и способы своих действий; она творит их непрестанно, гибко приспособляясь к новым условиям боевой обстановки, стремясь лишь всегда сохранить свою подвижность. Отсюда вполне логично и правильно автор устанавливает два основных положения для пешего боя конницы: 1) она должна быть готова к нему, когда противник или обстановка вынудят ее к этому способу действий и 2) ведя пеший бой, руководствуясь методами, вытекающими из основных свойств конницы, как рода оружия, и из общих условий ее работы.

Исходя из этих отправных положений, автор в следующей главе сравнивает принятые в Польше и у нас порядки для пешего боя конницы, сравнивая их по ширине занимаемого фронта, в отношении маневренности пеших частей, по силе остающегося конного резерва, по числу подставляемых врагу мишеней и, наконец, по числу бойцов для штыкового удара. В итоге этого сравнения автор устанавливает, что: 1) в отношении спешенных взводов—польский, при равенстве в ширине фронта и равной огневой мощности, подставляет втрое меньше мишеней; подвижность, маневроспособность польского взвода выше (наша неповоротливая цепь и польские подвижные, гибкие боевые группы); 2) в отношении эскадронов—польский шире по фронту (охват); при огне мы рассредоточиваем, поляки сосредоточивают; у нас нет совершенно конного резерва; наше преимущество в абсолютном превосходстве выпускаемых в минуту пуль и в большем количестве бойцов при рукопашной схватке. В общем, по мнению автора, новый метод группового боя, выросший из принятия на вооружение нового автоматического оружия, ясно обнаруживает свои преимущества. Безусловно, добавим мы, это так. Но автор упускает из виду, что и в нашей армии веяния Запада нашли свой отклик, и все, что нам будет полезно и приемлемо по нашим техническим условиям, мы воспримем и привьем, а значит и боевые порядки спешенной конницы примут должный вид; 3) в отношении полков—у польского преимущество в ширине фронта, в количестве выпускаемых в минуту пуль и в силе свободного конного резерва; мы превосходим по силе штыкового

удара, что, однако, как справедливо замечает автор, вопрос второстепенный.

Автор, сравнивая наши и польские порядки для пешего боя конницы, приходит к неутешительным для нас выводам, но, однако, и польская система его не удовлетворяет также в силу таких своих недостатков, как бездействие в бою некоторого числа пулеметов (резервных), бездействие трех взводов (в спешенном полку, частные резервы эскадронов боевой части), пропадающих для конного боя. Замечания автора о недостатках как нашей, так и польской системы спешивания, мы не можем не признать справедливыми. Автор, становясь на практическую почву, дает свой проект организации эскадрона, полка и их порядков для пешего боя (гл. IV). Ход рассуждений автора следующий: 1) пехота, из-за внедрения в ее гущу техники, потеряла свою былую универсальность, и „универсальные штыки" уступили свое место „собранию специалистов"; 2) тактика действий мелких пехотных частей, в общем, однообразна (методическое продвижение, длительный огонь, готовность к штыковому удару); 3) конница, вынужденная разрешать разнообразные задачи, остается универсальной в своей организации; 4) она дерется в конном и пешем бою, используя в первом свою подвижность, во втором—силу огня (короткие огневые шквалы). Каково значение огня для конницы? Весьма большое: в пеших боях он должен иногда (скоротечность боя) превосходить даже силу пехотного огня. Огонь нужен коннице для отражения воздушных атак и бронесил; 5) сочетание подвижности и способности к конному удару с требованием развития мощного огня как будто бы не вяжутся с идеей универсальности; 6) выход из этого противоречия надо искать в гибкости организации, в соразмерности придачи коннице огневых машин соответствующей конструкции; 7) обучение и воспитание конницы должны преследовать цель одинаковой подготовки, как к конному, так и к пешему бою, а соответствующая организация конницы обеспечивать принятие активного участия в бою и в победе всех бойцов; 8) не забывать про подвижность и активность, особо важные в боях конницы.

Руководствуясь вышеприведенными соображениями, автор полагает целесообразным придать коннице следующую организацию. Эскадрон состоит из 4-х взводов 18-рядного состава. Характерная особенность предлагаемого автором эскадрона состоит в том, что все имеющиеся в эскадроне на его вооружении легкие пулеметы собираются вместе, в один четвертый взвод. Взвод этот делится на звенья (или группы), по числу легких пулеметов, при чем автор, учитывая нашу техническую бедность, устанавливает число их в три. Таким образом, в эскадроне будет иметься три сабельных (драгунских) и один пулеметный (конно гренадерский, как называет его автор) взвода.

Какие выгоды дает такая организация эскадрона? Главная из них заключается в том, что наличие конно-гренадерского взвода, в случае необходимости выделения пулеметов, облегчает эту возможность, не надо будет выдергивать то или иное пулеметное отделение или остающиеся пристегивать к чужим взводам. При частичном спешивании конницы ни одна огневая машина не пропадет для боя, так как всегда можно будет, выделяя, например, эскадрон в конный резерв, выслать его конно-гренадерский взвод в боевую часть, употребляя его при этом, как одно целое. Обучение специалистов в этом особо сведенном взводе легче и удобнее. Конно-гренадеры, вооруженные шашками, принимают участие в конной атаке, наравне с драгунами. При высылке раз'ездов легко и просто им могут придаваться звенья конно-гренадерского взвода. Доводы автора в пользу своей организации по нашему мнению справедливы, и предлагаемый им проект организации эскадрона, в общем, приемлем.

При предложенной организации облегчается достижение большого разнообразия в пеших боевых порядках. Получается возможность спешить 1) только конно-гренадер, оставляя в резерве три конных взвода, 2) конно-гренадер и один драгунский взвод,

оставляя два на конях, причем спешенные драгуны могут рассыпаться справа, слева или в промежутках между легкими пулеметами, или же, разбившись на две группы, расположиться на флангах пулеметов и т. д., 4) конно-гренадер и два или все три драгунских взвода (крайнее усиление пешего порядка, наибольшая мощность огневого действия), 5) наконец, при невыясненной обстановке, эскадрон в состоянии выслать в одном направлении взвод драгун с одним звеном легких пулеметов, держа все остальное на конях в полной готовности к конному и пешему боям. Мы намеренно подробно остановились на вышеприведенных случаях возможных пеших порядках эскадрона предлагаемой автором организации, дабы показать действительную гибкость этих порядков и возможности варьировать ими, смотря по обстановке (без ломки при этом организации составных частей). Автор, предвидя возражения, указывает на одно возможное, а именно—на кажущуюся недостаточность выдержки принципа группового боя. Мы сталкиваемся ведь здесь с уменьшением количества пулеметных групп и появлением на сцену старых взводных цепей. Но, как верно отмечает автор, бои спешенной конницы, в отличие от пехотных боев, ведутся скоротечно, а не методически из глубины. Мы не видим существования возражений и полагаем возможным согласиться с предложенными организацией и боевыми порядками. В самом деле, разделение эскадрона на две части— конную (драгунские взводы) и пулеметную (конно-гренадерский взвод)—обеспечивает ком. эскадрона возможность, комбинируя свои силы, создавать перевес или в сторону больше конного или же пешего боя. Вытекающая отсюда гибкость— несомненна. Что касается кавалер. полка, то, по мысли автора, он должен состоять из эскадронов вышеразобранной организации и пулеметного эскадрона, в коем сосредоточиваются все тяжелые пулеметы полка. Боевой порядок такого спешенного полка состоит из комбинаций боевых участков: тяжелых пулеметов (взводы пульвзвода), конно-гренадерских взводов и групп спешенных эскадронов и конного резерва. Основа боевого порядка пулеметы легкие и тяжелые. К этим огневым группам добавляются группы спешенных драгун. Благодаря гибкости организации, полк может применять множество вариаций, что автор и иллюстрирует на приложенных схемах. На схеме же приведен и боевой порядок бригады.

Обращаясь (в главе V) к тактике и технике пешего боя конницы, автор, разбирая случаи применения конницей пешего боя, в сущности ничего нового не говорит, а потому и останавливаться на этом мы не будем. Интересна мысль автора об использовании промежутков в боевом расположении. Автор оставливается на „маневренных" промежутках, служащих к „заманиванию" в них противника. Сковав его, уже втянувшегося в этот промежуток, огневой атакой, следует разбить его конной атакой. Таким образом, не следует бояться проникновения пр-ка вглубь расположения конницы, так как он будет быстро ликвидирован укрытой за огневыми (на фронте) заслонами сильной группой конных частей, броневиков (легких танков) и конных пулеметов.

Заканчивая обозрение труда т. Верховского, следует отметить, что он безусловно заслуживает знакомства с ним, как проводящего здравые мысли о правильном боевом использовании конницы, давая практические указания о тактике действий спешенной конницы. Текст сопровождается рядом давно составленных схем, облегчающих чтение.

К числу дефектов труда т. Верховского относится отсутствие, хотя бы краткого, анализа применения быстроходных кавал. танков и пулеметных автомобилей, использование коих в коннице выдвигается современной действительностью, как один из очередных вопросов.

Кроме того, брошюра т. Верховского значительно бы выиграла, если бы изложение сопровождалось примерами из мировой и гражданской войны.

Н. Варфоломеев.

Военное дело в каррикатурах.

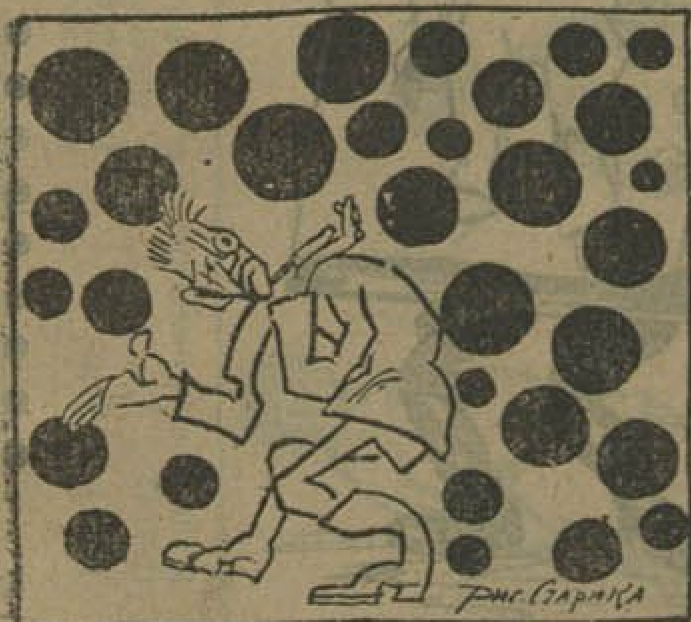
В Военно-Научном Обществе Западного фронта.

Механизация пехоты.



Проф. Ф Огородников: „Механический солдат будущего все-же будет уступать живому красноармейцу".

Критическое положен е.



Член военно-научного общества: „Кружков много, а я один"!

Военно-научное общество фронта образовало кружки:

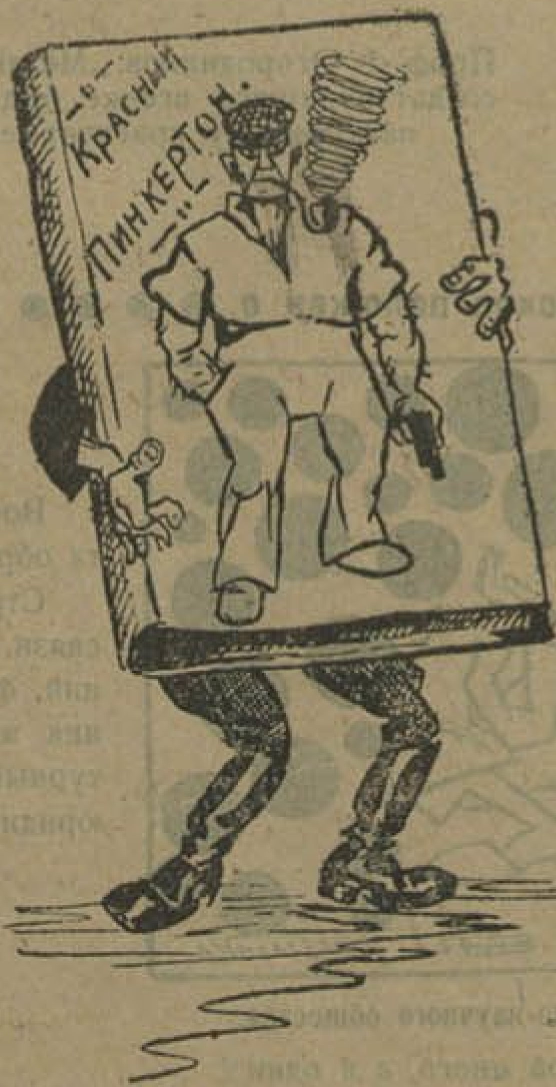
Стратегии, тактики, артиллерии, связи, снабжения, военных сообщений, физической культуры, изучения иностранных языков, литературный, марксистский, театральный, юридический и пр. и пр. и пр.

Литературный кружок Воен.-Н. К.

Шарж Старика.



„Мы изгоним с фронта буржуазную литературную Пинкертоновщину...



...И создадим Красный Пинкертон".

„Кружки клубятся“ *)

*) Что в переводе на повседневный язык значит: „члены военно-научного общества фронта приступили к работе по кружкам в клубе“.

КРУЖКИ:

1. Пехота.
2. Военно-экономический.
3. В.-Инженерного дела.
4. Снабжения.
5. Литературный
6. В.-юридический.
7. Артиллерии.
8. Военной гимнастики и физической культуры.
9. Марксистский.
10. Художественный (не открыт).
11. Военных сообщений.
12. Военной химии.
13. Иностранных языков.
14. Воздухофлота.
15. Театральный и пр. и пр. и пр.



Председатель военно научного общества на фронте: „Товарищи кружки! Клубитесь равномернее“!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

снабжения войск на театре военных действий.

Рис. Ф.

На обороте.

Эксплоатация местных средств войсковыми частями в глубокой древности.



Собравшись в 334 г. до Р. Х. пограбить богатый восток, Александр Македонский воскликнул: „В Тулу со своим самоваром не ездят!" и взял продовольствия только на завтрак. Солдаты Македонского поняли своего военачальника и, предупредительно вытряхивая душу из встречных персюков, убеждали их:

„Даешь продовольствие, персидские ковры и бирюзу!" после чего сейчас-же разлагались.

Это называлось в то время „эксплоатацией местных средств войсками".

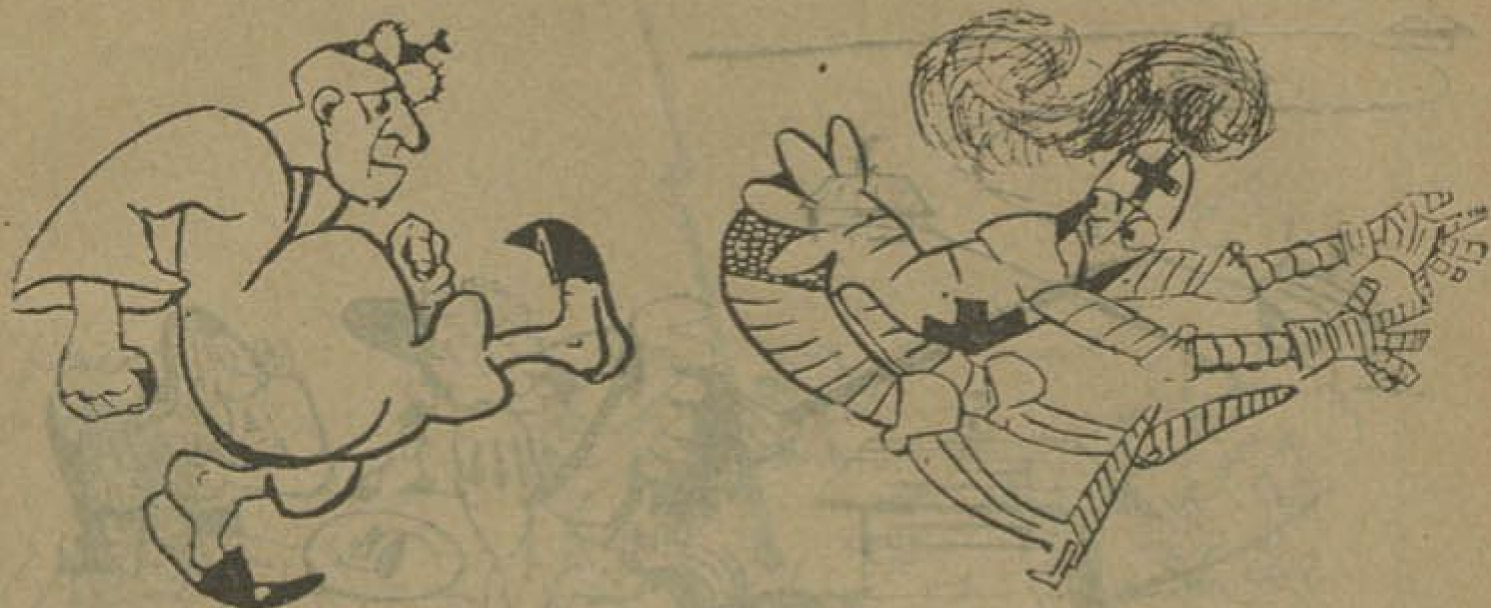
Подготовка снабжения армии крестоносцев.



Фридрих Барбаросса, вопреки свидетельствования историков, заявил, что он не рыжий и идет освобождать гроб господень, а попутно карманы турок, сарацин и прочих неверных.

Перед походом он заключил внебиржевую сделку с императором греческим, королем венгерским и султаном иконийским (были и такие) на поставку продовольствия крестоносцам в Европе и Малой Азии с уплатой за с'еденное по курсу дня (1189 г.).

Эксплоатация местных средств в средние века.



(Продолжение предыдущего).

Турки не хотели освобождаться от гроба Господня и всего прочего, а также невежливо отказали крестоносцам в местных средствах, несмотря на то, что последние действовали по установленным с древних времен правилам (см. Македонского).

Крестоносцы поспешили разложиться, и турки, не вынося дурного запаха, произвели над ними первый опыт полета аппарата тяжелее воздуха через Дарданеллы (1192 г.).

Эксплоатация местных средств административными органами.

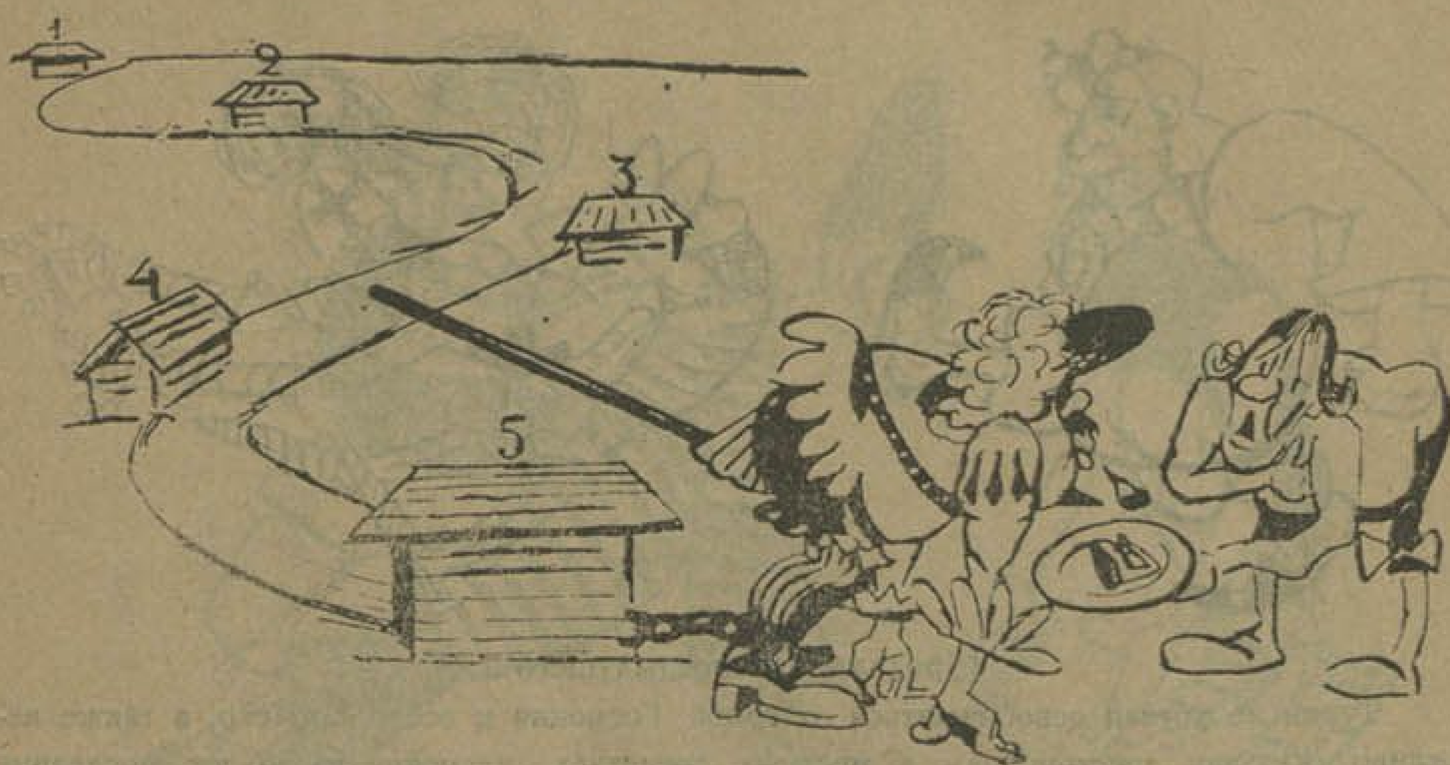


В тридцатилетнюю войну господствовало правило жить за счет войны. Иначе говоря, каждого полководца сочли-бы зеленым идолом, если-б он вздумал кормить свой вольнонаемный сброд в течении 30 лет, поэтому солдаты грабили, как хотели и что хотели.

Густав Адольф смекнул, что от подобного грабежа ему доходишка не будет и ввел сбор средств от населения в свои магазины своими чиновниками, которые отпускали местных жителей без сих и оных.

Историки говорят, что населению нравился такой метод довольствования войск.

Довольствие исключительно с тыла заботами администрации.



Последователи Густава Адольфа не обладали его сметкой. Они организовали магазинные запасы в мирное время и плохо щупали население во время войны.

Армия могла отходить от своей базы только на 5 переходов и была прикована к ней, как пес к цепи, а если население предлагало армии продовольствие, что мало вероятно, то она отплевывалась и рычала.

Такая система называлась пятипереходной.

Довольствие войск из местных средств во время французской революции.



Армия французской революционной буржуазии называлась санкюлотной, т. е. короткоштанной, за что ее очень полюбили французские дворяне и попы.

Санкюлоты беспрерывно дрались со всеми. Некий австрияк хитрым маневром забрался им в тыл, расчитывая отрезать пятипереходку, но санкюлот весело повернулся кругом, ибо весь его тыл состоял из узелка со сменой носового платка и маминого благословения. Австрияк от удивления разбился на голову, а санкюлоты стали эксплоатировать местные средства (см. Македонского).

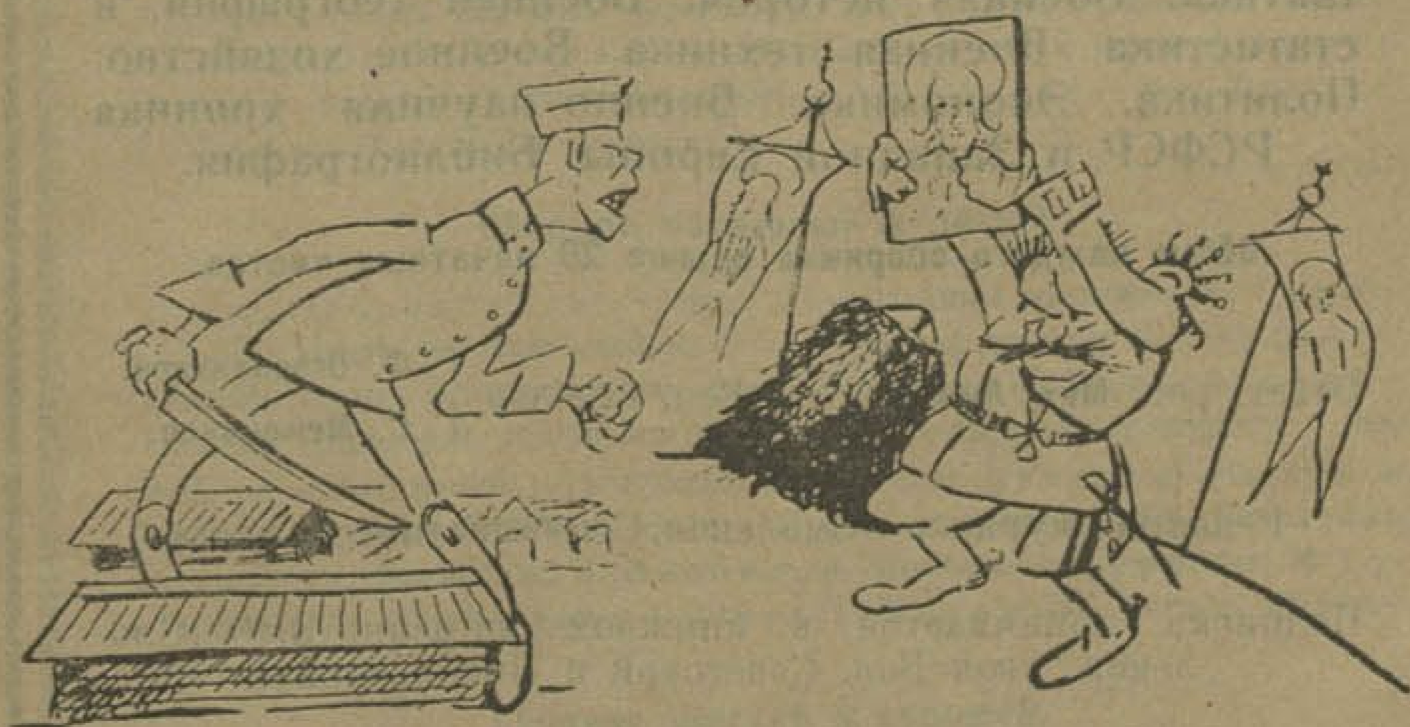
Смешанная система довольствия войск во время турецкой войны.



В турецкую кампанию (1877) войска делились: на сытого белого генерала, гарцующего на белом коне, голодного серого солдата, бредущего за генералом, и черного сухаря, маячившего вдали.

Солдат не мог догнать генерала, сухарь—солдата, чем воспользовались интенданты и с'ели сухарь. Солдаты за неимением сухарей и денег питались святым духом, чем привели в немалое восхищение белых генералов и интендантов.

Снабжение с тыла в японскую кампанию.



Российским продовольствием обильно снабжались не только наши армии, но и японские. Кроме того, наша армия снабжалась сибирскими папахами для устрашения врага и иконами, которые в ту эпоху прекрасно заменяли устаревшие снаряды и винтовки являясь последним словом техники.

После войны народ почему то (?) устроил революцию.

Ответ. редактор *Мих. Лузин.* Редакторы отделов: *Ф. Огородников.* *С. Мгженинов.*

Содержание вышедших сборников.

Сборник первый

Ф. Огородников—Война и Революция; М. Тухачевский—Статистика в гражданской войне; А. Богданов—Бронепоезда; Сорокин-Ражев—Танки; А. Григоров—Березинская операция; —ов—На пассивных участках Запфронта; Е. Татарченко—Красная авиация на Запфронте; М. Тухачевский—Инвалидное дело; Ф. Огородников—Стратегия национальная и классовая.

Сборник второй.

Ф. Огородников—Подготовка командного состава для Красной Армии; Я. Авиновицкий—К вопросу о методах подготовки красных командиров; М. Тухачевский—Инженерное соразмерение операций; Д. Зорин—Преступность в Красной Армии; М. Волчанецкий—Подготовка артиллерии к июльскому наступлению; Е. Татарченко—Действия авиации при отступательном марше (обзор); В. Бортникер—Действия артиллерии на Западном фронте (период операций с 4 июля по 15 августа 1920 года); П. Мей—Петроградская операция; К. Сысоев—Стратегический очерк Нарвской операции.

Сборник третий.

Ф. Огородников—Главнейшие особенности тактических действий в современной войне; К. Данишевский—Политика мира и политика войны Р. С. Ф. С. Р.; М. Тухачевский—Революция извне; Д. Зорин—Преступления в Красной Армии; Н. Шелавин—Германские позиции 1915—1918 г.г. на Западном фронте; Б. Ибрагимов—Выездка кавалерийской лошади; М. Волчанецкий—На подступах к Варшаве; Н. Кудрявцев—Борьба с Булак-Балаховичем; В. Путна—Под Варшавой; К. Умнов—Латгальская операция.

Сборник четвертый и пятый.

Ф. Огородников—Занятия с командным составом; В. Чернавин—Из опыта трехлетней войны; X — О тактике поляков; Б. Захаров—Предварительная разведка путей отхода артиллерии; М. Волчанецкий—Польская артиллерия на русском фронте; Г. Рудаков—К вопросу о пересмотре „Положения о хозяйстве в роте"; Н. Какурин—На пути к Варшаве; Н. Кудрявцев—Захват Ковеля поляками; Гая—Отход 3-го конкорпуса на Запфронте; Б. Леонидов—Волковысская операция; М. Тухачевский—Первая армия в 1918 г.; Н. Шелавин—Тактика технических войск.

Сборник шестой и седьмой.

Ф. Огородников—Красная Армия в войне с Польшей; * * * —Конница в гражданской войне; Гая—Недостатки в организации Красной Конницы; А. Роговский—Дивизионная конница; М. Баторский—Вождение войск; В. Цейтлин—Оперативные пункты и полевые штабы; В. Тарасов—Радиотелеграфная и радиотелефонная связь в военном и гражданском деле; М. Волчанецкий—Бельские бои 8-й стр. дивизии.

Сборник восьмой

Н. Какурин—Преднамеренно-отступательный бой; М. А. Баторский—Преследование и выход из боя; М. Б.—Уличный бой; М. Н. Волчанецкий—Управление артиллерией в полевом бою; А. А. Дьяконов—Военная игра и применение артиллерии; Балк—Развитие тактики пехоты; Ф. Е. Огородников—Красноармеец в отзывах комсостава; Библиография—Военная Мысль, журнал Туркфронта; Три учебника.

Сборник девятый—десятый.

Ф. Огородников—Военная пропаганда в Красной Армии; Ф. Огородников—Единая военная доктрина в Красной Армии; В. Латынин—Конные атаки и их отражение; Е. Шиловский—Заметки об управлении артиллерией в полевом бою; Б. Добротворский—Связь в первую польскую операцию; Н. Варфоломеев—Авангард или авангарды? М. Баторский—Прохождение службы командного состава строевых частей; В—Полевая подготовка курсантов; А. Воронец—Совещание представителей учебного дела ВУЗ Западного фронта; И. Халепский—Новые перспективы военного радиотелеграфа; М. Волчанецкий—Потери артиллерии; Б. Леонидов—Обход флангов; Б. Волков—Отход в район Минска; Библиография:—„Уроки гражданской войны"; „Армия и Революция"; „Военный Вестник"; „Революционная военная мысль".

Сборник одиннадцатый—двенадцатый.

Н. Какурин—Стратегия пролетарского государства; Ф. Огородников—Бой в условиях гражданской войны; М. Баторский—Тактика или стратегия; Н. Варфоломеев—К вопросу об армейских оперпунктах; Б. Леонидов—Враги о красной коннице; Брекар—Будущее конницы; А. Дьяконов—О слиянии арт. снабжения с управлением начальника артиллерии; В. Фролов—Снабжение красной армии на Запфронте; Бюа—Величие и падение германской армии. Библиография: „Военная Мысль"; „Полевое Военно-Инженерное дело".

Сборник тринадцатый.

Ф. Огородников—Методика подготовки Красной Армии; М. Баторский—Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн; Н. Варфоломеев—Движение преследующей армии к полю решительного сражения; Б. Леонидов—Дивизионная конница в Красной Армии; П-ц—Борьба пехоты с конницей Буденого; Б. Л.—К характеристике польской армии; Ив. Московитин—Германская артиллерия в 1914—1917 г.г. М. Волчанецкий—Журнал для младшего комсостава; А. Григоров—Краткий очерк боевых действий на фронте 7-ой армии; Библиография: «Военная наука и Революция» «Армия и Революция». Читатель; «Красная Армия»; «Бюллетень снабжения Красной Армии.

Сборник четырнадцатый—пятнадцатый.

М. Лузгин—Единое военно-политическое воспитание; Ф. Огородников—От доктрины к делу; Литке—Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары; Н. Варфоломеев—Движение преследующей армии;

Ле-Верже—Тактика пехоты (перевод с польского С. А. Меженинова); Тету—Воздушный флот; Стан. Кюнстлер—Наше августовское наступление; П. Кабак—Действие украинских повстанцев против немцев в 1918 году; Н.—Взятие Брест-Литовска; Б. Леонидов—Эсеробандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним; И. Глудин—Вооруженные силы Финляндии; Военный Кооператор—Военная кооперация; Фролов—Снабжение Красной Армии на Запфронте; Библиография—«Военная доктрина или мнимо Военное доктринерство»; «Современная война»; «Быстрота и выносливость кавалерии»; «Армия и Революция»; «Связь Красной Армии».

Сборник шестнадцатый.

В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; А. Ниссель—Методика военного обучения; В. Пострейтер—К введению кассации в военных трибуналах; М. Тухачевский—Искоренение бандитизма; С. Меженинов—Заметки по общей тактике авиации; * * *—Карельское восстание; В. Микулин—Рейд 8-й Кавалерийской дивизии Червонного Казачества; №—Атака укрепленной позиции; В. Караваев—Борьба за Мозырь; А. Корк—Критика и критиканство; Н. Варфоломеев—Современная карта Западной Европы; Мизонов—Техническая эволюция броневых сил; А. Алексеев—Последние новости авиации и воздухоплавания на Западе; Лаваль-Сенегаль—Снабжение во время войны; В. Лукич—Военная кооперация и ее пути; М. В.—Военно-научная жизнь в РСФСР; --й—Наши военно-научные периодические издания; * * *—К характеристике красной армии; Н. В.—Работа Центрального Военно-Научного Клуба на Запфронте; Анишев—Литработа и ВНО на Запфронте; Корейво—О военно-техническом совете связи Запфронта; А. Алексеев—Самостоятельные действия воздушного флота при подавлении восстаний в английских колониях в 1919–1920 г.; * * * Военный бюджет Польши на 1922 год. Библиография.

Сборник семнадцатый.

Проф. В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; В. Карейво—Забытый вид пропаганды; Ф. Огородников—Борьба с технически более сильным противником; Мойор Дидьо—Общая мобилизация; Т. Пискор—Трикратная система организации; В. Микулин—Служба развед. эскадрона; С. Меженинов—Артиллерия (пер. с польского); А. Стрельников и К. Бузницкий—Транспорт в Варшавскую операцию; М. Волчанецкий—Из истории английской революции; Н. Варфоломеев—Современная карта РСФСР; И. Глудин—Вооруженные силы Германии; Г. Эрман—Польша и ее вооруженные силы; Н. Блок—Будущее танков; Р. Башинский—Поправки табличных данных артиллер. стрельбы; А. Бельский—Химия "в" мировую войну; Хроника; Библиография.

Сборник восемнадцатый.

Мих. Лузгин—Критика или фраза; Мих. Лузгин—Дисциплина и полит. устав; В. Глотов—Полевой устав; В. Разуев—Замечания к уставу гарниз. службы; Ф. Огородников—Красная Армия и Нэпо; С. Меженинов—Досужие немецкие разговоры о пехоте; В. Рышковский—Современный боевой порядок; В. Микулин—Лава; Г. Эрман—

Принципы управления и работы высшего командования в польской армии; А Чиховский—Железнодорожные войска в руск.-пол. войну; И. Колендо Битва под Варшавой; М Волчанецкий—Из истории английской революции; Б. Леонидов—О военно-истор. работе и действиях командарма; А. Алешкин—Польская точка зрения на значение Полесья; Г. Городский—Зап. обл. в железнодор. отношении; И. Глудин—Вооруженные силы Румынии; Р. Башинский—Подвижная огневая завеса; В. Лучинский—Частное воздушное сообщение за границей; Хроника; Библиография—(иностранная и русская военная литература.

Сборник девятнадцатый.

Н. Варфоломеев—Маневры на Запфронте; С. Ч.—Подготовка разведчиков; В. Можайский—Героизм в бою; Проф. В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; М. Тухачевский—Действие и противодействие; Ф. Огородников—Диалектика огня; С. Меженинов—Строи и порядки пехоты; Смирнов—О значении военно-полевой маскировки; Сорокин-Ражев—Бронировка и маскировка; В. Глотов—Авиация и штыковой удар; Г. Михайлов—Связь на ближних дистанциях; Е. Пятосин—Авиация и штыковой удар; В. Чернавин—О питании патронами и гранатами; И. Глудин—Пехотный бой; Подп. Люган—Борьба с передовыми пулеметами (с французского); В. Микулин—Архиереи конницы; Ген. Пенелон—Коммуникация и разрушения в армиях (с французского); М. Дзенит—Операции 17 стр. дивизии против Булак-Балаховича); Р. Башинский—Эволюция методов артиллерийской стрельбы во время мировой войны; Р. И. Б.—Современная судовая артиллерия; В. Касаткин—Пахнет порохом и кровью (межд. обзор); М. Бобровский—Территория и население Польши; Г. Эрман—Вооруженные силы Японии; Хроника; Библиография (русская и иностранная военная литература).

Сборник двадцатый.

В. Касаткин—Великий обман и маленькая иллюзия; М. Лузгин—Задачи партийного строительства в армии; В. К.—Новая задача; Е. Пятосин—Современная авиация; Гулнев—Упорство и ударность; К. Нейман—Строй порядок и огонь; М. Герасимов—Огневые этапы; Хаханьян—Диалектика огня; В. Колесников — Питание патронами; Ганри—Пехота и огонь; С. Меженинов—Мысли об обороне; В. Чернавин—Огонь и движение; Н. Какурин—Польский авангард и борьба с ним; В. Микулин—Штык в коннице; Р. Башинский—Употребление артиллерии в английской армии; П. Пуць—Опыт тактического исследования связи; П. Дыбенко—Принцип связи и оперпункты; В. Глотов—Характерный эпизод; А. Чиховский—Железнодорожные войска; И. Колендо—Варшавская операция; П. П.—Разведка при помощи средств связи; Тархов — Организация связи в позиционной войне; Вельпри—Применение танков в бою; Тадеуш Кутржеба—Обороноспособность Польши в цифрах; А. Бельский—Хозяйственная жизнь Германии; А. Алешкин—Польские финансы; А. Б. Польская нефтепромышленность в 1922 г.; Н. Станьковский—Военная игра и подготовка снабженцев; Н. Глудин—Организация снабжения Красной армии; Хроника; Библиография (русская и иностранная военная литература).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЕННО-НАУЧНОГО КЛУБА

Западного фронта.

		цена в зол. вал.
Перепечко	„К борьбе с революционной фразой в Красной Армии“	20 к.
Балк.	„Развитие тактики пехоты“	15 к.
—	„Техника выполнения операций.“	50 к.
Баторский.	„Подготовка плана войны и операции“	35 к.
Чернавин.	„Ротные тактические учения“	20 к.
Роговский.	„Подготовка кавалерийской лошади“	15 к.
Усов.	„Пособие для наглядного обучения материальной части 48 линейной гаубицы“	15 к.
Цейтлин.	„Разведывательная служба штабов“	35 к.
Огородников.	„Тактика в задачах стрелкового полка“	35 к.
„	„Новое в тактике пехоты“	20 к.
„	Боевая подготовка германской пехоты	80 к.
„	Боевое обучение звена	печатается.
Волчанецкий.	„Артиллерийская разведка“	35 к.
Глудин и друг.	Тактика польской пехоты“	35 к.
	Военно-Географический и статистический сборник Запкрая.	1 р.
С. Меженинов.	„Боевые примеры задач для отделения пехоты“	20 к.
М. Тухачевский.	„Бой пехоты“	20 к.
С. Меженинов	„Борьба на Западе“	15 к.
Журнал	„Революция и Война“	старые номера распроданы
„ „ „	№ 19	1 р. 75 к.
„ „ „	№ 20 пол. аванс в	2 р. — к.
Чернавин.	Огонь и движение	25 к.
Тимофеев-Наумов.	О пулеметах германской армии	50 к.
Сергеев.	От Двины к Висле	2 р. 80 к.
Городецкий.	Бандитизм на Западном фронте со схемами.	нах. в печати
Вахтеров.	1 книга для чтения	45 к.
	Портрет—биография Ленина	15 к.

